

С. ШВАРЦ / СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И АРАБО-ИЗРАИЛЬСКАЯ ВОЙНА 1967 ГОДА

С. ШВАРЦ

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
И АРАБО-ИЗРАИЛЬСКАЯ ВОЙНА
1967 ГОДА**

ИЗДАНИЕ
АМЕРИКАНСКОГО ЕВРЕЙСКОГО РАБОЧЕГО КОМИТЕТА
Нью-Йорк, 1969

С. ШВАРЦ

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
И АРАБО-ИЗРАИЛЬСКАЯ ВОЙНА
1967 ГОДА**

ИЗДАНИЕ

АМЕРИКАНСКОГО ЕВРЕЙСКОГО РАБОЧЕГО КОМИТЕТА

Нью-Йорк, 1969

Solomon M. Schwarz
THE SOVIET UNION
AND THE ARAB-ISRAELI WAR 1967

Copyright 1969 © by the author

Printed in U.S.A. by WALDON PRESS, INC.
150 Lafayette St., New York, N.Y. 10013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта небольшая книга возникла почти случайно. Автор готовил для английского издания вышедшую по русски в 1966 году книгу «Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939-1965)» (издание Еврейского Рабочего Комитета) и дополнял ее материалом, относящимся к двум годам после ее выхода в свет. При этом автор не мог, конечно, не коснуться вопроса о роли Советского Союза в арабо-израильской войне 1967 года. Эта тема к вопросу о евреях в Советском Союзе имеет как будто лишь отдаленное отношение; но она так глубоко вторгается в душевный мир советского еврейства и так неблагоприятно сказывается на отношении официальных советских кругов к еврейству, что обойти ее молчанием в этой книге казалось невозможным. Но в то же время тема о роли Советского Союза в войне 1967 года далеко выходит за естественные рамки книги о евреях в Советском Союзе. Автор решил было поэтому выделить эту тему в приложение в конце книги и посвятить ей, может быть, до 25-30 страниц. Но, работая над темой, автор скоро убедился, что при избранном им и оправдавшем себя в книге о советском еврействе методе отбора и анализа материала работа эта оказывается гораздо больше, чем первоначально намечалось, и фактически взрывает рамки книги, небольшим дополнением к которой она должна была быть. Так автор пришел к мысли о выделении этой работы в самостоятельную небольшую книгу, включив в нее в виде вводной главы десять страниц из большой книги.

Но тут возникла новая трудность: как ограничить хронологические рамки работы? Военные действия в июне 1967 года прекратились, лучше, может быть, сказать: в основном прекратились. Но все вставшие в связи

с войной 1967 года вопросы еще ждут своего решения, положение остается и неопределенным, и текучим, часто становится очень тревожным, и роль Советского Союза в этом новейшем развитии оказывается, может быть, даже более значительной, чем во время войны. В работе, задуманной, как очерк из области «текущей истории», — пользуясь популярным среди американских историков термином, — необходимо поэтому избрать момент, на котором изложение и анализ событий, еще развивающихся, должны оборваться. Автору одно время казалось, что таким моментом могло бы быть единогласное принятие Советом Безопасности ООН 22 ноября 1967 года резолюции о «ликвидации последствий» войны. Но дальнейшее развитие показало, что единогласие в Совете Безопасности 22 ноября было обманчивым, что все вопросы, вызывавшие острые разногласия до принятия резолюции и, казалось, ею разрешенные, возникают вновь и вновь с почти неизменной остротой, то ли в порядке толкования резолюции 22 ноября, то ли с полным ее игнорированием. Это заставило автора остановиться на более раннем моменте и закончить изложение событий специальной сессией Общего Собрания ООН в июне-июле 1967 года. Здесь все вопросы были поставлены. До решения их еще далеко.

I. ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В сознании еврейских общественных кругов широко распространено представление, что советская политика в вопросе об образовании еврейского государства в Палестине по самому существу своему развивалась, как проарабская и антиеврейская политика. Это и верно и неверно. Проарабские и антиеврейские черты этой политики давно уже — по крайней мере с начала тридцатых годов — выступают с большой отчетливостью, но основным в этой политике и в предвоенный период и в первые годы после войны был ее антибританский характер, и проарабские и антиеврейские ее черты были лишь производными от ее антибританской основы. Этот в течение долгого периода вторичный характер проарабизма советской палестинской политики многое объясняет в кажущейся на первый взгляд противоречивой советской палестинской политике первых лет после войны. В последние годы — в особенности со второй половины 1955 года — положение значительно изменилось и проарабский характер советской палестинской (и шире — ближневосточной) политики все больше приобретает самостоятельное значение. Но об этом позже.

Непосредственно после окончания войны мысль о создании еврейского государства в Палестине или части ее встречала в руководящих советских кругах решительно враждебное к себе отношение, давно уже ставшее в компартии прочной традицией, на почве которой в годы войны выдвигались самые чудовищные обвинения против евреев вплоть до обвинения в солидарности и сотрудничестве с гитлеризмом.¹ Но обострившиеся в 1946/47 годах отношения между сионистской организацией и британским правительством вызвали весной 1947 года резкий поворот в советской палестинской политике.

Когда весной 1947 года Генеральная Ассамблея ООН обсуждала вопрос о будущем Палестины, представитель Советского Союза Андрей Громыко неожиданно заявил, что «с вопросом о Палестине и ее будущем устройстве связаны чаяния значительной части еврейского народа», что «необходимо проявить заботу о неотложных нуждах народа, перенесшего тяжелые страдания в результате войны, развязанной гитлеровской Германией», и что «это является долгом Объединенных Наций». Громыко говорил при этом о «стремлении евреев к созданию своего государства», подчеркнув, что «было бы несправедливо не считаться с этим и отрицать право еврейского народа на осуществление такого стремления». Переходя к вопросу о будущем Палестины, Громыко выразил свое убеждение, что «необходимо принимать во внимание тот бесспорный факт, что население Палестины состоит из двух народов — арабов и евреев, каждый из них имеет исторические корни в Палестине». Поэтому «справедливое решение» палестинской проблемы возможно «только при условии, когда будут в достаточной степени приняты во внимание законные интересы обоих этих народов». Интересы эти лучше всего «могут быть защищены должным образом при создании независимого двуединого демократического арабско-еврейского государства», а при невозможности такого разрешения этого вопроса, «ввиду испортившихся отношений между евреями и арабами», необходимо «рассмотреть» вопрос о «разделе Палестины на два самостоятельных независимых государства — еврейское и арабское» («Правда», 16 мая 1947 г.).

Это были новые слова. В среде советского еврейства решительная поддержка Громыко «стремления евреев к созданию своего государства» в Палестине и категорическое признание «**права** еврейского народа на осуществление этого стремления» и аргументация о «**долге** Объединенных Наций» «проявить заботу о неотложных нуждах народа, перенесшего тяжелые страдания в результате войны, развязанной Гитлеровской Германией», не могли не произвести громадного впечатления. Мы еще к этому вернемся.

Объединенные Нации признали необходимым раз-

дел Палестины на два государства, и 14 мая 1948 года независимое государство Израиль объявило о своем возникновении. Но арабы отказались создать в Палестине независимое арабское государство в согласии с решением ООН и напали на Израиль в самый день объявления о его рождении. Так началась еврейско-арабская война. ООН пытались вмешаться в этот спор и добиться заключения перемирия. Советский Союз поддержал эту инициативу ООН и безоговорочно осудил арабскую агрессию. Стоит процитировать почти забытую, но и до сих пор сохраняющую свое значение редакционную статью «Правды» от 29 мая 1948 года:

«События, развернувшиеся в Палестине, привлекают напряженное внимание всей мировой общественности. Военные действия приобретают все больший размах. Идущие на многочисленных фронтах бои принимают все более ожесточенный характер.

Развитие событий в Палестине общеизвестно. 14 мая в связи с истечением срока английского мандата на Палестину было провозглашено еврейское государство Израиль. Основанием для провозглашения еврейского государства послужило решение Организации Объединенных Наций о разделе Палестины на два самостоятельных, независимых государства. Подобное решение отвечало как интересам еврейского, так и арабского населения Палестины, создавало предпосылки для мирного сосуществования и сотрудничества евреев и арабов. Однако провозглашение еврейского государства повлекло за собой военное нападение на него со стороны арабских государств — Трансиордании, Египта, Саудовской Аравии, Ирака, Сирии и Ливана, правительства которых направили свои войска против молодого, вновь созданного еврейского государства».

Статья «Правды» останавливается далее на политических маневрах в Объединенных Нациях вокруг вопроса о разделе Палестины, резко осуждает Англию и Соединенные Штаты и заканчивается так:

«Советский Союз защищал и защищает независимость арабских государств и народов. Однако должно быть ясным, что, ведя войну против молодого еврейского

государства, арабы борются отнюдь не за свои национальные интересы, не за свою независимость, а против права евреев на создание своего независимого государства. Тем самым арабские государства мешают с оружием в руках еврейскому народу Палестины осуществить свое законное право на создание еврейского независимого государства.

При всем своем сочувствии к национально-освободительному движению арабских народов советская общественность не может не осудить агрессию арабских государств, направленную против государства Израиль и против права еврейского народа на создание своего государства в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций».

Осенью 1948 года в Москве была выпущена брошюра *И. А. Генина* «Палестинская проблема» в которой мысль об ответственности арабов за агрессию против Израиля была выражена еще резче:

«Евреи приняли план раздела Палестины в соответствии с решением Организации Объединенных Наций. Большинство же арабских партий, представленных высшим арабским комитетом, отклонило это решение.

Еще до вынесения Организацией Объединенных Наций резолюции по палестинскому вопросу Высший арабский комитет опубликовал заявление, в котором категорически отверг план образования еврейского государства. В этом документе говорилось: 'Арабы никогда не допустят образования еврейского государства хотя бы на одном дюйме палестинской земли... Ни одному еврею не будет позволено иммигрировать в Палестину'. В этом же заявлении Высший арабский комитет, ссылаясь на исключительные якобы права арабов на Палестину, пытался шантажировать общественное мнение, угрожая кровопролитием, которое будто бы приведет к третьей мировой войне.

Аналогичную декларацию сделал при обсуждении палестинского вопроса в ООН вице-председатель Высшего арабского комитета Джемаль Хусейн, который угрожающе заявил на одном из заседаний: 'В случае, если Палестину будет разделена на два государства, линия раздела превратится в линию огня и крови'». (стр. 16-17).

Мы не можем останавливаться на дальнейшем развитии израильско-арабских отношений. Нас интересует здесь советская политика в отношении Израиля. В первые два года после возникновения Израиля советская политика по отношению к нему была в общем и целом благоприятной, затем в советско-израильских отношениях начало сказываться быстрое охлаждение, достигшее угрожающего характера осенью 1952 года, во время процесса Сланского в Чехословакии, когда внезапно встали из гроба «Сионские мудрецы», на этот раз с Бен-Гурионом и Моше Шаретом во главе. «Процесс врачей» должен был означать апогей этого развития, но смерть Сталина приостановила его, приостановила, но не прекратила. 29 марта 1954 года Советский Союз наложил вето на постановление Совета Безопасности, требовавшее, чтобы Суэцкий канал, который в нарушение израильско-египетского перемирия 1949 года оставался закрытым для судов, плывущих из Израиля или в Израиль, был вновь открыт и для этих судов («Правда», 1 апреля 1954 г.). В конце 1955 года Хрущев, в речи в Верховном Совете СССР (после доклада Булганина о поездке его и Хрущева в Индию, Бирму и Афганистан) занял позицию, диаметрально противоположную той, которую советское правительство заняло в 1948 году. Хрущев сказал здесь:

«Мы понимаем устремления народов арабских стран, которые борются за полное освобождение от иностранной зависимости. В то же время заслуживающими осуждения являются действия государства Израиль, которое с первых дней существования начало угрожать своим соседям, проводить по отношению к ним недружелюбную политику.

Ясно, что такая политика не отвечает национальным интересам государства Израиль, что за спиной тех, кто осуществляет эту политику, стоят всем известные империалистические державы. Они стремятся использовать Израиль, как свое орудие против арабских народов, имея в виду хищническую эксплуатацию природных богатств этого района». («Правда», 30 декабря).

Отсюда до прямой поддержки арабских стран в их антиизраильских планах оставался только один шаг, ко-

торый вскоре и был сделан. В июне 1956 года иеменская делегация с наследным принцем и заместителем премьер-министра Селф-Ул-Ислам Магомет эл-Бадром во главе посетила Советский Союз. Арабский журналист, сопровождавший делегацию, получил интервью у Хрущева. Интервью это было напечатано 1 июля во влиятельной каирской газете «Ал-Ахрам» и краткое сообщение о нем появилось на следующий день в нью-йоркском «Таймс». Но интервью это не привлекло к себе того внимания, которого оно заслуживало. А в советской прессе — это система — об этом вообще ничего сообщено не было и, конечно, не было и опровержения. В этом интервью Хрущев полностью поддержал арабский тезис, что существование Израиля является результатом империалистической политики и Израиль есть продукт агрессии. Но Хрущев советовал арабам по тактическим соображениям оставаться пока внешне спокойными, чтобы не давать повода к обвинению в агрессивных намерениях.

Война Израиля с Египтом, вспыхнувшая в октябре 1956 года, привела к резкому ухудшению положения. Израильская оффензива против Египта могла еще быть объяснена необходимостью предупредить сокрушительный удар, который Египет и его союзники открыто готовяли против Израиля. Но несчастная связь этой оффензивы с французскими и английскими военными операциями, преследовавшими совсем другие цели, дала советскому правительству повод занять чрезвычайно решительную позицию против Израиля. Вскоре после начала военных действий на Синайском полуострове и вокруг Суэцкого канала Булганин обратился с нотами к Идену, Ги Моллэ и Бен-Гуриону. Все три ноты были составлены в резких тонах, но нота, адресованная Бен-Гуриону, выделялась своей резкостью и содержавшейся в ней прямой угрозой: «Правительство Израиля преступно и безответственно играет судьбой мира, судьбой своего народа. Оно сеет такую ненависть к государству Израиль среди народов Востока, которая не может не сказаться на будущем Израиля и которая поставит под вопрос само существование Израиля, как государства» («Правда», 6 ноября 1956 г.).

В своем ответе Булганину 8 ноября Бен-Гурион сослался на хорошо известные факты, которые вызвали занятие Синайского полуострова и района Газы израильскими войсками. Описывая положение, которое заставило правительство Израиля принять решение о начале военных действий, Бен-Гурион цитировал секретный приказ командующего третьей египетской дивизией в Синае, генерал-майора Ахмед Салем от 15 февраля 1956 года, в котором предписывалось: «Каждый командир должен подготовить себя и своих подчиненных к неизбежной кампании с Израилем с целью выполнения нашей высокой цели, а именно: уничтожение Израиля и искоренение его в самое кратчайшее время в самых жестоких и суровых боях» («Правда», 16 ноября 1956 г.)*) Игнорируя эти факты, Булганин повторил свои угрозы в ноте от 15 ноября, а советская пресса начала уже просто предрекать конец Израиля в порядке «самоубийства». Характерна в этом отношении статья «Известий» от 29-го ноября, так прямо и названная «Путь самоубийства»: «Выступая в качестве лакеев империализма, выполняя чужую волю, волю колонизаторов, правящие круги Израиля толкают страну на путь самоубийства. Надо со всей прямотой сказать, что, бросая вызов арабским народам, всем народам Востока, ведущим борьбу против колониализма, Израиль роет себе могилу». В результате «последних событий», заканчивается статья, «на карту поставлено самое существование Израиля как государства».

С этого времени особенно отчетливо проявляется стремление руководителей советской политики обеспечить Советскому Союзу прочную опору на Ближнем Востоке путем сближения и тесного сотрудничества с арабским национализмом и энергичной поддержки его воинствующей антиизраильской установки. Поразительным свидетельством этого нового обострения антиизраильских настроений официальных советских кругов является выпущенная в Москве в конце октября 1958 года книжка

---

* Полный текст приказа генерал-майора Ахмеда Салема от 15 февраля 1956 года по арабски (воспроизведен фотографически) и в английском переводе напечатан в книге Франка Джервази "The Case for Israel," The Viking Press, New York, 1967, pp. 221-226.

К. Иванова и З. Шейниса «Государство Израиль, его положение и политика». В ней сделана попытка популяризовать мысль, что Израиль не независимое государство, а лишь орудие американской агрессивной политики, что еврейские народные массы жестоко эксплуатируются в Израиле еврейскими и иностранными капиталистами, что израильское правительство ведет политику грубой дискриминации и не только по отношению к арабам, но и по отношению к евреям из стран Азии и Африки. Подводя итоги, авторы пишут: «Руководствуясь чуждыми трудящимся евреям интересами, они [т.е. «реакционные сионисты» с партией Мапай во главе. — С.Ш.] не повели страну по пути национальной самостоятельности, а привязали ее к колеснице обреченного империалистического колонизаторского мира» (стр. 146-147). Отказ воинствующего арабского национализма примириться с существованием государства Израиль является в этих условиях необходимым элементом арабской борьбы за национальное освобождение.

Такого рода аргументы, может быть, не в такой грубой форме, неоднократно развивались в советской печати. Что ново в цитированной только что книжке, это опубликование в ней поразительного «документа», заставляющего вспомнить «Протоколы Сионских мудрецов», знаменитую фальшивку, сфабрикованную в начале двадцатого века в недрах царской охраны и в течение десятилетий служившую во многих европейских странах отравленным оружием самого крайнего антисемитизма. Теперешний «документ» должен доказать имманентную агрессивность Израиля и разработку в руководящих израильских кругах далеко идущих планов антиарабской агрессии, что, конечно, должно оправдать планы антиизраильской агрессии, вынашиваемые воинствующим арабским национализмом. Включение этого «документа» в арсенал советской пропаганды означает новое и угрожающее обострение советско-израильских отношений и молчаливое одобрение советским правительством арабского плана уничтожения Израиля.

Что же рассказывает этот «документ»?

В ноябре 1957 года редактор бенгальского еженедель-

ника «Блиц» Каранджи опубликовал книжку «Кинжал Израиля», содержащую будто бы секретные документы израильского Генерального Штаба. Среди этих документов — «Стратегический план израильской армии на 1956-1957 годы». План предусматривал «превентивную войну», которая должна быть начата под видом сопротивления арабской агрессии («Приняв решение начать превентивную войну, мы из политических соображений должны вызвать вооруженный конфликт, чтобы тем самым показать, что такая война не является актом агрессии с нашей стороны», стр. 48). Задача войны разбить арабские нации, присоединить к Израилю Синайский полуостров и Суэцкий канал («Суэцкий канал принесет нам от 10 до 20 миллионов долларов в год»), всю Иорданию, части Ливана и Сирии, северную часть Аравийского полуострова и острова в устье Акабского залива и выкроить из арабских стран новые государства — друзов, шиитов, маронитов, алавитов, курдов и коптов. «За арабами сохраняются следующие территории: Дамаск, Южный Ирак, Египет, Центральная и Южная Саудовская Аравия. Желательно создание широких не-арабских коридоров через эти арабские территории» (стр. 45-47).

Но это еще не конец. В декабрьской книжке (за 1958 год) журнала «Международная Жизнь» была помещена обширная рецензия на книжку Иванова и Шейниса. Автор рецензии (П. Милов), отражая, повидимому, официальные настроения, хвалит авторов книжки за опубликование «документа» и соглашается с их общей концепцией, но упрекает их в недостаточном внимании к проарабским аргументам. Авторы книги, пишет критик, «недостаточно показали движение палестинских арабов за национальное освобождение и против империализма» и не сумели достаточно выяснить роль «сионистов», как «орудия колонизаторов в их борьбе против национального освобождения арабов». Критик далее упрекает Иванова и Шейниса в том, что они не остановились вовсе на создании «сионистскими организациями» в Палестине «задолго до возникновения государства Израиль» «подпольной еврейской армии Хагана численностью более 60.000 человек». Значит, даже и создание Хаганы, которая в 1948 году

буквально спасла новорожденное еврейское государство от уничтожения и его еврейское население от повального физического истребления, сейчас рассматривается как преступление против человечества. Иванов и Шейнис не решились идти так далеко и просто промолчали о Хагане. «Международная Жизнь» считает это непростительной ошибкой.

С конца пятидесятих годов во взаимоотношениях между Советским Союзом и арабскими странами иногда возникают трещины. Но с советской стороны делается все возможное для сохранения дружественных отношений с арабами, и на отношение Советского Союза к Израилю возникающая временная и зачаточная напряженность советско-арабских отношений пока никакого влияния не оказала. И с новым резким усилением агрессивности Объединенной Арабской Республики по отношению к Израилю в еврейской среде естественно возникают опасения, что Советский Союз будет искать улучшения своих отношений с арабскими странами за счет Израиля.²

II. ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СОВЕТСКОЙ АНТИИЗРАИЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ

В 1966 году положение на Ближнем Востоке резко обострилось. Основным центром обострения на этот раз явилась Сирия. В феврале 1966 года в Сирии произошел военный переворот, — двадцатый военный переворот со времени провозглашения в 1946 году независимости Сирии, — выросший из внутренней борьбы в правящей партии Баас (Арабской Социалистической Партии Национального Возрождения), — и к власти пришло наиболее авантюристически настроенное левое крыло партии. В международной печати высказывалось предположение, что переворот произошел при активном советском содействии, может быть, даже по инициативе Москвы. Это несомненно неверно. Если внимательно присмотреться к тому, что сообщалось в дни переворота в «Правде» и «Известиях», не остается сомнений в том, что для Москвы — и для ЦК КПСС, и для министерства иностранных дел — переворот явился неожиданностью.

В Сирии еще с марта 1963 года у власти находилась партия Баас, внутри которой происходила борьба между ее левым и правым крыльями, упорная, но протекавшая до поры до времени в относительно мирных формах. В ходе этой борьбы в декабре 1965 года произошел правительственный кризис и молодой лидер левого крыла партии д-р Юсеф Зуэйн (рождения 1931 года) должен был сложить с себя обязанности главы правительства и власть целиком перешла в руки традиционного старого руководства партии. Это против него и произошел переворот 23 февраля, явившийся результатом заговора молодого офицерства и сразу начавшийся — на рассвете 23 февраля — с осады и обстрела резиденции председателя президентского совета, т.е. президента Амина Хафиза;

дети его — мальчик 8 лет и девочка 7 лет — при этом были ранены и еще 16 человек из личной охраны президента убиты или ранены. Борьба приняла очень бурный характер. По сообщению багдадского радио число убитых достигло 400.³

В отношении к Израилю в Сирии еще до переворота 23 февраля твердо установилась политика решительной поддержки диверсионных и террористических актов арабских партизан, главным образом из среды бывших палестинских беженцев, проникавших на территорию Израиля не непосредственно с сирийской, а с иорданской или — гораздо реже — ливанской территории и после совершения террористических актов возвращавшихся на свои базы в Иордании или Сирии. Израильское правительство энергично протестовало против этих актов, требуя, чтобы сирийское и иорданское правительства приняли действительные меры против проникновения террористов с их территории. Но правительства Сирии и Иордании игнорировали эти протесты. Израильское правительство время от времени прибегало к «актам возмездия», — не формируя и не поощряя формирования партизанских отрядов, а пользуясь регулярными воинскими отрядами, проникавшими на территорию Сирии или Иордании в места, где были расположены опорные базы террористов, — и после короткого рейда, иногда и после столкновения с регулярными частями противника, возвращавшимися на территорию Израиля.

С приходом в Сирии к власти нового правительства, вышедшего из переворота 23 февраля, эта агрессивная анти-израильская политика резко усилилась. Правительство Зуэйна опубликовало заявление, призывающее все арабские революционные организации «выступить против сионизма и империализма и освободить узурпированные части Палестины». На открывшейся 10 марта экстренной конференции партии Баас новый президент Эль-Атаси объявил краеугольным камнем революции «освобождение Палестины» и решительно высказался при этом против отсрочки активных действий против Израиля:

«Мы считаем, что отсрочка битвы за освобождение

увеличивает шансы врага на спасение. Призывая к войне за освобождение, революция укрепляет арабское единство. Единство будет выковано в огне войны за освобождение, которая явится решающим фактором в создании психологической, политической и военной атмосферы». ⁴

Московское коммунистическое руководство несомненно не было подготовлено к этим событиям. Телеграммы ТАСС сообщали из Дамаска от 23 февраля, что власть в Сирии перешла в руки «районного руководства партии Баас» («Правда» от 24 февраля), — и из Каира от 24, что президент Амин Хафис и премьер-министр Салах Битар арестованы («Правда» от 25 февраля). Но «Правда» явно плохо ориентировалась в происходившем в Сирии, и еще 26-го пометила телеграмму из Лондона о сирийских событиях под явно дезориентирующим заголовком: «Политика остается без перемен». Своего корреспондента в Сирии «Правда» к этому времени вообще не имела. И направленному в Дамаск каирскому корреспонденту «Правды» Е. Примакову, как он сам потом писал, «удалось попасть в страну спустя несколько дней после переворота» («Правда» от 18 марта). Но и первые напечатанные в «Правде» его сообщения («Положение нормализуется» в «Пр.» от 3 марта, интервью с Зуэйном в «Пр.» от 6 марта, «Дамаск празднует» — празднует трехлетие переворота, приведшего в 1963 году «Баас» к власти — в «Пр.» от 9 марта) были выдержаны — вероятно, в соответствии с полученной им директивой из Москвы — в успокоительных тонах, и только в «Правде» от 18 марта появилась обширная статья Примакова «Репортаж из Сирии», явно стремящаяся смягчить картину переворота, но сообщающая уже и ряд фактических сведений о событиях 23 февраля и в первые недели после переворота; все это в основном в виде интервью с председателем (новым) Федерации сирийских профсоюзов Халедом Джунди. Конечно, весь рассказ Джунди строго выдержан в тонах победившей фракции Баас, но для нас важно сейчас не это, а то, что он целиком посвящен внутренней борьбе в Баас и вопросам внутренней политики (так, по крайней мере, в статье корреспондента «Правды», как она напечатана в газете), но о внешней политике, в частности

об активизации ее с упором на «освобождение» Палестины, во всей обширной статье нет ни слова и не только не упоминается декларация нового правительства после переворота и знаменательная речь президента при открытии экстренной конференции Баас, но и об этой конференции вообще не упоминается ни одним словом.

Советское политическое руководство все еще колебалось в своей оценке сирийских событий⁵ и соответственно приглушало информацию в печати. Только в середине апреля принято было какое-то решение, как мы сейчас увидим, все еще неполное, и 14 апреля сирийское правительство получило приглашение послать в Москву правительственную делегацию. И только 17 апреля, накануне приезда в Москву сирийской делегации, в «Правде» и в «Известиях» появились обширные статьи — И. Беляева в «Правде» «Весна независимости» и Л. Медведева (из Дамаска) в «Известиях» «Юность древней Сирии», — из которых советский читатель узнал о «недавно прошедшей в Дамаске чрезвычайной конференции партии Баас», как писала «Правда», или о «созванной вскоре после 23 февраля чрезвычайной конференции сирийской Баас», как писали «Известия», — и сообщалось о ряде решений конференции, но об одобрении конференцией анти-израильской агрессивной политики в обеих статьях опять не было ни слова.

На следующий день приехала сирийская делегация. Все было обставлено чрезвычайно торжественно. В состав делегации, кроме премьера Зуэйна, входили заместитель премьера и министр иностранных дел, министр обороны, помощник начальника генерального штаба, министр экономики (почти коммунист), управляющий центральным банком, директор организации по строительству Евфратской плотины и еще ряд видных лиц. Делегацию встречали Косыгин, его первый заместитель Новиков, мининдел Громыко, заместитель министра обороны и начальник генерального штаба маршал Захаров и ряд министров, — несколько менее широкий отбор, чем у сирийцев, но все же — парад. На следующий день состоялся торжественный прием делегации в Кремле, еще на следующий прием у сирийцев. И тут, и там Косыгин и Зуэйн обменялись

речами, которые были опубликованы в печати («Правда» от 20 и 21-го). 22-го было подписано советско-сирийское экономическое соглашение. 23-го состоялась «встреча» Зуэйна с Брежневым в ЦК КПСС (до того имя Брежнева в связи с приездом сирийской делегации ни разу не упоминалось в печати). В тот же день сирийцы в сопровождении Новикова, представлявшего Косыгина, и других вылетели для короткого визита в Ленинград, оттуда в Волгоград, и 25-го делегация улетела из Советского Союза. В день отъезда из СССР Зуэйн послал Брежневу телеграмму (она была почему-то опубликована в «Правде» только 28-го, а в «Известиях» и вовсе не была опубликована) с выражением «глубоких чувств благодарности» за теплый прием и «за подлинное понимание борьбы нашего арабского народа и нашей партии за создание социалистического арабского отечества на прочной основе организованных трудящихся масс». О посылке аналогичных телеграмм Косыгину или Подгорному в печати не сообщалось. 26-го было опубликовано «совместное советско-сирийское коммюнике».

Стоит присмотреться ближе к речам Косыгина и Зуэйна 19-го и 20-го апреля. На приеме в Кремле Косыгин «подчеркнул», что «Советскому Союзу дороги интересы мира и безопасности на Ближнем Востоке», почему «мы» и «придаем большое значение развитию советско-сирийского сотрудничества, как в политической, так и в экономической области». Зуэйн ответил резкой постановкой вопроса об Израиле и Палестине: «Мы напоминаем нашим друзьям, присутствующим здесь, что наш арабский народ в Палестине безвинно расплачивается за преступления нацистов в Европе». «В оккупированной Палестине арабский народ по-прежнему изгнан со своей земли, лишен своих очагов. Израиль остается главной империалистической базой в этом районе,... служит основным источником угрозы,... является серьезным препятствием на пути национального единства нашей арабской родины». — На следующий день на приеме у сирийцев Зуэйн, ни в чем не отступая по существу, говорил несколько спокойнее о «сплоченности в борьбе против колониализма и его выкорыща — государства Израиль». «Научный анализ

действительности в арабском отечестве требует, чтобы каждое революционное движение на нашей родине одновременно вело борьбу и за единство, и за социализм, вместе с борьбой против сионистской оккупации и против колониализма в его классической и в новой формах». Косыгин в какой-то мере пошел навстречу сирийцам: «Твердая позиция возглавляемого Вами правительства Сирии в вопросах борьбы с происками империализма встречает поддержку Советского правительства». «Крепнущая дружба между нашими странами идет на пользу делу мира, делу борьбы против всех форм империалистического диктата и насилия».

Но тут все остается недоговоренным. И та же недоговоренность в совместном советско-сирийском коммюнике: «Обе стороны подтверждают свою солидарность с палестинскими арабами; поддерживают их законные права в справедливой борьбе против сионизма, используемого империалистическими силами для усиления напряженности на Ближнем и Среднем Востоке». Но наряду с этим очень настойчиво говорилось о «твердой решимости бороться вместе с другими миролюбивыми государствами за ослабление международной напряженности, за укрепление мира». И коммюнике заканчивалось ставшим почти традиционным выражением уверенности, что состоявшиеся дружественные переговоры «послужат делу мира, национальной независимости и свободы».

Все это говорит о какой-то напряженности между Советским Союзом и Сирией, которая за время пребывания сирийской делегации в СССР, может быть, несколько смягчилась, но далеко не исчезла, — и, кажется, и о какой-то борьбе вокруг этих вопросов внутри «партии и правительства», в которую, с некоторым нарушением «протокола», пытался вклиниться темпераментный премьер-министр Сирии.⁶

Неопределенная формула о достигнутой будто бы солидарности в вопросе о палестинских беженцах скрывала остающееся глубокое разногласие в этом вопросе. Советский Союз принял формулированную не раз Объединенными Нациями мысль о **гуманитарном** разрешении проблемы палестинских беженцев путем предоставле-

ния им возможности вернуться на их бывшие земли или путем вознаграждения их за утраченное имущество и ассимиляции их в арабских странах. Представители Сирии, напротив, решительно выдвигали **военно-политический и юридический** аргументы и вновь и вновь повторяли, что речь идет о прекращении в Палестине «оккупации» и «узурпации», т.е. о «незаконности» самого существования Израиля. Из этой идеи, кстати, исходило все эти годы глубоко-антигуманитарное сопротивление правительств арабских стран ассимиляции палестинских беженцев в странах их рассеяния и упорство, с которым эти правительства настаивали на сохранении палестинских беженцев в состоянии «беженства».

Но разногласия между советским руководством и сирийцами не исчерпывались отношением к проблеме беженства. Политически и практически гораздо важнее был другой вопрос — об основной линии политики арабских стран на Ближнем Востоке: стремиться ли к скорейшему военному разрешению вопроса об Израиле и о Палестине или продолжать политику постепенного удушения Израиля (террористическими и диверсионными актами, блокадой, внешнеполитической изоляцией) и накопления сил до того момента, когда можно будет с уверенностью в успехе решиться на открытые военные действия. Сирийцы уже давно добивались принятия арабскими государствами первого пути. Они в полной мере отдавали себе отчет в том, что им самим задача эта не по плечу, что выполнена она может быть только соединенными силами нескольких (или всех) арабских государств, причем главную роль должна будет принять на себя Объединенная Арабская Республика. Но Насер попыток такого решения боялся и долго всячески их отсрочивал,⁷ рассчитывая, что время работает на него и что за несколько лет ему удастся значительно укрепить ОАР в экономическом и военном отношении и что тогда у него будут развязаны руки и для «окончательного решения» вопроса об Израиле, в случае необходимости и военными мерами.

Приглушенный спор между советскими и сирийскими представителями во время пребывания сирийской делегации в Москве представлял поэтому в сущности продол-

жение спора, который давно велся между сирийцами и ОАР. В этом споре сирийцам не удалось поколебать советское руководство. И чтобы подчеркнуть это и укрепить авторитет Насера, московское руководство тотчас после отъезда сирийской делегации приняло решение о почти демонстративной посылке советской правительственной делегации в ОАР. Уже 10 мая Косыгин, во главе очень импонирующей делегации, прибыл в Каир и в течение недели он разъезжал по стране в сопровождении Насера, произнося всюду речи о тесном сотрудничестве обеих стран, о помощи, которую Советский Союз оказал и будет дальше оказывать Египту, о достигнутых уже в ОАР значительных экономических и культурных успехах и об открывающихся перед нею замечательных перспективах. Косыгину всюду вторил Насер. Понятен энтузиазм, который эти речи вызывали у египетских слушателей. Конечно, и Косыгин, и Насер говорили при этом о полной солидарности Советского Союза и ОАР в борьбе против империализма и колониализма. Но почти до конца во всех этих речах Палестина и Израиль не упоминались вовсе. И только 17 мая, накануне отъезда из Египта, Косыгин в речи в Национальном Собрании ОАР сказал:

«Важную роль играет ваша страна и в борьбе арабских народов за решение палестинской проблемы. Для нас понятен горячий интерес арабов к этой проблеме, и мы стоим за то, чтобы она была урегулирована на справедливой основе. Советский Союз, как и прежде, с симпатией относится к борьбе за восстановление законных, неотъемлемых прав палестинских беженцев» («Правда» от 18 мая).

И так же полу-загадочно вопрос по существу был формулирован в опубликованном после отъезда советской делегации совместном советско-египетском коммюнике («Правда» от 19 мая).

Приезд советской делегации несомненно укрепил авторитет Насера в арабском мире. Но и сирийцы не сдавались. И во время пребывания советской делегации в Египте, и непосредственно после ее возвращения в Москву вожди сирийцев вновь и вновь выступали с чрезвычайно агрессивными заявлениями.

Нельзя сказать, чтобы у них для этого не было поводов. Американцы, встревоженные развитием событий на Ближнем Востоке, в свою очередь прибегали к мерам давления, и первая половина 1966 года, особенно после сирийского переворота 23 февраля, была богата сообщениями об усиленной политической и военно-политической активности США в восточной части бассейна Средиземного моря: конференция в Бейруте американских послов в странах Ближнего Востока, визит в Бейрут американского 6-го флота, поездка заместителя американского государственного секретаря в Израиль и Иорданию и пр.

Игнорируя полу-сдержанное отношение советского руководства к их военно-политической активности, на которое сирийская делегация натолкнулась в Москве, вжди сирийцев с возрастающей резкостью выступали с агрессивными заявлениями, которые должны были устранить сомнения в готовности их вот-вот перейти к военным действиям. «Мы будем вести освободительную войну... и страх и паника проникнут в каждый израильский дом», заявил 12 мая начальник генерального штаба Сирии генерал Ахмед Сеидани. Ему вторил президент Эль-Атаси. Выступая 22 мая с речью, обращенной к офицерам пограничных войск, расположенных близ сирийско-израильской границы, Эль-Атаси сказал:

«Мы хотим развернутой народной войны за освобождение, чтобы разрушить не только сионистскую базу в Палестине, но и нефтяные монополии и политические и реакционные интересы. Мы хотим политики выжженной земли и только с помощью такой политики мы можем надеяться построить новую жизнь для арабских масс».

И еще агрессивнее:

«Вы устали накапливать оружие впрок. Я отдаю себе отчет в том, как вы рветесь начать борьбу. Время настало использовать это оружие для тех целей, для которых оно было создано».

А еще через два дня выступил военный министр Сирии генерал Гафез Асад: «Мы ничего не примем, кроме войны и восстановления страны, ставшей жертвой узурпации. Мы решились напоить землю нашей кровью, но

выбросить вас, агрессоры, и окончательно сбросить вас в море».⁸

Советское руководство с тревогой, но и с возрастающими симпатиями прислушивалось к этим заявлениям. Сообщать о них в печати — хотя бы в порядке информации, не солидаризуясь с ними, но и не подвергая их критике, — оно не решалось, отдавая себе отчет в том, что это, вероятно, будет понято, как одобрение крайних агрессивных настроений сирийцев. Само советское руководство еще не было готово идти так далеко. Но оно не хотело и одергивать своих сирийских «друзей». И оно прибегло к ставшему почти традиционным выходу из противоречивого положения: советская печать просто замолчала все эти заявления,⁹ все более заостряя свои собственные высказывания.

Аналогичная политика, даже в ухудшенном варианте, проводилась в советской печати в отношении террористических и диверсионных актов арабских партизан, но, конечно, не в отношении израильских «актов возмездия». Все усиливавшиеся арабские террористические и диверсионные акты просто замалчивались, израильские же «акты возмездия» энергично афишировались и, конечно, осуждались.

Но даже и на этом советское руководство не остановилось и вскоре уже не просто замалчивало арабские террористические и диверсионные акты, а объявило их вражеской выдумкой. Этому трудно поверить: как отрицать факты, которые вызывают публичные заявления и контр-заявления сторон и даже публично обсуждаются на международной трибуне (в ООН)? Оказывается, можно. В «Международном комментарии» В. Кондрашева в «Известиях» от 8 мая сообщалось, что начальник генерального штаба Израиля пытался возложить на Сирию «ответственность за **мифические** диверсионные группы» и даже уверял, «что **будто бы** на территории Сирии находится **некий подрывной центр**». Словом, и подрывного центра не существует, и террористические группы это «миф». А миролюбивая Сирия «стала главным объектом **военного шантажа и провокации** со стороны Израиля» (подчеркнуто мною).

Это было отнюдь не случайное высказывание. Это было начало кампании. И в «Советской России» от 21 мая 1966 года мы читаем:

«Из Тель-Авива сыплются заявления о том, что Сирия 'несет ответственность' за операции диверсионных групп, действующих якобы с сирийской территории. **Группы эти явно мифические.** Зато так называемые 'ответные' шаги Израиля носят вполне характерный злонамеренный характер».

Одновременно с пропагандой «народной войны за освобождение» и в подкрепление этой пропаганды сирийское правительство начало энергично лансировать сообщения о широких военных мероприятиях Израиля близ сирийской границы. В начале мая телеграмма ТАСС из Дамаска сообщила, что «заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Сирии Ибрагим Махос вызвал к себе глав дипломатических представительств стран-постоянных членов Совета Безопасности ООН и официально информировал их о 'подозрительной концентрации и передвижении израильских войск, наблюдающихся в последнее время на границе с Сирией'» («Советская Киргизия» от 8 мая 1966 г., в «Правде» и «Известиях» эта телеграмма почему-то напечатана не была). 10 мая сирийское правительство опубликовало сообщение о состоявшемся накануне заседании правительства, в котором было подробно обсуждено «положение, создавшееся в результате активизации сил внутренней реакции и усиления происков империалистов» — «концентрации иорданских войск на южной и израильских на юго-западной границах страны» (Телеграмма из Дамаска в «Правде» от 11 мая). В цитированной уже статье «Советской России» от 21 мая сообщалось, что «почти треть армии Израиля, промаршировав с оркестрами по улицам Хайфы, была прямо с парада переброшена к рубежам Сирии», где израильские бронетранспортеры и минометы «ударил по сирийским военным объектам». А в «Заявлении ТАСС» от 27 мая, напечатанном в «Правде» и во всех больших советских газетах 28 мая и носившем характер предостерегающего дипломатического документа, уже прямо сооб-

шалось об «участившихся провокациях со стороны Израиля в пограничных районах с соседними странами»:

«По сообщениям печати, израильская армия приведена в состояние боевой готовности, отменены отпуска для солдат и офицеров, происходит концентрация израильских войск на границах с Сирией».

И на этот раз, — это, кажется, впервые, — был прямо сделан намек на возможность непосредственного вмешательства Советского Союза в события на Ближнем Востоке: «Советский Союз не может и не будет безразлично относиться к попыткам нарушения мира в районе, расположенном в непосредственной близости от границ Советского Союза».¹⁰

Об этой кампании, начатой сирийцами, но вскоре подхваченной и широко развернутой Советским Союзом, еще будет речь впереди. Что эта политика практически означала одобрение и поощрение арабских террористических и диверсионных актов, ни у кого не могло вызывать сомнений. И это практически нашло свое выражение в применении советского **вето** каждый раз, когда Совет Безопасности пытался остановить это развитие. Об этом еще будет речь ниже.

В течение дальнейших месяцев 1966 года положение становилось все напряженнее. Советское правительство все отчетливее переходило от насеровской настороженности к сирийскому активизму. И, может быть, в свете этого развития не такой уже легкомысленной кажется отмеченная выше попытка сирийского премьера (во время поездки сирийской делегации в Советский Союз) как-то опереться на Брежнева.

Но и самый активизм сирийцев вскоре получил более глубокое обоснование. Сирийская пропаганда вскоре нашла «рациональное» объяснение для израильских «агрессивных» актов в упорном стремлении Израиля к «экспансии». Томэ, постоянный представитель Сирии в ООН, в письме от 25 мая 1966 г. председателю Совета Безопасности писал по поводу очередного израильского ответного акта, что «под видом репрессии за диверсионные акты палестинских партизан» Израиль совершил «экспан-

сионистскую военную атаку» на сирийскую территорию.¹¹ В речи в Совете Безопасности, в которой Томэ цитировал это письмо, мысль об «экспансионистском» характере «ответных актов» получила дальнейшее развитие: «Ответные акты это дымовая завеса для прикрытия экспансионистской и колониалистской политики (Израиля) по отношению к Сирии и соседним арабским странам» (S/PV, 1288, стр. 62). Такова «принципиальная политика Израиля, о которой я не колеблясь скажу, что она является имманентным условием его существования и которая вытекает из сионистской идеологии» — «большой, расистской, нацистской, международной идеологии, называемой сионизмом, основанной на политике постоянной агрессии».¹²

В конце того же заседания Совета Безопасности Томэ вновь вернулся к этому вопросу и сослался на официальный ежегодник израильского правительства за 5716 (1955) год:

«Государство Израиль является исполнением видения (vision) Герцля в его книге 'Еврейское государство'. Оно названо государством Израиль, а не просто Еврейским государством, потому что оно составляет только часть Эрец Исроел. Создание этого нового государства отнюдь не упраздняет исторического понятия Эрец Исроел.... Эрец Исроел это естественный мост между странами на Ниле, Эвфрате и Тигре и Малой Азией и поэтому между Африкой и Азией»¹³

Представителя Сирии поддержал на следующий день представитель Ирака Халаф, сославшийся на крылатые слова Бен-Гуриона:

«Сохранение статус кво — это не выйдет. Мы создали динамическое государство, которое должно расширяться. Сейчас же мы достигли лишь начала независимости в части нашей маленькой страны».

И Халаф добавил, что «за несколько месяцев до начала войны 1956 года Бен-Гурион писал:

'Государство Израиль было восстановлено в западной части Эрец Исроел, только в части Эрец Исроель'».¹⁴

Что государство Израиль занимает значительно меньшую территорию, чем «историческая» земля Израильская

первого тысячелетия до Р.Х., — верно. И это несомненно в какой-то мере сказывалось на настроениях политических вождей Израиля в первые годы существования нового государства. Но экспансия, которой они в **исторической перспективе** ждали, даже в эти ранние годы существования нового государства не мыслилась ими, как результат агрессии со стороны Израиля по отношению к окружающим его арабским странам. И споры по этому вопросу как раз и привели к первому глубокому расколу внутри Израиля и к формированию активистского меньшинства, действительно ориентировавшегося на экспансию мерами насилия и резко враждебного политике израильского правительства (партия Херут). Анализ этого развития не укладывается в рамки этой книги. Но на основных чертах политики израильского правительства в вопросе об израильско-арабских отношениях необходимо кратко остановиться.

В вышедшей в 1965 году книге «Бен-Гурион оглядывается назад»,¹⁵ составленной из ряда интервью с Бен-Гурионом Моше Перлмана (в 1964 г. в Иерусалиме) по широкому систематическому опроснику, намеченному интервьюером, одна из самых интересных глав посвящена «Израилю и арабским странам». Она сообщает многое, что широкой публике было мало известно, — или вовсе было неизвестно, — и что имеет большое значение для правильной оценки развития арабско-израильских отношений, и неожиданно открывает какой-то просвет в будущее. Читатель не посетует, если я процитирую эту главу несколько шире, чем это обычно принято:

«Вы спрашиваете, какие шаги для укрепления мира с нашими соседями я предпринял, когда я был премьер-министром. Я знаю, что у меня есть много критиков, но ни один из них не упрекнул меня в том, что я когда-либо колебался в этом вопросе. В каждый подходящий момент я заявлял о моей готовности встретиться с отдельными или со всеми арабскими лидерами, в любое время, в любом месте для переговоров о мире или если это для них слишком много, о пакте о ненападении. Каждый мой призыв встречал отрицательное к себе отношение, по крайней мере публично. Некоторые из наших арабских сосе-

дей давали нам понять через третьих лиц, что они были бы готовы вести с нами переговоры, если бы какое-либо другое (арабское) государство выступило первым. Они бы за этим последовали. Было ясно, что государство, инициативу которого они имели в виду, был Египет...

Я давно уже чувствовал, что Египет был тем государством, которое могло бы считать себя достаточно сильным, чтобы решиться на самостоятельный шаг. Когда Нагиб захватил власть и сверг коррумпированный режим короля Фараука, я публично протянул ему руку, выразив надежду на создание 'свободного, независимого, прогрессивного Египта'. Я отметил, что никогда не было и сейчас нет никаких оснований для ссоры между Египтом и Израилем!... В ответ Нагиб показал, что он обращен лицом к войне, а не к миру. Когда Нагиб был свергнут его товарищем по революции Насером, моя непосредственная реакция опять свелась к предложению дружбы Израиля. И опять мое предложение было отвергнуто» (стр. 156-157).

«Человеком, у которого была смелость (вступить на путь переговоров), был король Иордании Абдулла, дед теперешнего короля. Я уважал его за политическую прозорливость и за смелость. Он знал, что интересы его народа выиграют, если между нами установится мир. Он вел тайные переговоры об этом. Им положила конец пуля убийцы во дворе мечети. Абдулла был убит человеком, который был связан с членами собственного штаба Абдуллы...¹⁶

Если невозможны были публичные дипломатические переговоры для создания дружеских отношений между Израилем и его соседями, были попытки приватной дипломатии. Летом 1950 года я предложил советскому послу, чтобы Советский Союз выступил с инициативой мирных переговоров между Израилем и Египтом. Мое предложение было сообщено в Москву. Но я никогда не получил ответа. Покойный Даг Хаммершильд попытался что-то сделать, когда он приехал на Ближний Восток для обсуждения вопроса об устранении некоторых ставших острыми разногласий между нами и арабскими государствами. Я воспользовался случаем, чтобы сказать ему, когда он уезжал от нас, чтобы посетить лиц, стоявших во главе арабских государств, что он может сказать им

о моей готовности встретиться с ними для переговоров о мире...

Я имел аналогичный опыт и с другими, которые пытались выступить в роли посредников между нами, в частности с правительством США во время президентства Эйзенхауера. Специальный представитель президента приехал, чтобы говорить со мной и с Насером. С моей стороны была готовность к переговорам. Насер отказался» (стр. 157-158).

«Если бы они были склонны вести переговоры, мы могли бы столкнуться о частичном выпрямлении границы, частью в их пользу, частью в нашу. Мы могли бы обсудить вопрос о специальных льготах в наших портах для Иордании, не имеющей доступа к Средиземному морю, и о беспошлинном провозе ее товаров через нашу территорию. Мы могли бы выработать план совместной эксплуатации общих водных ресурсов на пользу всех. Они могли бы поднять всю проблему беженцев. Я был бы готов допустить возвращение части их, как за время моего премьерства мы односторонним актом приняли несколько десятков тысяч в порядке восстановления разорванных семей, хотя я и настаивал на том, что главное решение вопроса о беженцах не в репатриации, а в расселении беженцев в арабских странах. Я бы предложил меры экономического сотрудничества для нашей общей пользы, объединение нашего опыта по развитию страны и поднятию уровня здоровья и социальных мероприятий у наших народов» (стр. 158-159).

Непосредственное будущее израильско-арабских отношений не располагает к оптимизму. А чего можно ожидать в более отдаленном будущем?

«В более отдаленной перспективе, как ни странно это звучит в обстановке бурных проявлений ненависти к Израилю со стороны арабских стран, я вижу израильско-арабский союз. Я не только верю, что политическое, экономическое и культурное сотрудничество еврейского и арабского народов является жизненной необходимостью для обоих. Факты географии и истории делают его неизбежным, как долго ни пришлось бы этого ждать. Мы не уйдем со своей земли и арабы не уйдут со своих земель. И в дополнение к общей географии у нас много общего в нашей культуре, нашем языке, нашей истории. Сотруд-

ничество евреев и арабов может превратить Средний Восток в один из больших культурных центров, как это однажды уже было. И только они сами могут достигнуть этого. Никакая сторонняя держава, как бы сильна она ни была, восточная или западная, не сможет сделать того, что арабы и евреи могут сделать друг для друга, к их взаимной выгоде» (стр. 159-160).

В сложившейся сейчас обстановке многое говорит против возможности такого развития. Но Бен-Гурион тверд в своем оптимизме:

«Почему я думаю, что в будущем произойдет перемена? Благодаря изучению истории и вере в человека. История показала нам, что абсурдно считать обстановку, господствующую в определенный момент времени, прочной и неизменной. Нации, в определенный момент непримиримо враждовали, а в следующий момент переживают период горячей дружбы — через пять, десять, пятьдесят, сто лет. Так не раз случалось по велению истории, географии или общих потребностей — или, как в нашем случае, всех трех. И это случалось, когда темпы развития мира были гораздо медленнее. Сейчас когда изменения происходят так быстро и самые изменения носят такой революционный характер, многообещающие изменения арабско-израильских отношений могут наступить гораздо скорее, чем я этого ожидаю» (стр. 161).

Я подробно остановился на этих высказываниях Бен-Гуриона еще и потому, что они рассеивают широко распространенное представление, будто влиятельное и более активистски настроенное бен-гурионовское крыло израильской общественности находится и всегда находилось во власти острых анти-арабских настроений, затрудняющих возможность мирного улажения арабско-израильских разногласий.¹⁷ И что цитированные выше высказывания Бен-Гуриона отнюдь не являются выражением его особого, личного мнения, отличного в этом вопросе от настроений большинства его ближайших единомышленников, подтверждается и еще одним фактом. Наиболее выдающийся и влиятельный ближайший единомышленник Бен-Гуриона Моше Даян в интервью с сотрудником парижского «Ле Монд» в 1966 году, на вопрос интервьюе-

ра, не предрешает ли политика сближения Израиля с Западом антиарабского характера дальнейшей израильской политики, Даян ответил: «Пусть только арабы заключат с нами мир и **мы автоматически станем их союзниками**».¹⁸

И это Даян — через десять лет после блестящей победы в Синайской войне 1956 года и в обстановке нового чрезвычайного обострения арабско-израильских отношений!

Но вернемся к ближне-восточной политике Советского Союза. Советское политическое руководство, конечно, знало об отмеченных выше настроениях в руководящих израильских кругах (напомню, что Бен-Гурион еще в 1950 году пытался добиться помощи Советского Союза для улучшения отношений между Израилем и Египтом). Казалось бы, оно должно было попытаться опереться на эти настроения во имя обеспечения мира на Ближнем Востоке.

Этого не только не произошло, но как раз с весны 1966 года советское правительство начало все решительнее подчеркивать анти-израильский и про-арабский характер своей ближневосточной политики, не только не пытаясь смягчить остроту арабско-израильских отношений, но, напротив, активно противодействуя в Совете Безопасности всем попыткам такого смягчения. Отмеченная выше перестройка арабской аргументации анти-израильской политики Сирии и других арабских стран, переход от аргумента об «оккупации» и «узурпации» к аргументу о подготовке «экспансии» очень облегчили активизацию советской анти-израильской политики. Советскому правительству трудно было бы открыто и последовательно опираться на аргумент об «оккупации» и о «незаконности» самого существования Израиля. У всех еще было в памяти, что Советский Союз принял энергичное положительное участие в решениях Совета Безопасности и Общего Собрания Объединенных Наций, которые привели к созданию государства Израиль, и непосредственно после образования нового государства недвусмысленно осудили арабские попытки насилием и войной помешать государству Израиль стать на ноги. Но переориен-

тировка аргументации анти-израильской арабской политики, попытка вывести израильские «ответные акты» из стремления Израиля подготовить «агрессию» против арабских стран в интересах «экспансии» Израиля за счет арабских территорий, — эта переориентировка в полной мере отвечала идеологическим установкам советской ближневосточной политики. Об «экспансионистских» целях Израиля и о его роли «агента западных империалистов» советская печать твердила уже давно (напомню о книжке Иванова и Шейниса, о которой была речь выше). Новым в новейшей арабской аргументации была лишь попытка установить связь «ответных актов» Израиля с его «экспансионистской» политикой. Советское политическое руководство сейчас же подхватило эту мысль.

Новая фаза в развитии международных отношений на Ближнем Востоке и роль в этом развитии Советского Союза нашли свое отчетливое выражение в прениях в Совете Безопасности ООН в двух сессиях Совета летом и осенью 1966 года. Это был период кристаллизации новой советской ближневосточной политики и эти две сессии Совета Безопасности заслуживают пристального внимания.

*Совет Безопасности,
25 июля — 3 августа 1966 года*

25 июля Совет Безопасности собрался в связи с учащением диверсионных актов палестинских террористов на израильской территории, особенно 12, 13 и 14 июля, и с актом возмездия со стороны Израиля 14 июля, и вся сессия Совета Безопасности протекала в обстановке чрезвычайного напряжения. Представитель Сирии Томэ и энергично поддерживавший его представитель Иордании Эль-Фарра решительно настаивали на том что, что Сирия и вообще арабские страны не несут никакой ответственности за диверсионные акты палестинских арабов. Самых диверсионных актов они теперь уже не отрицали, но — говорил Томэ —

«Моя страна не несет ответственности за создание организаций палестинских арабов, стремящихся освободить

дить свою завоеванную и оккупированную территорию, да и не может удержать миллион арабских беженцев от борьбы за восстановление их права вернуться на родину, права, признанного и подтвержденного разными торжественными резолюциями Объединенных Наций.

«Сирия не может признать, что на ней лежит обязанность охранять и защищать то, что Израиль считает своей границей. Наш долг носит императивный характер: самозащита. Наша политика ясна: безоговорочная преданность делу справедливости во всем, и в частности в защите наших арабских братьев из Палестины.... Их трагедия — наша трагедия» (25 августа S/PV, 1288 стр. 62).

На следующий день Эль-Фарра повторил этот аргумент:

«Мы стоим перед фактом иностранной угрозы на нашей территории. Эта угроза создает неустойчивость на Арабском Востоке. Израиль уже сам по себе является актом агрессии, навязанным коренному населению Палестины — христианам, мусульманам и евреям, в одинаковой степени — против его воли, и не имеющим прецедента в истории.

«Позвольте мне категорически заявить, что так называемые акты саботажа не совершаются Сирией или каким-либо из братских арабских государств, и мы отрицаем какую бы то ни было ответственность за них» (Там же, 1289, стр. 31).

Выше я уже приводил высказывания арабов в Совете Безопасности 25 и 26 июля, будто израильские так называемые ответные акты вовсе не вызываются мотивами «возмездия», что «возмездие» это только «дымовая завеса» для «сионистской политики экспансии». Приведу по этому вопросу еще одно высказывание сирийского представителя в СБ:

Идеология сионизма «основана на политике агрессии против соседних арабских стран, на чувстве превосходства над арабским народом, на политике постоянного создания здесь напряжения или обострения напряжения там, где оно уже существует. Эта политика сама по себе является орудием для достижения более далекой и мрачной цели, которая еще должна быть вскрыта, — эта цель сводится к тому, чтобы не допустить экономического, со-

циального и политического развития арабских стран» (Там же, 1288, стр. 71).

Представитель Израиля Комей не принял вызова сирийца перенести спор в плоскость обсуждения «сионистской идеологии» и «экспансионистских» целей израильских ответных актов:

«Я самым торжественным образом уверяю Совет Безопасности, что правительство Израиля не имеет желания прибегать к военным действиям на границе. И указания на будто бы стоящую за нашими актами политическую цель, которые мы выслушали здесь сегодня, просто смешны. Наш народ перенес более чем достаточно кровопролитий, наше главное желание — достижение мира и сотрудничества с нашими соседями и обеспечение вместе с ними благосостояния и прогресса в области, которую мы с ними разделяем. Эта цель, к сожалению, оказывается пока для нас недостижимой и враждебные акты продолжают разделять наших соседей и нас» (Там же, стр. 78).

Комэй даже не пытался доказывать законность израильских актов возмездия, международное запрещение которых носит абсолютный характер. Но он пытался показать трудность положения в этом вопросе израильского правительства и невозможность для него оставаться пассивным — при выяснившейся невозможности остановить деятельность арабских террористов мерами международного правопорядка и при демонстративном нежелании арабских соседей Израиля отказаться от поддержки на их территории обращенной против Израиля деятельности диверсантов. (Кстати, международно-правовое запрещение такой поддержки тоже носит абсолютный характер).

Обширная речь Комея в основном была посвящена двум темам: во-первых, доказательству чрезвычайной активности сирийского правительства в организации и поддержке диверсионной деятельности террористов из среды палестинских беженцев и, во-вторых, попыткам добиться хотя бы первых осторожных шагов по пути, который мог бы привести к восстановлению мира между Израилем и его арабскими соседями.

Комэй подчеркнул, что уже после того, как Сирия и

Израильтяне обратились с просьбой об обсуждении новейших инцидентов близ границы, диверсионные акты продолжались — 20 июля и затем вновь 25 июля («сегодня утром»), когда женщина была тяжело ранена взрывом бомбы при сборе плодов в саду:

«Эти последние инциденты и наша реакция на них не могут быть правильно оценены вне связи с тем, что им предшествовало. За самые последние месяцы было 10 случаев саботажа и закладки мин и 93 случая стрельбы сирийских вооруженных сил по израильским крестьянам, работающим в поле, пользуясь тракторами и сельскохозяйственным оборудованием, по рыбакам на Тивериадском озере, по повозкам и машинам, проезжавшим по дорогам. В дополнение к этому имели место еще злоумышленные поджоги полей и плантаций. За время этих агрессивных актов 4 человека были убиты и 12 ранены и был причинен значительный материальный ущерб.... Наше терпение и самообладание напряжены до крайности» (Там же, стр. 77).

Что было ново — по крайней мере ново для широких кругов — это упоминание в речи представителя Израиля о террористической активности не только партизан, но и регулярных сирийских войск, расположенных на высотах над Тивериадским озером. Но в основном Комэй оставался в рамках вопроса о поощрении сирийским правительством деятельности диверсантов из среды палестинских беженцев.

К этому времени отрицать самый факт широкой диверсионной деятельности отрядов палестинских партизан, формировавшихся главным образом в Сирии, проникавших на израильскую территорию ночью и по совершении диверсионного акта обычно в ту же ночь возвращавшихся на арабскую территорию, уже было невозможно и усилия сирийского политического руководства сводились, как мы видели, к тому, чтобы снять с сирийского правительства ответственность за эти акты. Для этого с мая официальные сирийские ораторы начали говорить о вступлении борьбы за арабскую Палестину в новую стадию, в стадию «народной войны за освобождение», которая принципиально отлична от «традиционной»

войны между государствами «по классическим образцам». Это с полной откровенностью заявил 22 мая начальник штаба сирийских войск Суедани; «Алжир будет служить нам образцом; другой пример Вьет-Нам» (цитировано Комеем; там же, стр. 84). А сирийский премьер Зуэйн 16 июля, почти накануне созыва сессии СБ, говорил, обращаясь к арабской аудитории: «Мы твердо решили вступить на путь народной войны за освобождение, которая гарантирует нам возвращение украденной родины» (Там же, стр. 87).

Официальные коммюнике «генерального командования» военного штаба Эль-Фатах подробно и очень быстро (обычно на следующий день) сообщают о всех диверсионных актах (с некоторыми преувеличениями о количестве жертв на стороне Израиля и о размерах причиненного материального ущерба, но в основном верно); сообщения эти публикуются в сирийской правительственной печати и регулярно передаются по официальному дамаскому радио (там же, стр. 87-88). Допросы попавших в плен диверсантов (обычно после ранения) с несомненностью устанавливают, что Сирия и обучает, и снабжает отряды Эль-Фатах, и является их политическим патроном, и что «все нити ведут от них ко Второму бюро» в Дамаске (там же, стр. 89-90), т.е. к разведывательному управлению сирийского генерального штаба.

Но есть и более поразительные свидетельства того, что Сирия особенно резко выделяется среди арабских стран по своей активности в деле поощрения диверсантов. Бывали случаи, когда Иордания или Ливан оказывали сопротивление проникновению из Сирии на их территорию отрядов Эль-Фатах, переход которыми израильской границы из Иордании или Ливана оказывается — по условиям местности — гораздо легче, чем из Сирии. Об одном таком случае рассказал представитель Израиля в СБ, ссылаясь на сообщение ливанского министра иностранных дел по бейрутскому радио 23 июня. Ливанский патруль натолкнулся близ границы на направлявшийся из Сирии диверсионный отряд и не пропустил его; возникла перестрелка и один из диверсантов был убит и другой ранен. Двумя днями позже дамаское радио рез-

ко напало на ливанский патруль, назвав его действия отвратительным преступлением (Там же, стр. 96).

Эти разоблачительные аргументы в основном были подчинены в речи Коменя определенной политической цели — расчистке пути к миру между Израилем и его арабскими соседями. Совершенно в духе цитированных выше высказываний Бен-Гуриона, Комэй сказал:

«Реальная проблема это проблема войны или мира. На прошлой неделе, 17 июля, исполнилось 17 лет со времени подписания израильско-сирийского генерального соглашения о перемирии. 17 лет достаточный срок, чтобы сирийское правительство могло решить, считает ли оно свою войну с Израилем законченной или нет.

Соглашение о перемирии должно было положить полностью конец враждебным действиям между сторонами и явиться кратковременной переходной мерой к постоянному мирному договору. Ни один человек доброй воли не сомневается в необходимости идти вперед от теперешнего напряженного и сурового состояния перемирия к более прочному положению. Ни одно правительство, поддерживающее дружественные отношения с обеими сторонами, не сомневается в том, что Сирия должна признать территориальную целость и политическую независимость Израиля, как этого требует Хартия (Объединенных Наций) и что остающиеся еще разногласия должны быть разрешены не силою оружия, а в порядке переговоров.

Готов ли представитель Сирии заявить Совету вот здесь и сейчас, что его правительство отказывается от применения силы в этом конфликте и что в принципе оно согласно вести переговоры о мирном улажении конфликта с Израилем? Я могу категорически заявить, что такова позиция израильского правительства. Оно готово немедленно послать своих представителей, чтобы встретиться с представителями Сирии в любое время и там, где это Сирии удобно, публично или в частном порядке, и начать диалог между нами и совместно исследовать пути к мирному решению. Если представитель Сирии сделает аналогичное заявление, это будет началом новой главы в наших отношениях и в истории нашего взбаламученного района» (Там же, стр. 81).

Протянутая рука повисла в воздухе. Через несколько дней, в связи с заявлением сирийского правительства о тяжелом лежащем на нем бремени военных расходов, поглощающих 65% государственного бюджета, представитель Израиля заявил, что он отлично понимает представителя Сирии, что и для Израиля его военный бюджет является тяжким бременем и не позволяет правительству в полной мере отдалиться стоящим перед ним социальным задачам, и что выходом из этого положения могло бы быть соглашение о разоружении:

«Если мы пока еще не можем установить мирных отношений между нашими странами, мы могли бы по крайней мере исследовать возможность израильско-арабских соглашений о разоружении под взаимным контролем... Мое правительство готово вступить немедленно в непосредственную дискуссию с арабскими правительствами и искать возможностей остановки гонки вооружений или сокращения вооружений» (1 августа, 1293, стр. 66).

И эта мысль не встретила со стороны Сирии и других арабских стран никакого отклика.

Представитель Израиля отдавал себе отчет в том, что это пока только благие пожелания. Но он не теряет надежды на будущее:

«Я готов предоставить другим судить о нас и готов с достоинством переносить злобу тех, кто нам враждебен. Мы смотрим вперед — в будущее, когда мы и наши арабские соседи, связанные кровным родством и историей, окажемся способны прямо говорить друг с другом в обстановке известного взаимного доброжелательства и взаимного понимания» (28 июля, 1290, стр. 31).

Если у представителя Израиля и были какие-либо иллюзии о возможности достичь сейчас хотя бы ограниченного соглашения с Сирией, которое до известной степени смягчило бы остроту кризиса, после выступления представителя Советского Союза Федоренко от них не осталось и следа. Без энергичной поддержки Советского Союза мир между арабскими странами и Израилем, вероятно, еще надолго просто невозможен. Но речь Федоренко в Совете Безопасности 25 июля меньше всего сви-

детельствовала о готовности Советского Союза взять на себя такую миротворческую роль. Напротив, речь Федоренко дышала ненавистью к Израилю и обнаруживала явное желание не только не сдерживать агрессивных настроений сирийцев (аргументы, выдвигаемые сирийцами «неопровержимы»), но идти дальше их, в особенности выдвигая мысль, что Израиль не ведет — и не может вести — своей политики на Ближнем Востоке, а выступает лишь как орудие империалистических держав:

«Израиль проявил чрезвычайную воинственность — в расчете не только на свои силы, но и на поддержку западных держав. Израильская активность является очевидным отражением усиления империалистической политики западных держав и их реакционных агентов на Ближнем Востоке. Это возобновление субверсивной деятельности империалистических держав прочно ассоциируется в представлениях миролюбивых народов с тем фактом, что арабские страны, как суверенные государства, проводят независимую политику. Неколониалистские силы всеми средствами пытались восстановить утраченные ими позиции на Ближнем Востоке» (Там же, стр. 107-108).

И еще решительнее:

«Пробуждение агрессивных сил на Ближнем Востоке является одним из звеньев цепи действий империалистических держав, стремящихся подорвать национально-освободительное движение народов, — говоря точнее, цепи действий, проявляющихся в расширении преступной войны американских империалистов против вьет-намского народа, мужественно защищающего свою свободу и независимость» (Там же, стр. 111).

Этой мыслью о связи политики «американских империалистов» на Ближнем Востоке — а потому и политики Израиля — с событиями в Юго-Восточной Азии Федоренко особенно дорожит и с его легкой руки, хотя и с меньшей настойчивостью, она высказывается все чаще и сирийскими политиками. К концу сессии Совета Безопасности, 1 августа, Федоренко опять говорил об этом:

Израиль «лицемерно прикрывается клятвенными утверждениями, что его действия лишь ответная реакция

ограниченного военного значения... Это показывает, что природа агрессии и международных провокаций остается неизменной. Эта преступная природа разоблачает себя в варварской войне американского империализма в Юго-Восточной Азии и в открытых агрессивных действиях Израиля против арабских стран на Ближнем Востоке» (Там же, 1293, стр. 56).

Это все говорилось так сказать в большом политическом плане. Но в речи Федоренко в Совете Безопасности нашла свое выражение и еще одна навязчивая идея, гораздо более близкая к актуальным проблемам сегодняшнего и завтрашнего дня. Это идея непосредственной близости войны между Израилем и его арабскими соседями и прежде всего войны Израиля с Сирией и о лихорадочной подготовке Израиля к этой войне. В своей речи в Совете Безопасности 25 июля Федоренко сказал:

«Постоянное развертывание вооруженных сил Израиля вдоль границ его с арабскими соседями неизбежно становится источником серьезных инцидентов. Военные маневры Израиля и демонстрации им его вооруженных сил производятся в такой близости к демаркационным линиям, что шальные пули залетают за эти линии, создавая угрозу жизни жителей» (Там же, 1288, стр. 107).

И еще конкретнее в той же речи:

«Израиль готовит к боям армию в четверть миллиона человек и сосредоточивает свои военные силы на границе с Сирией. Израиль заключил с Соединенными Штатами соглашение о приобретении им бомбовозов типа Скай Хавк и в заключение провел провокационный рейд против Сирийской республики» (Там же, стр. 111).

Что Израиль получает оружие от Соединенных Штатов (и от Франции), никогда не оспаривалось ни Израилем, ни Соединенными Штатами, продолжавшими в то же время снабжать оружием и арабские страны, стремясь сохранять какое-то равновесие в вооружении Израиля и его арабских соседей и в то же время предупредить слишком резкое нарушение этого равновесия широкими поставками оружия арабским странам со стороны Советского Союза. Но сообщение Федоренко о сосредоточении Израилем значительных военных сил на сирийской гра-

нице израильским правительством вновь и вновь оспаривалось, но неоднократно выражавшаяся им готовность предоставить представителям Советского Союза возможность убедиться на месте в ошибочности их сведений не встречала отклика со стороны Советского Союза, продолжавшего говорить о широких военных приготовлениях Израиля на сирийской границе. К этому вопросу мы еще вернемся.

Выступления остальных членов Совета Безопасности для выяснения стоящего перед нами вопроса не имеют значения.

Ни одна резолюция не собрала на этот раз необходимого большинства в Совете Безопасности.

**

Напряжение на сирийско-израильской и иорданско-израильской границах все усиливалось. 15 августа (1966) официальный комментатор Дамаского радио огласил следующее заявление:

«Граждане, сирийская революция не будет больше жаловаться Объединенным Нациям. Никогда больше мы не поставим себя в положение защищающихся и жалобщиков. Пусть Израиль ищет защиты и жалуется. Сирийская революция, выдвинувшая лозунг народной войны, будет готова в период подготовки к практическому осуществлению этого лозунга встретить и прогнать агрессора... Стратегия, которой теперь следует Сирия, это переход от стратегии обороны к стратегии нападения. Братья-граждане, настало время воспользоваться оружием, за которое наш народ плотит своей кровью и хлебом, и заставить замолчать врага и разрушить его мораль». (S/PV, 1307, стр. 13)

В первой половине октября положение приняло угрожающий характер. Особенное возбуждение вызвано было взрывами в районе Ромема в северо-западной части Иерусалима, сопровождавшимися человеческими жертвами и имевшими место в ночь с 8 на 9 октября. 9 октября, в 8 часов утра, правительственное радио в Дамаске прервало свою раннюю утреннюю программу, чтобы пере-

дать «коммюнике № 53 генерального штаба Эль-Асафа» (Эль-Асафа параллельная Эль-Фатах организация палестинских террористов, тесно сотрудничающая с Эль-Фатахом):

«Отряд из группы 105 проник 8 октября в оккупированный Иерусалим и произвел взрывы в двух зданиях. Два взрыва произошли в 23.45 и два других в 24.00 часа».

Следовало точное описание взрывов в районе Ромема. То же коммюнике сообщило о диверсионных актах, совершенных еще тремя группами. От себя Дамаское радио к этому поощрительно добавило: «Такого рода акты не дадут спать гангстерскому государству» (Там же, стр. 12).

В тот же день министр иностранных дел Израиля Абба Эбан был принят генеральным секретарем ООН и обратил его внимание на серьезность создавшегося положения. На следующий день, 10 октября, премьер министр Сирии Юсеф Зуэйн на конференции печати ответил Эбану:

«Не наша задача охранять безопасность Израиля. Мы не обязались сдерживать революцию палестинского народа. Ни при каких обстоятельствах мы не будем этого делать. Мы предадим огню всю эту территорию, и всякое движение Израиля будет иметь своим результатом, что Израиль окончательно сойдет в могилу» (Там же, стр. 13).

Еще через день, 11 октября, сирийский начальник генерального штаба генерал Суедани, говоря об операциях палестинских диверсантов против Израиля, заявил:

«Эти акты являются законными актами и наш долг не мешать им, а поощрять их и усиливать. Мы всегда готовы защищать наш народ и его честь и на территории Иордании, и на территории Израиля. Мы мобилизуем волонтеров и дадим им оружие» (Там же, стр. 13).

Куда, кажется, дальше идти? — 12 октября Израиль обратился к генеральному секретарю ООН с просьбой срочно созвать Совет Безопасности.

*Совет Безопасности,
14 октября — 4 ноября 1966 года*

Обсуждение вопроса в Совете Безопасности началось 14 октября большой речью министра иностранных дел Израиля Аббы Эбана. Это из его речи заимствованы приведенные выше в тексте заявления дамасского радио 15 августа и сирийские сообщения и заявления 9-11 октября. Эбан поставил вопрос о систематическом и открытом нарушении Сирией обязанностей, лежащих на ней, как на члене Объединенных Наций:

«...Факты ясны; они признаются и противной стороной; относительно их нет никаких сомнений. Факт, что Сирия мобилизует и поддерживает группы диверсантов, обучает их на своей территории в двух больших лагерях в Кабуне и Кунейтре, организует дополнительные центры обучения в Дамаске, Дерайа и Баниасе, посылает эти партизанские отряды в Израиль либо непосредственно, либо через Иорданскую и Ливанскую территории, торжествует по поводу их успехов, действительных или воображаемых, активно содействует мобилизации людей в партизанские отряды и публично формулирует их политическую цель — ‘разрушить’ суверенное государство, являющееся членом Объединенных Наций...

Сирийские министры, военные вожди и представители говорят и действуют так, как если бы их правительство было свободно от обязанностей, касающихся безопасности Израиля. Ничто не может быть ошибочнее. Отказ Сирии признавать Израиль и поддерживать с ним нормальные отношения не освобождает ее от этих обязанностей. Он только свидетельствует об отсутствии у Сирии чувства реальности и международной ответственности. Суверенность Израиля не требует согласия Сирии... Она является органической частью международного порядка и системы Объединенных Наций, и этот факт создает систему международных прав и обязанностей, которые и противник не может свободно игнорировать. Нравится ли это ей или нет, независимо от ее взглядов и эмоций по отношению к Израилю, Сирия имеет основанные на законе обязанности по отношению к Израилю, выполнения которых Израиль в праве требовать» (Там же, стр. 16-18).

В свое оправдание Сирия ссылается на сосредоточение Израилем военных сил близ сирийской границы для подготовки непосредственного нападения на Сирию. Но этого не существует:

«...Никакого сосредоточения израильских войск на сирийской границе или близ нее нет... Мы формально заявили вчера начальнику штаба военных сил ООН, что мы готовы к тому чтобы он немедленно и свободно проконтролировал, имеется ли какая-либо концентрация войск или какое-либо вызывающее тревогу военное усиление в пограничной полосе. Мы ожидаем, что этот контроль будет проведен по обе стороны границы, но мы не выдвигаем этого, как условие. Если генерал Булл желает, пусть проведет проверку лишь на израильской стороне и представит свой отчет» (Там же, стр. 26).

Представитель Сирии Томэ не мог, конечно, в этой обстановке отклонить предложение о поручении генералу Буллу обследования на месте. Томэ, правда, прямо не присоединился к этому предложению, но он в свою очередь выразил живой интерес (анкшиоус) к получению Советом Безопасности доклада генерала Булла (Там же, стр. 36), и 17 октября, после дополнительных переговоров с обеими сторонами, генеральный секретарь ООН поручил генералу Буллу произвести обследование в демилитаризованной полосе и в районах обороны с обеих сторон. 22 октября доклад генерала Булла был представлен Совету Безопасности (S/7561). Доклад этот констатировал:

что и с израильской, и с сирийской стороны было обнаружено в демилитаризованной полосе небольшое число военных — не частей, а лиц — (со стороны Израиля 9 военных и 15 полувоенных, со стороны Сирии 44 военных) — и вооружения и военного транспорта (со стороны Сирии значительно больше, чем со стороны Израиля);

что в районах обороны с той, и с другой стороны были обнаружены, хотя и значительно большие, чем в демилитаризованной полосе, но ограниченные военные силы и вооружение (опять со стороны Сирии значительно больше, чем со стороны Израиля);

что со стороны Сирии, по сравнению с результатами

проверки четырьмя месяцами ранее, было обнаружено в районе обороны увеличение числа военных укреплений и танков;

но все это в таких размерах, что не колеблет общего вывода: «ни в демилитаризованной полосе, ни в районах обороны ни с той, ни с другой стороны, не наблюдается концентрации (билд-он) военных сил и вооружения».

Это был единственный реальный успех Израиля в его попытках своеобразного дипломатического мирного наступления против Сирии в Совете Безопасности. Как и Комэй в июле, Эбан в своей речи 14 октября ребром поставил вопрос пред представителем Сирии о взаимном заявлении об уважении к политической независимости и территориальной целостности каждой из сторон:

«От имени правительства Израиля я даю такое заверение Сирии. Может ли сирийский представитель подтвердить здесь то же в отношении Израиля?»

Я также предлагаю, чтобы Израиль и Сирия вновь подтвердили ст. III (3) соглашения 1949 года, запрещающую какое бы то ни было продвижение военных сил, партизанских групп или отдельных лиц через демаркационную линию, и чтобы они прямо заявили Совету Безопасности о своей готовности активно противодействовать совершению с их территории враждебных актов против другой стороны. Готово ли сирийское правительство, как мы готовы, словом и делом противодействовать существованию, обучению и операциям партизанских групп против соседнего государства? Ответ на этот вопрос имеет решающее значение.

Если эти принципы будут подтверждены, мы готовы обсудить с сирийскими представителями методы и меры, которые должны быть приняты, чтобы прочно обезопасить границу от военных акций, инфильтрации и партизанской войны» (Там же, стр. 27).

Ответа не последовало. Через три дня представитель Израиля Комэй вновь повторил эти вопросы с прямой ссылкой на постановку их Эбаном в день открытия сессии Совета Безопасности: «Мы ждем ответа и Совет Безопасности несомненно тоже ждет его» (Там же, стр. 86). Еще через три дня Комэй вновь поставил этот вопрос:

«Принимает ли правительство Сирии ответственность, налагаемую на него соглашением о перемирии, — ответственность за предупреждение нелегального перехода ее границы с Израилем? Мы вновь и вновь и вновь возвращаемся к этому вопросу и все еще не имеем на него ответа» (Там же, 1309, стр. 86).

Прямого ответа так и не последовало. Косвенный — безоговорочно отрицательный — уже и раньше не раз дававшийся, и сейчас не заставил себя ждать.

Сирийский представитель Томэ повторил аргументы, с которыми он выступал в Совете Безопасности в июле, но с некоторыми дополнительными вариациями. Представитель Сирии явно колебался, поддерживать ли ему и дальше тезис, что диверсионных актов вообще не происходит, и наряду с этим аргументом не отрицал широкой — и сейчас представляемой в героических тонах — практики диверсионных актов против Израиля, все решительнее отстаивая мысль, что за диверсионные акты, совершаемые организациями палестинских арабов, Сирия не несет никакой ответственности (Там же, 1307, стр. 36 и многократно в дальнейших выступлениях).

Вторая основная тема сирийского представителя и в июльско-августовской и в октябрьско-ноябрьской сессиях Совета Безопасности это тема, что Израиль «агрессивное колониальное государство — страж империалистических монополий, созданное при помощи международных интриг для разрушения экономического и социального прогресса всего района» (Там же, стр. 43-45). В обоснование последнего положения Томэ привел аргумент, который в дальнейшем играл заметную роль в анти-израильской пропаганде.

16 сентября, сообщил Томэ, начальник израильского генерального штаба генерал Рабин, говоря об «ответных актах» Израиля против Сирии, заявил: «Атаки» Израиля, производимые в виде «репрессии» против Сирии, «направлены против режима в Сирии» (Там же, стр. 42). После этого аргумент, что израильские «ответные акты» имеют целью свержение сирийского «прогрессивного»

режима, долго вариировался в сирийской и про-сирийской, в том числе и советской печати.

В следующем заседании Совета Безопасности — 17 октября — представитель Израиля Комэй подробно остановился на этом аргументе. В сентябре 1966 года генерал Рабин поместил статью в израильском военном журнале «Бамаханэ», в которой в частности писал:

«Контрмеры по отношению к сирийским актам, идет ли речь об актах саботажа или о враждебных актах на границе, должны быть направлены против тех, кто совершает эти акты, и против режима, их поддерживающего. Целью при этом является — привести к изменению политики этого режима и устранению мотивов для этих актов» (здесь, очевидно, мотивов для «контрмер»).

Для непредубежденного читателя смысл этих слов ясен. «Контрмеры» Израиля имеют целью заставить сирийское правительство отказаться от политики поддержки актов саботажа против Израиля и тем самым устранить «мотивы», вызывающие «контрмеры». Здесь нет и намека на то, будто «контрмеры» Израиля имеют целью свержение существующего в Сирии режима. Но опубликование этой статьи сейчас же вызвало с сирийской стороны обвинение Израиля в стремлении свергнуть «прогрессивное» сирийское правительство. Чтобы устранить такого рода толкование, Эшколь, израильский премьер и в то время и военный министр, огласил 19 сентября заявление, в котором подчеркнул, что слова Рабина были истолкованы неправильно, что он беседовал об этом с Рабином и убедился, что Рабин отнюдь не имел в виду свержение сирийского правительства; «Израиль не вмешивается во внутренние дела других стран и их режимов» (Там же, 1308, стр. 87).

На выступлении Томэ — почти через месяц после заявления Эшколя — это заявление ни в какой мере не отразилось.

Чрезвычайно энергичную поддержку оказал сирийскому правительству в Совете Безопасности представитель Советского Союза Федоренко. «Мы знаем», категорически заявил он (это вариант знаменитого сталинского

«Как известно», не требовавшего доказательств и не допускавшего сомнений), —

«что Израиль сосредоточивает большие военные силы на сирийской границе. В прилегающем к Сирии районе проводятся военные маневры. Сюда брошено большое количество войск с артиллерией и минометами. В Израиле проведена частичная мобилизация запасных. В дополнение к этому имеется информация о готовящейся воздушной атаке против соседней Сирии, как подготовительной мере к глубокому проникновению Израиля на сирийскую территорию. В этой связи особенно заслуживает нашего внимания недавнее заявление начальника генерального штаба Израиля генерала Рабина, раскрывшее действительные цели заговора против Сирии. В интервью с корреспондентом журнала 'Бамаханэ' генерал Рабин открыто заявил, что так называемые ответные акты военных сил Израиля будут направлены прежде всего против существующего в Сирии политического режима» (Там же, 1307, стр. 62).

Федоренко, конечно, знал о заявлении Эшколя от 19 сентября, но он не только игнорировал его, а подверг цитату из статьи Рабина «шлифовке», которая должна была придать словам Рабина как раз тот смысл, против которого Эшколь — в согласии с Рабиным — протестовал. Читатель легко убедится в этом, сравнив слова Рабина, как они цитируются Федоренко, с подлинным текстом Рабина, приведенные выше.

С такой же решительностью поддержал Федоренко Сирию и в другом вопросе, полностью солидаризовавшись с заявлением сирийского представителя о «полной несостоятельности» попыток Израиля сделать Сирию ответственной за инциденты, которые «будто бы вызвали апелляцию Израиля к Совету Безопасности» (Там же, стр. 61). В действительности здесь пред нами «практика апелляции к Совету Безопасности с искусственными жалобами и обвинениями с целью маскировки военных провокаций против соседних государств» (Там же, стр. 66). Положение на Ближнем Востоке действительно вызывает «глубокую тревогу среди миролюбивых народов», но «подлинных оснований» для этой тревоги нужно искать

в «экстремистском политическом курсе Израиля и в попытках империалистических держав силой помешать развитию национально освободительного движения народов этого района» (Там же, стр. 61).

Продолжительные и временами бурные прения закончились голосованием резолюции, собранной в СБ большинством голосов, но благодаря вето Советского Союза оказавшейся «непринятой». Проект этой резолюции был внесен представителями Аргентины, Японии, Нидерландов, Новозеландии и двух государств черной Африки — Нигерии и Уганды (S/7575). Авторы ее стремились в максимальной возможной степени проявить беспристрастие по отношению к обеим сторонам, но наряду с обращенным к Израилю призывом, к полному сотрудничеству в сирийско-израильской смешанной комиссии по перемирию (п. 3) и с обращенным к Сирии и Израилю с призывом воздержаться от каких бы то ни было действий, которые могут вызвать усиление напряжения в этом районе (п. 5), содержала также прямой призыв к Сирии «усилить мероприятия, предупреждающие инциденты, которые являются нарушением генерального соглашения о перемирии» (п. 2). Из-за этого пункта 2, содержавшего очень сдержанное косвенное осуждение Сирии, Советский Союз и наложил на резолюцию вето. Это произвело тем большее впечатление, что это был первый случай советского вето, примененного по отношению к резолюции, поддержанной — и даже предложенной — двумя представителями черной Африки.

Резолюция собрала в Совете Безопасности 10 голосов; против нее голосовали Советский Союз, Болгария, Иордания и Мали; Китай воздержался (Там же, 1319, стр. 51).

III. АРАБЫ ГОТОВЯТСЯ К ВОЙНЕ

Теперь события развивались быстро. От угрожающих речей и разоблачительных сообщений о готовности Израиля вот-вот непосредственно перейти к агрессии против Сирии, арабские страны — при поддержке Советского Союза — переходят к заключению военных соглашений и к военным подготовительным мероприятиям. Подготавливалось это еще в октябре, но широко развернулось с начала ноября.

«Правда» от 3 октября сообщила, что «на днях в Дамаск из Каира прибыла делегация верховного командования объединенных вооруженных сил арабских стран во главе с начальником штаба генералом Абдель Монеим Риадом. Как сообщают информационные агентства, эта делегация поведет переговоры с ответственными сирийскими руководителями с целью координации действий объединенных арабских вооруженных сил». Телеграмма из Дамаска в «Правде» от 9 октября сообщила о заявлении премьер-министра Ирака Наджи Талеба о «полной поддержке Сирии, подвергающейся опасности империалистической агрессии». 20 октября «Правда» сообщила, что сирийское правительство «обратилось к населению с призывом добровольно вступать в создаваемые 'народные отряды обороны'... В стране создан высший комитет по осуществлению мобилизации населения во главе с министром внутренних дел Мухаммедом Ашави». На следующий день «Правда» в телеграмме из Каира говорит еще решительнее: «В Сирии объявлена 'всенародная мобилизация'. По всей стране образуются мобилизационные пункты. В заявлении командующего местной обороны говорится, что в связи с провокациями на границе 'мы призываем всех граждан взять в руки оружие, чтобы плечом к плечу с регулярной армией защищать страну от агрессии'». — Создание «народных отрядов оборо-

ны», повидимому возникло не столько в порядке подготовки к войне с Израилем и «империалистами», сколько в порядке «борьбы с контрреволюцией» — после недавнего, 8 сентября, успешного подавления попытки государственного переворота, организованной вождями (или бывшими вождями?) обще-арабского руководства партии «Баас» с бывшим генеральным секретарем обще-арабского руководства «Баас» Раззаком во главе. В официальной пропаганде о формировании «народных отрядов обороны» тема о борьбе с «заговором контрреволюции» тесно переплетается с темой о борьбе с «агрессией империалистов».¹⁹

В начале ноября, после долгих и, повидимому, — судя по их продолжительности, — не очень легко проходивших переговоров, начавшихся месяцем раньше в Дамаске (см. выше), в Каире было подписано соглашение между ОАР и Сирией о совместной обороне и о сотрудничестве в области экономики, культуры и информации. В заключительной части переговоров в них участвовали Насер с одной и Зуэйн с другой стороны. Основным в этом соглашении была договоренность о «координации политических и военных действий и оказании совместного отпора в случае, если одна из сторон подвергнется агрессии» («Правда» от 9 ноября). «Международный комментарий» «Известий» (от 16 ноября) подчеркнул принципиальное значение этого соглашения: оно знаменует «восстановление нормальных отношений между двумя странами». А когда 25 ноября открылась сессия Национального Собрания ОАР, Насер в своей большой речи «высоко оценил договор об обороне, подписанный между ОАР и Сирией» («Правда» от 26 ноября). — Это соглашение, повидимому, означало приближение ОАР с ее несколько настороженной политикой к более «активистской» политике Сирии и тем самым расчищало путь для дальнейшего обострения положения на Ближнем Востоке.

Особенно горячо поддержала это соглашение между ОАР и Сирией иракская пресса («Правда» от 16 ноября). И сейчас же начались переговоры о присоединении к этому соглашению Ирака. Телеграмма из Дамаска от 23

ноября сообщила о «необъявленном заранее» прибытии в Дамаск заместителя премьер-министра Ирака Раджаб Абдель Маджида «накануне совещания политического руководства ОАР и Ирака», которое соберется в Багдаде («Правда» от 24 ноября).

В эти же дни первый вице-президент ОАР маршал Абдель Хаким Амер вел в Москве переговоры, которым придавалось большое значение. Об этих переговорах в печати почти ничего по существу не сообщалось и возглавлявшаяся Амером делегация после шестидневного пребывания в Советском Союзе вернулась в ОАР без того, чтобы было опубликовано обычное в таких случаях «совместное коммюнике». Вместо такого коммюнике в газетах было напечатано сообщение «О пребывании в СССР первого вице-президента ОАР маршала Амера» («Правда» от 29 ноября). Из этого сообщения мы узнаем, что Амер прибыл в СССР с «визитом», «по приглашению советского правительства», которое «было передано во время визита советской правительственной делегации в ОАР в мае с.г.», полгода назад. Ссылка на майское «приглашение» явно была лишь прикрытием. Во время «визита» велись «переговоры», которые протекали «в обстановке полного взаимопонимания и глубоких дружественных чувств», но о предмете этих переговоров говорилось в сообщении лишь в самых общих чертах и о значении и о содержании их можно было составить себе представление лишь по составу делегации, во главе которой стоял Амер. Кроме самого маршала Амера, первого вице-президента и заместителя главнокомандующего вооруженных сил ОАР, в состав делегации входили военный министр Шамседдин Бадран, командующий военноморским флотом адмирал Сулейман Эззат, командующий военно-воздушными силами, главный маршал авиации Сидки Махмуд, заместитель военного министра генерал Махомед Абдель Керим и другие видные государственные деятели ОАР. С советской стороны в приеме «гостей» участвовали Подгорный, Косыгин, Громыко и маршалы, маршалы, маршалы («Правда» от 23 ноября). Это совещание высшего военного командования ОАР с политическими и военными руководителями Советского

Союза было первым открытым свидетельством, что ближневосточный кризис вступил в новую фазу, что на первый план выдвигается мысль о разрешении его военными мерами и что Советский Союз в этой стадии развития кризиса принимает на себя на арабской стороне почти ведущую, если не военную, то военно-политическую роль.

Палестинские террористы продолжали между тем свои диверсионные акты с неослабеваемой энергией. 13 ноября состоялся и очередной, на этот раз особенно значительный «ответный акт» Израиля, проникновение значительного израильского военного отряда на иорданскую территорию и репрессивные действия против деревни Эс Саму, являвшейся базой террористов. На этот раз в отпоре израильскому отряду принял участие значительный отряд регулярных иорданских войск и были заметные жертвы с обеих сторон. Это был как бы предвестник будущих более драматических событий. «Инцидент» 13 ноября был предметом обсуждения специальной сессии Совета Безопасности, закончившейся принятием резолюции осуждающей Израиль.*) Но центр общественного внима-

*) Абсолютное осуждение актов возмездия за диверсионные акты предполагает нормальное функционирование международного правопорядка. Когда международный правопорядок парализован практикой вето, акты возмездия становятся в какой-то мере формой законной самозащиты. Что это полусознается, т.е. полу-признается в ООН, свидетельствует настойчивое подчеркивание «непропорциональности» или «неизбежной непропорциональности» актов возмездия: этим имплиците признается, что «пропорциональные» акты возмездия могли бы носить законный характер. При обсуждении в Совете Безопасности событий 13 ноября 1966 года аргумент о «непропорциональности» особенно часто повторялся: см. S/PV, 1320, стр. 46 (Корадон, Англия), 1322, стр. 4 (Руда, Аргентина) и 7 (Корнер, Новая Зеландия), 1323, стр. 7 (де Буис, Нидерланды).

В книжке, изданной в 1967 г. Информационным отделом израильского Министерства иностранных дел, "The USSR and Arab Belligerency," приводится статистическая таблица (стр. 44), сообщающая данные об актах саботажа, совершенных в Израиле террористами из арабских стран с начала 1965 года по 8 мая 1967 года. Всего за 2 года и 4 месяца отмечены 71 удавшийся и 42 неудавшихся акта саботажа, всего 113 актов. Жертвами их оказались в Израиле

	убитых	раненых
в 1965 году	—	23
в 1966 году	10	36
в 1967 году	1	3

ния, повидимому, начал уже передвигаться в другую сферу: перспектива прямого военного конфликта начала приобретать реальный характер.

Выше уже отмечалось, что в двадцатых числах октября в Сирии началось формирование полу-добровольческих «отрядов народной обороны», что-то напоминающее широкую «всенародную мобилизацию». Прошел едва месяц и на открывшейся в Дамаске специальной сессии совета Всеобщей федерации арабских профессиональных союзов председатель федерации сирийских профсоюзов Халед Джунди сообщил, что в стране организовано более 500 мобилизационных пунктов и что число записавшихся добровольцев уже достигло в маленькой Сирии 150.000. В сессии участвовали представители союзов ОАР, Сирии, Ирака, Иордании, Алжира, Марокко, Судана, Адена и Палестины (представители Сауди Аравии, Кувейта, Ливии и Туниса не получили выездных виз). Как формулировал генеральный секретарь Федерации Фавзи ас-Саед, задачей совещания была «выработка конкретных мер в поддержку сирийского народа перед лицом плетущегося заговора империализма, реакции и сионизма» («Известия» от 26 ноября). Практически это означало подготовку почвы для аналогичного сирийскому развитию в других арабских странах.

8 декабря в Каире собрался Объединенный совет обороны арабских стран. В совете участвовали представители 12 стран и палестинской организации «Народное освобождение». Совет обсуждал — по официальной формулировке — программу «совместных оборонительных действий арабских стран на случай нападения со стороны Израиля» («Известия» от 9 декабря). Не вызывает сомнений, что при обсуждении стоявших пред ним вопросов совет не связывал себя этими оборонительными оговорками. Подготовка к войне начала принимать очень напряженный характер, но об этом говорить публично избегали.

Итого за 2 года и 4 месяца, при 71 «удавшихся» террористических актах 11 убитых и 62 раненых (не считая убитых и раненых регулярными частями, особенно на сирийско-израильской границе). Если эти данные отвечают действительности, они придают известную убедительность аргументу о «непропорциональности» актов возмездия.

Чрезвычайно усилилась в это время и ближневосточная активность Советского Союза, выражавшаяся прежде всего в резком увеличении поставок арабским странам и в особенности ОАР и Сирии разных видов оружия и посылки «специалистов», в спешном порядке обучавших арабов пользоваться новейшим оружием. Это особенно наглядно выяснилось во время «шестидневной войны», когда громадное количество новейшего оружия советского происхождения обнаружилось в разбитых египетской и сирийской армиях. Но вот 12 декабря открылся в Москве пленум ЦК КПСС. Основным докладом на пленуме был доклад Брежнева «О международной политике СССР и борьбе за сплоченность коммунистического движения». Доклад этот занял весь первый день работы пленума. Большая часть второго (и последнего) дня была посвящена прениям по докладу Брежнева, по которому выступили 13 членов ЦК. Но ни доклад Брежнева, ни речи других ораторов не были опубликованы, не было и отчета о них. А в опубликованном постановлении пленума по докладу Брежнева («Правда» от 14 декабря) нет ни слова о Ближнем Востоке и о вставших в связи с событиями на Ближнем Востоке пред Советским Союзом вопросах. Как нет об этом ни слова и в обширных посвященных итогам работы пленума редакционных статьях «Правды» (15 декабря: «Ленинский курс нашей партии») и «Известий» (16 декабря: «Испытанным ленинским курсом»). Но ведь даже и представить себе трудно, чтобы вопросы, связанные с обострением положения на Ближнем Востоке и с ролью Советского Союза в арабско-израильском конфликте не были затронуты на пленуме ЦК компартии, внимание которого было сосредоточено на вопросах международной политики Советского Союза. И что это не так, заставляет думать и тот факт, что среди 13 членов ЦК, выступавших на пленуме в прениях, были три турка, с особенным интересом следящих за событиями, происходящими на Ближнем Востоке; это были первые секретари ЦК компартии Казахстана, Узбекистана и Киргизии Кунаев, Рашидов и Усубалиев. И не то чтобы выступление на пленуме первых секретарей ЦК республиканских партий было необходимостью: боль-

шинство первых секретарей ЦК этих партий на пленуме не выступали.

Какова была к этому времени господствующая в ЦК компартии установка в вопросах ближневосточной политики, — на этот вопрос пытается как будто ответить обратившая на себя внимание статья К. Иванова в «Правде» от 4 декабря: «Выбор ясен». На что должны ориентироваться арабские страны? На политику ли, «направленную на поддержание мира и независимости на Ближнем Востоке», на развитие «культуры и промышленной цивилизации»? Или на политику военных интриг, в которую их втягивают «империалисты», «монополисты» и «сионисты»? Арабские народы уже сделали свой «ясный вывод»:

«1 декабря в Дамаск прибыли советские специалисты-энергетики для завершения переговоров о заключении соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве между правительствами двух стран в строительстве гидроэнергетических сооружений на реке Евфрат... Строительство будет одновременно и кузницей кадров сирийских квалифицированных рабочих, техников, инженеров, которые очень понадобятся Сирии в будущем для новых строек».

В действительности активность Советского Союза в деле помощи экономическому и культурному прогрессу арабских стран это прежде всего прикрытие для советского неокOLONиализма, и неслучайно приезд в Сирию советских энергетиков, — что само по себе является положительным фактом, — непосредственно предшествовал чрезвычайному усилению диверсионной деятельности Эль-Фатах на израильской границе, и в начале 1967 года здесь создалась подлинная обстановка (по выражению Дрэпера) «малой пограничной войны».*)

*) См. сжатое описание диверсионных актов 1, 2, 4, 6, 8, 9, 10, 11 января у Дрэпера (стр. 41-42), по данным «Мидист Миррор», выходящего в Бейруте арабского информационного бюллетеня на английском языке. К сожалению, я имел возможность пользоваться лишь очень неполным комплектом этого ценного бюллетеня.

Цитированная в тексте статья «Правды» от 4 декабря 1966 г. ввела в заблуждение корреспондента Юнайтед Пресс Интернешонел, сообщение которого, напечатанное в «Нью Йорк Таймс» от 5 декабря, так и было озаглавлено: «Москва требует мира на Ближнем

Отрицать эти факты невозможно. Они сжато, но точно описаны в арабских информационных источниках. В явном противоречии с этими источниками «Правда» пыталась представить эти «инциденты», как дело рук «империалистических провокаторов»:

«Взрывы мин, заложенных некими 'злоумышленниками', и перестрелки напоминают о том, что кто-то снова заинтересован в усилении напряженности на Ближнем Востоке... Эти столкновения — всего лишь прикрытие той большой диверсии, которую осуществляют империалистические круги США и Англии против арабов» (Игорь Беляев «Под гром выстрелов», «Правда» от 18 января 1967 г.).

В течение первых четырех с половиной месяцев 1967 года события на Ближнем Востоке развивались уже по твердо намеченному пути. Сирия при этом в своей враждебности по отношению к Израилю уже в первые месяцы

Востоке». Отмечая, что «Правда» сообщает о советской технической и экономической помощи при постройке Евфратской плотины, корреспондент ЮПИ с удовлетворением подчеркивает, что в статье «Правды» нет никаких указаний на поддержку Советским Союзом военных замыслов Сирии против Израиля. Это верно, но это никак не позволяет заключить, что Советский Союз этих замыслов не поддерживает. В своем неожиданном оптимизме корреспондент ЮПИ доходит до утверждения, что в статье «Правды» содержится «видимый намек», адресованный к сирийскому правительству, о необходимости приглушить «войну за освобождение». Но в тексте статьи «Правды» на этот «видимый намек» нет и намека.

Кстати, К. Иванов, автор статьи в «Правде», это один из самых запальчивых советских журналистов, специализировавшихся в советской печати на травле Израиля. Это Иванов совместно с Шейнисом выпустили в 1958 году книжку «Государство Израиль, его положение и политика», в которой популяризировал фальшивку о разработке будто бы израильским генеральным штабом «стратегического плана израильской армии на 1956-1957 годы», предусматривающего полный разгром арабских стран и присоединение громадной части их территорий к Израилю. Заслуживает внимания, что во всех новейших сообщениях «Правды» и «Известий» о подготовке Израиля к агрессии этот «план» никогда не упоминается. И только «Новое Время» в № 29 за 1967 год (стр. 17), в статье В. Лаврова «Израильский экспансионизм», неосторожно напомнило о нем. Но даже и после этого ни «Правда», ни «Известия», ни даже само «Новое Время» к этому аргументу не прибегали. Слишком очевидная фальшивка молчаливо была сдана в архив.

года дошла до состояния, которое мало отличалось от состояния войны. Цитируя «Мидист Миррор», Дрэпер приводит заявление президента Сирии эль-Атасси от 22 февраля 1967 года: «Долг каждого из нас перейти с оборонительной позиции на наступательную и присоединиться к борьбе за освобождение нашей украденной страны». И еще через две недели: «Действия партизанских отрядов в оккупированной стране не прекратятся», и сирийская армия «готова к схватке с Израилем». (Дрэпер, стр. 43).

7 апреля произошло уже подлинное военное столкновение между Израилем и Сирией. О событиях 7 апреля широко распространено представление, будто это был особенно значительный «ответный акт» Израиля против Сирии, вызванный растущей активностью палестинских террористов. В действительности это было столкновение регулярных военных сил Сирии и Израиля, выросшее из создавшегося чрезвычайного напряжения и явившееся как бы новым предвестником приближающихся трагических событий. События 7 апреля, сыгравшие в предвоенной арабской публицистике заметную роль, заслуживали бы внимательного анализа, но тут для этого уже нет места. Ограничусь поэтому приведением **сирийских** сообщений, как они приведены в телеграммах ТАСС'а, напечатанных в советских газетах. При всей своей тенденциозности и чрезвычайном преувеличении израильских и преуменьшении сирийских потерь, они хорошо передают атмосферу, которая царила на Ближнем Востоке ранней весной 1967 года:

«Дамаск, 7 (ТАСС). Сегодня утром на сирийско-израильской границе возник новый вооруженный конфликт. В переданном только что официальном коммюнике сирийского военного командования говорится, что в 9.45 утра по местному времени несколько израильских тракторов под прикрытием танков и огня из автоматического оружия пытались вести сельскохозяйственные работы в нейтральной зоне южного сектора границы. Сирийские войска открыли по ним ответный огонь. (Это явная натяжка. Что израильские крестьяне вышли в поле под прикрытием танков и автоматического оружия, — еще мыслимо. Но зачем им было **открывать огонь**, пока сирийцы не открыли

огня? Нет, «ответным» мог быть по всей обстановке только огонь с израильской стороны. — С.Ш.) В ходе перестрелки повреждены два израильских танка, уничтожено 3 трактора. На сирийской территории огнем противника разрушено несколько крестьянских домов в пограничных селениях Ан Насария и Из-Зедин...» (Пр., 8 апреля).

«Дамаск, 8 (ТАСС). Разразившийся вчера на сирийско-израильской границе пограничный конфликт перерос в настоящий бой с участием авиации, танков и артиллерии, который продолжался в течение всего дня. В ходе боевых действий обе стороны понесли потери в живой силе и технике. Согласно опубликованному сегодня официальному коммюнике сирийского командования, в ходе боевых действий израильская сторона потеряла 70 человек убитыми и несколько сот ранеными, сбито 5 израильских самолетов, выведено из строя 2 танка, 3 трактора, полностью подавлены несколько боевых позиций и разрушено много построек в израильских селениях Кавуаш, Нгев, Бейт-Касер и Хаон. С сирийской стороны убито 5 человек, несколько человек ранено и сбито 4 самолета...» (Пр., 9 апреля).

Повсюду в арабских странах, особенно в ОАР, Сирии и Ираке, продолжалась лихорадочная подготовка к войне и в этой подготовке Советский Союз уже почти открыто принимал на себя — и в политическом и в военно-техническом отношении — руководящую роль. Мы уже видели выше, что в ноябре 1966 года в Советский Союз приехала группа высших военных, составлявшая основное ядро военного руководства ОАР. С этого времени поездки из Каира, Дамаска и Багдада в Москву и из Москвы в арабские столицы и взаимные «визиты» военных и военно-политических вождей арабских стран очень участились. Одновременно участились разного рода официальные и полуофициальные поездки по линии развития экономических, культурных и политических связей между арабскими странами и Советским Союзом. Сообщения об этом в печати обычно были скудны. Точно печать после поездки в Советский Союз в ноябре 1966 года египетской делегации с маршалом Амером во главе стремилась не очень привлекать к ним общественное внимание. Повидимому, о многих таких визитах све-

дения в печать вообще не проникали. Но при всей отрывочности и неполноте информации можно все же отметить — по «Правде» за декабрь 1966 — апрель 1967 года — большое число фактов, свидетельствующих о значительной и, конечно, «планируемой» активности в области сближения Советского Союза и арабских стран:

В декабре, после продолжительных переговоров, в которых принимали участие ряд советских специалистов, в Дамаске было подписано советско-сирийское соглашение об оказании Советским Союзом технической и материальной помощи по строительству первой очереди гидротехнического комплекса на реке Евфрат, которая должна войти в строй в конце 1972 года. К завершению переговоров из Советского Союза прибыл председатель Госкомитета по внешним экономическим связям при Совете Министров СССР Скачков (Пр., 18-20 декабря).

В январе, по приглашению ЦК КПСС, в Москву прибыла из Дамаска делегация сирийской партии «Баас» с заместителем генерального секретаря партии Салахом Джедидом во главе (генеральным секретарем партии является президент республики эль-Атасси) для «ознакомления с практической работой КПСС и жизнью советского народа». Делегация прибыла 22 и вылетела обратно в Дамаск 26 января (Пр., 21, 26 и 27 января).

В январе же в ОАР побывала советская правительственная делегация с заместителем председателя Совета Министров СССР Ефремовым во главе. Об этой делегации стало известно лишь из сообщения о приеме ее Насером (Пр., 14 января).

В конце марта советский министр иностранных дел Громыко прибыл в Каир и в течение трех дней совещался с Насером, заместителем премьера ОАР Фавзи и министром иностранных дел ОАР Риадом. Значение этого «визита» было подчеркнуто опубликованием по его окончании пространного «сообщения» по типу сообщений о политически важных иностранных визитах самых высших сановников. Но о чем в течение трех дней беседовали Громыко с Насером и его ближайшими помощниками? Об этом в сообщении, полном общих мест о прочности сложившихся дружеских отношений и намерении и впредь «действовать в направлении пресечения политики вмешательства сил империализма во внутренние дела других государств» и т.п., — нет ни слова (Пр., 30 марта, 1 и 2 апреля).

В марте же, в первой его половине, состоялся десяти-

дневный визит министра культуры СССР Екатерины Фурцевой в ОАР (Пр., 12 марта).

Апрель был особенно богат сообщениями об актах советско-арабского сближения. В середине апреля «в торжественной обстановке в столице ОАР началась неделя дружбы между египетской и советской молодежью» (Пр., 17 апреля). В это же время наметилось сближение Советского Союза и ОАР и по партийной линии и Арабский социалистический союз (во главе которого стоит Насер) в течение десяти дней принимал в качестве гостей делегацию КПСС (Пр., 22 и 25 апреля). Тогда же — с 17 по 22 апреля — гостил в Советском Союзе министр иностранных дел Ирака д-р Аднан аль-Пачачи (Пр., 18, 23 и 27). Только успела делегация КПСС вернуться из ОАР и Пачачи уехать, в Москву приехала парламентская делегация из ОАР (Пр., 28 апреля). Эта делегация приехала на майские празднества и оставалась в Советском Союзе более двух недель, получив здесь специальную политическую зарядку с ориентировкой на близость войны с Израилем (см. ниже).

Это сближение Советского Союза с арабскими странами само по себе, может быть, не должно было бы вызывать опасений, что оно имеет целью подготовить общественное мнение к войне с Израилем, если бы оно не сопровождалось с советской стороны энергичными попытками воздействовать на арабское общественное мнение в пользу интенсивной подготовки к решительному отпору непосредственно угрожающей арабским странам — и прежде всего Сирии — агрессии со стороны Израиля.

IV. ЛЕГЕНДА О ПОДГОТОВКЕ ИЗРАИЛЬСКОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ СИРИИ

Легенда об энергичной подготовке Израиля к нападению на Сирию с лета 1966 года стала интегральной частью советской пропаганды на Ближнем Востоке. Трудно сказать с уверенностью, положили ли ей начало сирийцы или Советский Союз. Элементы этой легенды рано начали складываться в среде сирийских политиков, но в целую систему политики она развернулась, когда ее принял Советский Союз. Выше уже отмечалось, с какой резкостью Федоренко поставил 14 октября 1966 года в Совете Безопасности вопрос об угрожающей военной активности Израиля близ сирийской границы.*) Представитель Израиля Комэй решительно протестовал против этих утверждений, и по инициативе Комэя, которого полу-поддержал в этом вопросе представитель Сирии, генеральный секретарь ООН поручил начальнику штаба организации ООН по контролю за перемирием Израиля с арабскими странами генералу Буллу произвести обследование на месте; обследование это показало — в тех пределах, в каких возможно было это обследование, — полную несостоятельность утверждения представителя Советского Союза. Это ни в какой сте-

---

*) Речи Федоренко предшествовала 12 октября 1966 года опубликованная советская нота Израилю, в которой с полной определенностью выдвигалось против Израиля обвинение в подготовке нападения на Сирию: «Согласно имеющейся у нас информации, израильские войска вновь концентрируются вдоль сирийской границы и здесь проводятся подготовительные меры для воздушной атаки на прилегающую к границе сирийскую территорию для обеспечения израильским войскам возможности глубокого проникновения в Сирию». Отрывок из этой ноты имеется в сборнике документов "The USSR and Arab Belligerency" published by the Information Division, Ministry of Foreign Affairs, Jerusalem, 1967, pp. 29-31.

пени не отразилось на советской пропаганде, со всей настойчивостью продолжавшей разрабатывать легенду о подготовке Израиля к агрессии. Наглядным образцом этой пропаганды может служить статья в «Известиях» от 3 февраля 1967 года «Экстремисты не унимаются». «Экстремисты» это «израильские правящие круги»:

«Вооруженные силы Израиля приводятся в боевую готовность. Всем военнослужащим отменены отпуска, в армию призваны дополнительные контингенты из числа резервистов. На северной границе сосредоточены крупные военные силы. Начавшиеся в канун нового года пограничные инциденты на сирийской границе не прекращаются до сего времени...

Империалистам и их агентуре не нравится нынешний революционный режим в Сирии. Помимо экономического и политического шантажа они прибегают к угрозам прямой военной агрессии против Сирии. Активная роль в этом военном заговоре отводится Израилю... Как последний шанс против Дамаска, вынашиваются планы военной агрессии Израиля в больших масштабах».

Никакие опровержения Израиля не помогали. Советское правительство упорно вело свою линию и арабские правительства, повидимому, ему верили. Исходя из предположения, что советское правительство, может быть, верит своей собственной пропаганде и находится в плену у своих недобросовестных информаторов, израильское правительство решилось на необычную меру. 12 мая генеральный директор израильского министерства иностранных дел Арье Левави в беседе с советским послом Дмитрием Чувахиным, который вновь обвинил Израиль в концентрации войск на сирийской границе, предложил Чувахину выехать самому в пограничный район и убедиться на месте в ошибочности его информации. Чувахин решительно отказался с неожиданной аргументацией: для него достаточно информации его правительства. Для арабских политиков все это стало как бы символом веры. Позже Насер, в большой речи в каирском университете 23 июля, излагая историю возникновения израильско-арабской войны, говорил:

«Мы все знаем, что этот кризис начался с попытки

Израиля вторгнуться в Сирию. Известно, что Израиль при этой попытке действовал не во имя собственных интересов; он руководился главным образом интересами держав, которые не могли более мириться с фактом арабского революционного движения.

Информация, которую мы имели о нападении на Сирию, пришла из разных источников. У нас была информация от наших сирийских братьев о мобилизации Израилем 18 бригад. Мы проверили эту информацию и получили подтверждение, что Израиль мобилизовал не менее 13 бригад на сирийской границе.

Наша парламентская делегация, во главе которой стоял Анвар-Эль-Садат и которая посетила Москву в это время, была осведомлена нашими советскими друзьями, что нападение на Сирию вскоре совершится...»²⁰

Израильское правительство упорно боролось с легендой о подготовке Израилем нападения на Сирию. Как сообщил Эшколь в своей речи в израильском парламенте 22 мая, израильское правительство тотчас после начала переброски египетских войск на Синайский полуостров, открыто проводившейся под предлогом совершающейся будто бы концентрации израильских войск близ сирийской границы, обратилось к генеральному секретарю ООН с заявлением, в котором оно категорически отвергло слухи о военных приготовлениях Израиля на сирийской границе. Генеральный секретарь ООН разослал это заявление всем арабским правительствам и в свою очередь поручил генералу Буллу произвести немедленно расследование на месте. 19 мая генеральный секретарь ООН в докладе Совету Безопасности писал:

«В последние несколько дней циркулировали упорные слухи о передвижении и концентрации войск, особенно на израильской стороне сирийской границы. Это вызывало тревогу и временами возбуждение. Правительство Израиля совсем недавно заверило меня, что вдоль сирийской границы не происходит никакого необычного передвижения и концентрации израильских войск, что таких передвижений и концентрации войск и не будет и что военные силы Израиля не возьмут на себя инициативы военных действий, если такие действия не будут произведены другой стороной. Доклады наблюдателей ООН под-

тверждают отсутствие концентрации и заметного передвижения войск по обе стороны демаркационной линии».²¹

Вопросу о расследовании наблюдателями ОН на сирийско-израильской границе Эшколь в своей речи 22 мая уделил особое внимание:

«За последние два года начальник наблюдателей ОН четыре раза подымал вопрос о проверке по обеим сторонам границы сообщений об угрожающем скоплении войск.

17 мая 1965 года начальник наблюдателей ОН предложил проверку на границе. На следующий день Израиль ответил согласием. Сирия вообще не ответила и проверка не была произведена. — 3 июня 1966 года представитель ОН выступил с аналогичным предложением. Обе стороны ответили согласием и проверка состоялась.

19 октября 1966 года, когда сирийцы вновь повторили свои обвинения, Израиль по собственной инициативе предложил, чтобы начальник наблюдателей ОН вновь произвел аналогичную проверку, которая и имела место [См. об этом выше, стр. 45-46]. 15 апреля текущего года, когда арабы и другие распространяли слухи о концентрации значительных масс израильских войск на сирийской границе, развернутых для атаки, начальник наблюдателей ОН предложил обеим сторонам, чтобы была произведена новая проверка. 18 апреля Израиль ответил согласием. Проверка не состоялась из-за оппозиции Сирии.

Не согласившись также на производство такой проверки в первой неделе мая, Сирия не откликнулась и на предложение председателя Израильско-Сирийской Смешанной Комиссии по перемирию подтвердить отсутствие концентрации войск на ее границе. Израиль на такой же вопрос ответил в тот же день.

Подведу итоги: 15 мая египтяне заявили, что они ввели свои войска в Синай на основании сообщения Сирии о просисходящей будто бы концентрации израильских войск и развертывании их для нападения на Сирию. В действительности, однако, Сирия сделала в предшествующие недели все возможное, чтобы помешать всякой попытке ОН проверить действительное положение на месте и не допустить обнаружения полной несостоятельности ее жалоб».²²

Но вернемся к легенде об угрожающей концентрации израильских военных сил на сирийской границе. Советское правительство продолжало упорно держаться этой легенды и после доклада генерального секретаря ООН от 19 мая. 29 мая советский посол Чувахин вновь жаловался Эшколю на агрессивный характер дислокации израильских войск на севере страны, но когда Эшколь, как об этом рассказал Эбан в Общем Собрании ООН 19 июня, предложил Чувахину вместе с ним, премьером, тут же выехать в любую часть Израиля по его, Чувахина, выбору, советский посол вновь категорически отказался (А/РV, 1526, стр. 37).

В подкрепление легенды о кознях Израиля против Сирии арабские и советские публицисты и политики пытались опереться на высказывания израильских вождей, особенно Эшколя. Эшколь 12 и 13 мая выступал с речами и поместил 13 мая интервью в газете «Кол Исроэл» и эти высказывания Эшколя вызвали особенно острую арабскую реакцию. Что же сказал Эшколь?

«В виду 14 случаев саботажа и инфильтрации только за последний месяц у Израиля не может оказаться другого выхода, кроме применения подходящих контрмер по отношению к агрессорам и их покровителям». «Мир и спокойствие не могут царить только на одной стороне». «Ни одна страна не останется неприкосновенной, если она помогает и покровительствует актам саботажа». Для Израиля ясно, что Сирия является центром актов агрессии. «Израиль сам решит, когда, где и как ответить тем, кто атакует его»²³

Это квинтэссенция заявлений Эшколя, включающая все самые острые его замечания.*) Непредубежденному читателю все это казалось не выходящим из рамок ставшей обычной на Ближнем Востоке острой политической полемики. Чтобы не допустить искажения слов Эшколя в смысле непосредственной угрозы нападения на Сирию, израильское правительство поручило 15 мая своему представителю в ООН просить генерального секретаря ООН довести до сведения египетского правительства, что Изра-

---

*) Они полностью напечатаны в книге Дрэпера, стр. 245-247.

иль не возьмет на себя инициативы военных действий, и генеральный секретарь ООН передал это каирскому правительству (Драпер, стр. 52).

Ничто не действовало. Арабские политики немедленно воспользовались высказываниями Эшколя, приписав ему гораздо больше того, что он в действительности сказал. Особенную активность проявил при этом Насер. Стоит привести здесь два отрывка из его речей этого периода:

«Почему это никто не вспомнил о мире, ООН и безопасности, когда 12 мая израильский премьер и израильские военачальники заявили, что займут Дамаск, свергнут сирийское правительство, нанесут Сирии тяжелый удар и оккупируют часть сирийской территории?» (Насер, 22 мая, Дрэпер, стр. 219).

«В последние годы Израиль в своих угрозах перешел все границы. Новейшее заявление израильского премьера это угроза напасть на Сирию и угроза войны. 12 мая эта угроза приняла такой широкий характер, что никто не мог бы ее принять. Каждый араб обязан на нее ответить. Поэтому я заявляю: если Израиль хочет угрожать войной, — что он фактически и сделал, — пожалуйста!» (Насер, 28 мая, Дрэпер, стр. 226).

Но Насер ссылался (в первой из цитированных речей) не только на Эшколя, но и на «израильских военачальников». «Израильские военачальники» это начальник генерального штаба Ицхок Рабин, имя которого постоянно повторялось — и сейчас повторяется — в связи с заявлениями Эшколя 12 и 13 мая. 14 мая в тель-авивской газете «Маарив» появилось обширное интервью с Рабином, относящееся тоже к 12 или 13 мая. Спрошенный об оценке им растущей активности опирающихся на Сирию террористов, Рабин ответил, что с военной точки зрения арабский терроризм представляется не дошедшим до таких масштабов, чтобы можно было считать его «качественно» изменяющим положение. Но в то же время Рабин подчеркнул, что терроризм может вырасти до того, что он «качественно» создаст новое положение, и это «сможет вынудить нас прибегнуть к иным методам, чем те, которые мы применяли бы, если бы он оставался бо-

лее ограниченным». Это несколько загадочное заявление Рабин дополнил предостережением против поспешных выводов из него (Дрэпер, стр. 73-74).

Как правильно замечает Дрэпер, общее впечатление от интервью Рабина было таково, что в израильских военных кругах еще не вполне отдавали себе отчет в том, что в отношениях между Израилем и ОАР в ближайшие же дни и недели может начаться чрезвычайно глубокий кризис. Дрэпер, который имел возможность близко ознакомиться с тем, что происходило в последний месяц перед войной в израильских правительственных кругах, рассказывает — и этот его рассказ надолго сохранит значение исторического документа, — какой неожиданностью для израильского правительства явился резкий поворот египетской политики 14-15 мая. 14 мая израильская разведка обнаружила какое-то передвижение войск из собственно Египта на Синайский полуостров. Во время военного парада в Иерусалиме Рабин сообщил об этом Эшколю и тот просил его зайти к нему после парада. Они совместно обсудили положение и пришли к выводу, что переброска египетских войск в Синай пока незначительна и не вызывает еще серьезной тревоги и, вероятно, продиктована прежде всего желанием оказать давление на Израиль и удержать его от враждебных действий против Сирии. Только 16 мая израильское правительство приняло первые меры по мобилизации, еще неполной. Еще и в это время оно относительно спокойно расценивало положение. (Об всем этом см. подробно у Дрэпера, стр. 72-75).

Я остановился подробно на этих фактах, потому что они позволяют правильнее оценить вызвавшие такую тревогу в арабских кругах заявления Эшколя и Рабина 12 и 13 мая. При той общей оценке положения, которая была характерна для израильских руководящих кругов в эти дни, алармистское расширительное толкование этих заявлений арабскими политиками оказывается лишенным всякого основания.

Но это «расширительное толкование» высказываний израильских вождей сразу получило очень широкое распространение, — вероятно, частью бона фиде, но, пови-

димому, частью сознательно раздуваемое из политических соображений. И оно сейчас же нашло свое отражение в советской печати. В «Правде» от 16 мая в статье Игоря Беляева «Откровенничают» мы читаем:

«Выступая позавчера, шеф генерального штаба израильской армии генерал И. Рабин угрожающе заявил, что Израиль подготовил специальные вооруженные группы, которые могут быть использованы против соседней Сирии».

Но в интервью Рабина, на которое ссылается автор, о подготовке специальных групп для нападения на Сирию нет ни слова. А еще через неделю, в «Заявлении советского правительства о положении на Ближнем Востоке» от 23 мая («Правда» от 24 мая) сообщалось и еще решительнее:

«После вооруженного нападения израильских войск на территорию Сирийской Арабской Республики 7 апреля правящие круги Израиля продолжали нагнетать обстановку военного психоза в стране. Руководящие государственные деятели, в том числе министр иностранных дел Эбан, открыто призывали к проведению широких 'карательных' операций Израиля против Сирии и нанесению по ней 'решительного удара'».

«Руководящие государственные деятели» Израиля, о которых здесь идет речь, это, конечно, кроме прямо названного Эбана, Эшколь и Рабин, с высказываниями которых читатель уже знаком. Но и Эбан — в полном согласии с тем, что говорили Эшколь и Рабин, — сказал лишь, что «правительство Израиля примет и проведет все меры, которые оно признает необходимыми для защиты своей территории и жизни своих граждан», и ни о «карательных операциях», ни о «решительном ударе» не проронил ни слова (см. выдержку из Эбана в речи Рафаэля, в ответ Федоренко, в Совете Безопасности 29 мая, S/PV, 1343, стр. 111).

Но «расширительное толкование» израильских высказываний первой половины мая пришлось так ко двору в арабских столицах и так широко было афишировано, что оно неожиданно нашло свой отголосок в докладе

генерального секретаря ООН Совету Безопасности 19 мая о событиях на Ближнем Востоке (в документах ООН этот доклад помечен S/7896; в книге Дрэпера он перепечатан полностью, стр. 160-165). В этом докладе, в целом отличающемся полной независимостью и объективностью автора, имеется следующий во второй своей части неожиданный абзац («параграф» 8):

«Несдержанные и воинственные высказывания официальных и неофициальных лиц, усердно подхватываемые печатью и радио, к сожалению, стали обычными с обеих сторон на Ближнем Востоке. В последние недели, однако, приходящие из Израиля сообщения приписывают некоторым занимающим высокое положение официальным лицам заявления настолько угрожающие, что они приобретают особенно зажигательный характер и могут лишь усилить возбуждение и тем самым заострить напряженность и с той, и с другой стороны» (Дрэпер, стр. 161-162).

Эти замечания генерального Секретаря ООН сейчас же были подхвачены с арабской стороны. Представитель ОАР в ООН эль-Кони обратился 27 мая к председателю Совета Безопасности с письмом, в котором просил дополнить повестку ООН следующим пунктом: «Агрессивная политика Израиля, его повторные агрессии, угрожающие миру и безопасности на Среднем Востоке и создающие опасность для международного мира и безопасности» (S/7907), причем сослался на «подготовку Израилем вторжения в Сирию, как это подтверждено в докладе генерального секретаря от 19 мая 1967 года, S/7896». — Это было опять «расширительное толкование», на этот раз доклада генерального секретаря ООН. И, конечно, оно сейчас же нашло свое отражение в речах арабских представителей в Совете Безопасности.

3 июня представитель Израиля в ООН. — избегая прямой полемики с генеральным секретарем ООН, — ответил в СБ представителям ОАР, Сирии и других:

«Арабские представители с горячностью ухватились за параграф 8 доклад генерального секретаря (S/7896). Читая этот доклад и этот параграф, мы были изумлены и спрашивали себя, какие заявления [израильских госу-

дарственных деятелей] генеральный секретарь имеет в виду. Мы не могли найти в наших документах ответа на этот вопрос. Но арабские ораторы нас теперь просветили, приписав ответственным вождям Израиля заявления о готовности Израиля идти на Дамаск и свергнуть сирийское правительство. Благодарю арабских представителей за это разъяснение, но я не могу подтвердить их заявления. Я могу только категорически констатировать, что таких заявлений [израильскими вождями] сделано не было» (S/PV, 1346, стр. 21).

Но легенда о воинственных планах Израиля против арабских стран и прежде всего против Сирии продолжала жить и арабские политики, несмотря на все доказательства несостоятельности их аргументов, ни от одного из ее элементов не отказывались и не отказались. С ними и советские политики.*) И даже Косыгин, даже и после «шестидневной войны», никак не мог расстаться с этой легендой и в своей речи в Общем Собрании ООН 19 июня пошел очень далеко:

«9 мая [1967 года] израильский парламент уполномочил правительство Израиля провести военные операции против Сирии. Началась концентрация израильских войск на сирийской границе и в стране была проведена всеобщая мобилизация» (A/PV, 1526, стр. 9-10).

«Во всем этом рассказе нет ни слова правды», ответил Косыгину в том же заседании Эбан (A/PV, 1526, стр. 53).

Много должно было накопиться возмущения и много отчаяния, чтобы Абба Эбан, человек, хорошо собой владеющий и притом человек английской школы, так заго-

---

*) Повидимому, уверенность в возможности защищать пресловутую легенду все же дрогнула в советско-арабских кругах. Тарабанов, представитель Болгарии в ООН, верное эхо Федоренко, выступил в заседании СБ 13 июня, полемизируя против представителя США Гольдберга, с новой аргументацией: Пусть сообщения об угрожающих военных приготовлениях Израиля близ сирийской границы неверны. Но какое это имеет значение, если Израиль вообще может провести мобилизацию в 24 часа и всегда живет на военную ногу? (S/PV, 1358, стр. 147-150). — Это в какой-то мере верно, но Тарабанов, повидимому, даже не замечает, что эта его аргументация не оставляет от «легенды» живого места.

ворил с высокой трибуны Объединенных Наций, обращаясь к главе правительства одной из великих держав.

Выдающийся американский журналист, независимый и смелый в своих суждениях, после информационной поездки весной 1967 года по странам восточного Средиземноморья, писал: «Русский аргумент об израильской мобилизации на сирийской границе в середине мая это величайшая фиш-стори со времени Ионы и кита» (*Джемс Рестон* «Об искусстве лжи», «Нью Йорк Таймс», 23 июня 1967 г.). — «Фиш-стори» это английское выражение, соответствующее русскому охотничьему рассказу.

Ниже мы еще будем иметь возможность убедиться, что возникшая 5 июня война и началась, и протекала совсем иначе, чем этого следовало ожидать согласно лелеемой в арабских и советских кругах легенде.

V. ПРЕДВОЕННЫЙ КРИЗИС РАЗВИВАЕТСЯ

Поворот в арабском мире

Мы уже видели выше, как сравнительно спокойно Эшколь и Рабин отнеслись к первым сообщениям о переброске египетских войск на Синайский полуостров. Они имели для этого серьезные основания. Трудно было допустить, что ОАР начнет сейчас большую военную акцию, которая может непосредственно привести к войне. Внутреннее положение ОАР в это время было чрезвычайно тяжело и взаимоотношения между арабскими странами напряжены, что, по неоднократно высказывавшейся Насером концепции, упорно и открыто отстаивавшейся им против арабских радикалов, главным образом сирийцев, исключало возможность успешной войны с Израилем.

В большой новейшей работе американско-арабского исследователя положение ОАР и положение самого Насера к маю 1967 года охарактеризовано следующим образом:

«Развитие событий поставило Насера в трудное положение. В течение нескольких лет он предостерегал более воинственно настроенных арабов, что арабы слишком слабы в военном отношении и недостаточно объединены, чтобы суметь успешно противостоять Израилю в войне, и что Соединенные Штаты, вероятно, поддержат Израиль, если на него нападут. Он заключил с Сирией пакт о совместной обороне, может быть, рассчитывая, что это позволит ему сдерживать рвущихся в бой сирийских вождей, и в течение нескольких месяцев он действительно в известной степени оказывал сдерживающее влияние. Естественно, что в мае 1967 года, когда его лучшие войска были связаны в Йемене, а раздоры в арабском мире достигли большей остроты, чем когда бы то ни было,

Насер предпочел бы ждать, пока арабы окажутся лучше подготовленными к решающему военному столкновению с Израилем.

Но перед ним вставал ряд фактов и внутри ОАР и арабского мира, и в отношениях между Израилем и Сирией, требовавших от него, как он полагал, какого-либо конкретного жеста, который означал бы готовность его оказать военную поддержку союзнику. Экономическое положение Египта ухудшалось... Многие египтяне с возрастающей тревогой наблюдали ухудшение экономических условий и затягивающуюся войну в Йемене. В арабском мире положение Насера было значительно ослаблено. Его также раздражали частые уколы со стороны иорданцев, сауди-арабов, сирийцев и других арабов — иногда и израильтян, — что он прятался за юбки Чрезвычайных сил ООН и что, когда Израиль совершил свои значительные 'ответные акты' против Иордании и Сирии (13 ноября 1966 и 7 апреля 1967 года), он Насер, на словах оказался храбр, но на деле кроток».²⁴

Исключительная напряженность отношений внутри арабского мира нашла свое отчетливое выражение в большой первомайской речи Насера, привлечшей внимание широких кругов на Ближнем Востоке, но почти замолчанной в Советском Союзе. Насер говорил с неприимимой враждой о Гуссейне, короле Иордании, и Фейзале, короле Сауди Аравии. Фейзал — «агент западного империализма», Гуссейн и того хуже: просто «агент Си-Ай-Эй» (американской разведки). Когда в сентябре 1966 года должно было состояться совещание арабских государств «на самом высоком уровне», ОАР и Сирия заранее заявили, что период «мирного сосуществования» в арабском мире кончился. Те, кто олицетворяют силы социализма и прогресса, не могут продолжать идти рядом с реакционерами, которые представляют даже большую опасность, чем Израиль. Для того чтобы можно было по настоящему заняться палестинской проблемой, нужно сначала ликвидировать реакционные арабские режимы. Но главный враг даже и не они:

«Братья», призывал Насер, «борьба, которую мы ведем, нелегкая борьба. В действительности это большое сражение с Америкой. В действительности мы боремся

не с Фейзалом, Гуссейном, шахом или дураком Бургибой. Все они орудия в руках Соединенных Штатов. Для нас эти орудия ничто».²⁵

Заслуживает внимания, как об этой речи было сообщено в «Правде». Сначала — в «Правде» от 2-го, в крайнем случае от 3 мая, — просто ни слова. Но в «Правде» от 5 мая — уже не в телеграмме из Каира (это было бы поздно), а в небольшой статье — сообщалось, что «в речи, произнесенной на праздновании Дня рабочих (что это 1 мая, может быть, читатель и не догадается; этим маскировалась запоздалость сообщения), президент Насер сосредоточил внимание на преступной деятельности империалистических кругов США и Англии». И вся статья посвящена разоблачению «империалистических держав». Об арабских «реакционерах» ни слова, ни даже о том, что империалисты пользуются ими как орудием. В чем же дело? Беречь арабских «реакционеров» у «Правды» не было никаких оснований. И если редакция так «подчистила» речь Насера, невольно напрашивается мысль, что резкость по отношению к «реакционерам» была признана редакцией несвоевременной: Нужно усиленно пропагандировать арабское «единство» — для выступления против Израиля.

Это вскоре начало оказываться все отчетливее. Позже — 22 мая в речи в главной квартире воздушного флота — Насер сообщил:

«13 мая мы получили точную информацию, что Израиль сосредоточивает близ сирийской границы большие военные силы, около 11-13 бригад. Эти силы были разделены на два фронта, один к югу, другой к северу от Тивериадского озера.

Израилем в это время было принято решение начать нападение на Сирию 17 мая. 14 мая мы приняли наши меры, обсудили вопрос и снеслись с нашими сирийскими друзьями. Сирийцы тоже имели эту информацию» (Дрэпер, стр. 216).

Жанет Алиа, посланная в Каир в качестве специального корреспондента парижского еженедельника «Лэ Нувэль Обсерватэр», сообщила об этом некоторые заслуживающие внимания подробности. Это из письма си-

рийского министра обороны генерала Гафиза Ассада к маршалу Амеру в Каире 13 мая узнали о сосредоточении Израилем значительных военных сил на сирийской границе. Одновременно с письмом Ассада в Каире был получен доклад сирийской разведки о подготовке Израилем большой военной операции против Сирии, нацеленной на Дамаск (*“avec pointe jusqu'à Damas”*), которая должна была начаться с вторжения израильских войск в Сирию в ночь с 16 на 17 мая, «точно в 4 часа 5 минут» («Лэ Нувэль Обсерватёр», 31 мая 1967 г.).

Это «точно», повидимому, произвело на египтян большое впечатление. Сейчас же было принято решение о переброске египетских войск на Синайский полуостров и уже на следующий день, 14 мая, еще до возвращения парламентской делегации из Москвы, эта переброска началась, сначала относительно скромная и, как мы видели, не вызвавшая у израильского правительства большой тревоги. Повидимому, задумана была эта переброска войск в значительной мере для того, чтобы произвести впечатление на Сирию и на Израиль (первое, кажется удалось, последнее нет) и отправка войск на Синайский полуостров была превращена в открытую демонстрацию. Наблюдавший эти события корреспондент парижского «Лэ Монд» Эрик Руло писал об этом в книге, о которой еще будет речь ниже:

«Войска с военными оркестрами во главе колонн проходили по улицам Каира. Это как если бы во Франции военные части, посылаемые к границе с Германией, были бы проведены по площади Согласия (в Париже). Театральный аспект Насеровского маневра носил почти комический характер. Войска прошли и под окнами американского посольства» (стр. 76).

Одновременно, как позже сообщил Насер (в своей речи 22 мая), начальник штаба израильских военных сил генерал Мухамед Фавзи вылетел в Дамаск для «контакта с сирийскими братьями» (Дрэпер, стр. 216). В тот же день он вернулся в Каир, а из Москвы вернулась парламентская делегация с новой «информацией» и новыми «советами». В осторожно сформулированном официальном советском сообщении «О пребывании в Советском Союзе

делегации Национального Собрания ОАР», напечатанном в «Правде» от 16 мая под многообещающим заголовком «Сотрудничество развивается», мы читаем:

«Стороны выразили озабоченность в связи с обострением международной напряженности, вызванной агрессивными действиями империализма, и подчеркнули настоятельную необходимость укрепления единства всех антиимпериалистических и антиколониальных сил, как важнейшего условия успешной борьбы против происков империализма и реакции, за национальное и социальное освобождение...

Стороны осуждают непрекращающиеся израильские агрессивные действия против арабских стран и заявляют о поддержке законных и неотъемлемых прав палестинских арабов».

Сейчас же после возвращения делегации в Каир, уже 15 и 16 мая, переброска египетских войск на Синайский полуостров резко усилилась и 16 же вечером началось роковое развитие событий, завершившееся «шестидневной войной».

Два роковых шага

Уже начало этих событий носило драматический характер.²⁶ Во вторник 16 мая в 10 часов вечера по местному времени (в 8 часов вечера по Гринвичскому меридиану и в 4 часа пополудни по Нью Йоркскому времени) к начальнику чрезвычайных сил ООН генералу Рихье в Газе неожиданно явился египетский офицер, бригадир Мохтар, с письмом от начальника генерального штаба военных сил ОАР генерала Фавзи. В этом письме Фавзи требовал скорейшего увода «всех войск ООН, занимающих наблюдательные пункты вдоль нашей границы». К этому Мохтар добавил, что Рихье должен отдать распоряжение о немедленном уводе войск ООН из Эль-Сабха (в северо-восточной части Синайского полуострова, близ израильской границы) и Шарм эль-Шейха (у Тиранского пролива), так эти пункты должны быть заняты египетскими войсками **этой же ночью**. Генерал Рихье ответил, что такого рода распоряжение он может принять только от генерального секретаря ООН, к которому ОАР и должна

непосредственно обратиться (Дрэпер, стр. 177). Но прошло еще 44 часа, пока министр иностранных дел ОАР — 18 мая в полдень по Нью Йоркскому времени — официально сообщил генеральному секретарю ООН, что правительство ОАР «решило прекратить присутствие чрезвычайных сил ООН на египетской территории», и просил генерального секретаря «сделать необходимые распоряжения об отводе войск с возможной быстротой». (стр. 182).

Египетские войска еще до обращения министра иностранных дел ОАР к генеральному секретарю ООН начали занимать позиции в пограничной полосе, игнорируя присутствие войск ООН, которые не оказывали им сопротивления — да по своей малочисленности, может быть, и не могли оказывать его — и оставались в своих казармах и бараках. В частности и в Шарм эль-Шейх египетские офицеры явились к командующему офицеру войск ООН 18 мая в 12 ч. 10 м. по Гринвичскому времени, — т.е. почти за 4 часа до вручения генеральному секретарю ООН письма министра иностранных дел ОАР, — и потребовали передачи им власти **через 15 минут**. Офицер ответил отказом» (стр. 181) (кстати в отряде войск ООН было здесь всего 32 человека, стр. 174)

Все это создавало напряженность, чрезвычайно усиливавшую опасность возникновения войны. Оставался еще только один шаг, после которого война стала бы почти неизбежной. И 22 мая этот шаг был сделан. Насер объявил в этот день о закрытии для Израиля Тиранского пролива. Блокада Акабского залива и израильского порта Эйлат стала фактом.

С этого момента перспектива войны встала как непосредственная угроза и эта угроза с каждым днем нарастала. Но когда 5 июня война действительно разразилась, арабские страны и Советский Союз — и Советский Союз, может быть, даже с большей резкостью, чем арабские страны, — выдвинули против Израиля обвинение в преступной агрессии, совершенно игнорируя, что было непосредственно перед началом войны, как если бы Израиль начал войну по своему свободному решению и злому умыслу. Чтобы можно было лучше ориентироваться в степени обоснованности этого обвинения, которое до

сих пор — более двух лет после окончания войны — очень затрудняет установление действительного мира, нужно ближе присмотреться к тому, что происходило в последние недели перед началом войны во втянутых в конфликт арабских странах, с одной стороны, и в Израиле, с другой, и какова в этом сложном клубке событий была роль Советского Союза.

В ОАР напряженность нарастает

Развитие в ОАР в эти решающие две недели лучше всего можно проследить по многочисленным выступлениям Насера. Он проявил в это время чрезвычайную ораторскую активность²⁷ и большую агрессивность, отнюдь еще не выражая настроений наиболее агрессивных элементов египетского общества (особенно молодого офицерства), давлению которых он все же в какой-то мере поддавался.

22 мая, в речи в полевом штабе авиационных войск, Насер сравнительно сдержанно рассказал о принятых им решениях об удалении войск ООН и о занятии Шарм эль-Шейха. Здесь он употребил формулу, которая в последующие дни часто повторялась и им и другими: «Евреи хотят войны. Мы говорим им: пожалуйста. Мы готовы к войне» (Дрэпер, стр. 219). В речи 26 мая в Совете Международной Конфедерации Арабских Профсоюзов Насер пошел уже гораздо дальше. Он остановился прежде всего на вопросе, почему он до сих пор избегал всего, что могло бы привести к прямому военному столкновению с Израилем: «Мы не были готовы». А сейчас «мы чувствуем себя достаточно сильными, чтобы вступить в войну с Израилем, и с Божьей помощью мы победим». Этим объясняется и требование об уходе войск ООН, и акция в Шарм эль-Шейхе. Занятие Шарм эль-Шейха «означает, что мы готовы вступить в генеральную войну с Израилем. Это не была изолированная акция. Мы должны были принять это во внимание, занимая Шарм эль-Шейх» (Дрэпер, стр. 222). О предстоящей войне Насер говорил очень решительно:

«Если Израиль начнет агрессию против Сирии или

Египта, война будет генеральной и нашей основной целью будет уничтожение Израиля. Пять или даже еще три года назад я, вероятно, не мог бы этого сказать. Сейчас, через 11 лет после 1956 года, я говорю это потому, что у меня есть уверенность. Я знаю, что есть у нас в Египте и что имеет Сирия. Алжир и Кувейт тоже пошлют войска — бронированные части и пехоту. Такова сила арабов. Это подлинное возрождение арабского народа, который одно время, вероятно, доходил до отчаяния» (Дрэпер, стр. 222-223).

28 мая на пресс-конференции, которая проходила в какой-то напряженной обстановке, Насер вновь и вновь повторял: «Мы ждем» (стр. 230), «Мы предоставляем Израилю сделать первый шаг» (стр. 231). Что в речи Насера особенно заставляло насторожиться, это ссылка на то, что самое существование Израиля представляет акт агрессии. Что Израиль самым фактом своего существования осуществляет агрессию, в арабской политической журналистике уже давно стало общим местом. Сейчас этой мысли была придана острота актуальности и она непосредственно была связана с вопросами текущей политики. Если Израиль это персонифицированная агрессия, — уже по этому одному нельзя говорить, что удаление войск ООН с египетской территории или занятие Шарм эль-Шейха является агрессией. В обоих случаях ОАР осуществляла свои законные права и всякая попытка препятствовать принятому ОАР решению о закрытии Тиранского пролива для Израиля будет означать агрессию против ОАР. (стр. 225). На прямо поставленный ему одним из корреспондентов вопрос, «видит ли он какую-либо возможность генерального разрешения палестинской проблемы в порядке переговоров», Насер ответил: «Я уже говорил, что самое существование Израиля это агрессия. Как же можно говорить о генеральном разрешении палестинской проблемы? Палестинскому народу должны быть возвращены его права» (стр. 230-231).*)

---

*) В печати о пресс-конференции Насера 28 мая сохранился рассказ французского журналиста Эрика Руло, который был на этой конференции. Руло родился в Каире (в 1926 г.) и свободно говорит по арабски. Он заведует ближне-восточным отделом парижской газеты «Лэ Монд», много раз в последние годы ездил в Египет и другие

Мысль, которая промелькнула в речи Насера на пресс-конференции 28 мая, что восстановление положения, как оно было до 1956 года, это еще только начало его планов, нашла на следующий день свое ясное выражение в его речи в Национальном Собрании:

«Сейчас, через 11 лет после 1956 года, мы восстанавливаем положение, как оно существовало в 1956 году. Это в материальном аспекте. Но я думаю, что материальный аспект составляет только малую часть, что духовный аспект это самое главное в этом вопросе. Этот духовный аспект включает возрождение арабской нации, воскресение палестинского вопроса и восстановление до-

---

страны Ближнего Востока и был в Каире в период перед войной и во время войны 1967 года. Он знает многих влиятельных деятелей арабских стран, хорошо знает и Насера, с которым за последние годы много раз беседовал. Он и сам в известной мере отражает настроения и политические оценки какой-то части арабской элиты. Вскоре после войны он вместе с Жаном-Френсисом Хельдом, бывшим во время войны корреспондентом парижского еженедельника «Лэ Нувэль Обсерватёр» в Тель-Авиве, и еще двумя экспертами по Ближнему Востоку среди французских журналистов Жаном и Симонн Лакутюр написали своеобразную книгу: Eric Rouleau, Jean-Francis Held et Jean et Simonne Lacouture: "Israel et les arabes. Le 3^e combat," Paris, Editions du Seuil, 1967. Это живой рассказ о событиях почти день за днем. Жан Лакутюр ставит вопросы, Руло и Хельд отвечают, но временами все взаимно обмениваются замечаниям. В целом это оригинальная и удачная форма коллективного журналистского отчета о событиях.

О пресс-конференции 28 мая Руло сообщил: «Насер был на конференции в очень нервном состоянии, раздражителен, лицо суровое, тон резкий. Мы не знали, что он только что принял очень важное решение в результате разговора, который был у него накануне с советским послом. В ночь с 26 на 27 мая в 3 часа 30 минут советский посол поднял Насера с постели, чтобы передать ему письмо Косыгина. Речь шла о предостережении его Москвой, требовавшей, чтобы он не уступал давлению египетской армии и самого маршала Амера, которые настаивали на атаке... Свидетель беседы Насера с военными 27 мая рассказал мне, как во время бурного спора молодые офицеры упрекали Насера в том, что он не хочет взять на себя инициативы. Но глава египетского государства не уступал, настаивая на том, что египетская агрессия имела бы катастрофические последствия в плане международной политики. И Насер вновь и вновь повторял на конференции: мы не ударим первыми, мы не хотим войны, но если мы окажемся жертвой агрессии, это будет означать разрушение израильского государства» («Израиль и арабы», стр. 85).

верия к каждому арабу, к каждому палестинцу. И если мы окажемся способны восстановить условия, как они существовали до 1956 года, Бог наверно поможет нам восстановить положение, как оно существовало до 1948 года» (Дрэпер, стр. 232).

Здесь мысль об уничтожении Израиля доведена до конца и вставлена в широкую историческую перспективу.

Вдумываясь в эти высказывания Насера с 22 по 29 мая, мы видим, как складывается его концепция неизбежного военного столкновения с Израилем, и даже не просто неизбежного, но и систематически и целеустремленно подготовляемого (чтобы не сказать: провоцируемого). Очень выпукло существо этой концепции показал Мухамед Хайкал, главный редактор влиятельной каирской газеты «Аль-Ахрам», близкий друг Насера, в течение многих лет как бы его порт-пароль. В «Аль-Ахрам» от 26 мая Хайкал поместил статью под метким заглавием: «Военное столкновение с Израилем — неизбежно?». В ней официальная египетская концепция нашла свое красноречивое выражение:

«Ход событий в течение десяти великих дней — с 14 по 23 мая — изменил положение и соотношение сил на Среднем Востоке. Один рассчитанный и эффективный шаг следовал за другим. Было принято решение о путях проведения в жизнь египетско-сирийского соглашения о взаимной защите; это то решение, которое генерал-лейтенант Мухамед Фавзи, начальник штаба египетских вооруженных сил, привез (14 мая) при своем пятичасовом визите в Дамаск. Затем следовало послание, адресованное генерал-лейтенантом Фавзи командующему чрезвычайными силами ООН об отводе этих войск с египетской границы с Израилем. Египетские войска, не выжидая (ухода войск ООН), начали фактически занимать позиции на границе. Министр иностранных дел Риад отправил тогда послание генеральному секретарю ООН У Тану об отводе и эвакуации чрезвычайных войск ООН из ОАР и Газы. Затем следовало занятие Шарм эль-Шейха.... Все это в обстановке бьющего через край боевого духа, какого еще никогда не наблюдалось на Среднем Востоке...

Но вопрос на этом не кончается, скорее он только едва начался. Я убежден, что по многим, главным обра-

зом психологическим, причинам Израиль не может примириться с тем, что случилось. Это значит что ближайший шаг будет сделан Израилем. Израиль должен сейчас ответить. Мы должны быть к этому готовы и, насколько возможно, должны ослабить эффективность его удара. Затем наступит наш черед нанести удар, который мы и нанесем с полной возможной эффективностью... Пусть только Израиль начнет. Будем готовы и нанесем второй удар. И пусть это будет нокаут» (Лакэр, стр. 310-311).

Хорошо формулировал Лакэр: «Аттакa со стороны Израиля была существенной частью стратегии Насера» (стр. 107). Но за эту концепцию Насеру еще приходилось бороться с собственными экстремистами. Насер сам создавал для них благоприятную обстановку, раздувая стихию воинствующих настроений в массах. Настроения эти рано достигли большого накала. Когда войска, отсылаемые на Синайский полуостров проходили торжественным маршем по улицам Каира, грохот танков перемешивался с бурными криками толпы: «Мы хотим войны с Израилем» (Рафаель в СБ 29 мая, S/PV, 1343, стр. 62). И когда генеральный секретарь ООН прилетел 23 мая в Каир, толпа встретила его теми же, ставшими популярным лозунгом, возгласами: «Мы хотим войны с Израилем» (Там же, стр. 66).

А каирское радио «Голос Арабов», во главе которого стоял способный демагог Ахмед Саид, все подливало масла в огонь. Во второй половине мая станция изо-дня в день гремела:

19 мая: «Каждый из 100.000 арабов в течение 19 лет живет одной надеждой — дожить до дня уничтожения Израиля... Для сионистской банды не будет ни жизни, ни мира, ни надежды оставаться в оккупированной стране».

20 мая: «Арабы, сейчас перед нами встает возможность нанести смертельный удар Израилю и уничтожить его, покончить с его присутствием на нашей святой земле. Это война, которой мы ждем и которую мы закончим с триумфом. Велик Аллах! Велик Аллах! Велик Аллах!».

21 мая: «Наша армия находится на границе в количестве, небывалом в этом районе. За нею стоит народ, весь народ, ждущий первого выстрела, чтобы уничтожить все американское во всех арабских городах... Мы

ждем для вас смерти, а для нас победы. Велик Аллах! Велик Аллах! Велик Аллах!» (Лакэр, стр. 90).

После цитированной выше речи Насера в Национальном Собрании «Голос арабов» добавил кое что и от себя:

30 мая: «Блокада Акабского залива ставит Израиль перед выбором между двумя возможностями, каждая из которых означает, что он захлебнется в своей собственной крови: Израиль или будет задушен военной и экономической блокадой, или погибнет под выстрелами арабских армий, окружающих его с юга, севера и востока» («Израиль и арабы. 3-ья война», стр. 41).

Эта ежедневная пропаганда создавала в широких массах состояние какого-то психоза, который иногда захватывал и Насера. 4 июня, после подписания соглашения с Ираком о присоединении его к египетско-иорданскому пакту о взаимной защите, Насер в своем возбуждении забыл даже на минуту о многократно повторявшемся им призыве к Израилю сделать «первый шаг» и в краткой речи по радио заявил:

«Мы говорим им сегодня: мы встречаем вас лицом к лицу в сражении и мы горим желанием начать его, чтобы отомстить вам за вероломство в 1956 году. Тогда мир поймет, что такое арабы и что Израиль» (Лакэр, стр. 105).

Такие заявления — иногда даже в более резкой форме — при всяком удобном случае делались в это время руководящими политическими и военными деятелями и в других арабских странах. Приведу только несколько наиболее характерных.

Сирия, Иордания, Ирак

В **Сирии** предвоенное возбуждение достигло даже большей остроты, чем в ОАР.

18 мая министр иностранных дел Сирии Ибрагим Махус дал следующее толкование египетской акции против войск ООН: «Отойдите с дороги; наши военные силы идут воевать». «Ничто не может остановить арабскую революцию» (Дрэпер, стр. 60).

20 мая сирийский министр обороны генерал Гафиз аль-Ассад опубликовал следующее заявление:

«Сирийские военные силы готовы начать войну. Армия долго ждала и единодушна в своем желании ускорить сражение. Но армия ждет сигнала от политических вождей. Министр обороны, как человек военный, считает, что время назрело для освободительной войны и что необходимо предпринять по крайней мере минимальные меры для обеспечения карательного удара по Израилю, который приведет Израиль в разум и поставит его на колени униженным и разбитым» (Рафаэль в Совете Безопасности 29 мая, 1343, стр. 111).

Министр обороны с гордостью добавил, что с 23 февраля 1966 года сирийская авиация беспрепятственно нарушала неприкосновенность израильского воздушного пространства «десятки раз» и в последний раз — 14 мая — проникла вглубь Израиля на десятки километров (Там же, стр. 112).

23 мая Дамаское радио обратилось к населению со следующим воззванием:

«Арабы, это ваш день. Спешите на поле брани. Настало время для битвы. Боритесь Арабы. И пусть они знают, что мы повесим последнего империалистского солдата на кишках последнего сиониста» (Лакер, стр. 47).

25 мая президент Сирии эль-Атасси в Совете Международной конфедерации арабских профсоюзов: «Время для сражения, которого мы так долго ждали, наступило» (Дрэпер, «Ком.», стр. 35).

29 мая премьер Зуэйи на конференции арабских юристов: «Мы сейчас стоим на пороге войны за будущее арабского народа. Сейчас создались наиболее благоприятные условия для того, чтобы решиться на битву, которая определит судьбу арабов» (Лакер, стр. 99).

В **Иордании** положение вначале было иное. Отношения между Иорданией, с одной стороны, и ОАР и Сирией, с другой, в первой половине 1967 года были настолько напряженные, что Иордания в феврале 1967 года, как уже было отмечено выше, разорвала дипломатические отношения с ОАР и 23 мая — уже в период чрез-

вычайного предвоенного напряжения — разорвала в результате пограничного инцидента дипломатические сношения и с Сирией. Но огромный подъем, молниеносно охвативший широкие круги в арабских странах в связи с успехом египетской акции против вооруженных сил ООН и с благополучным закрытием Тиранского пролива, быстро захватил и Иорданию и уже 24 мая — на следующий день после разрыва с Сирией — Гуссейн сообщил, что он разрешил военным силам Ирака и Сауди Аравии вступить на территорию Иордании и что он посылает представителя в Каир (Дрепер, «Ком.», стр. 35). А еще через день — 25 мая — «Аль Ахрам» (привожу в изложении Лакера, стр. 96) писала:

«Король Гуссейн заявил, что он и его народ вступают в первые ряды тех, кто готов пожертвовать собой (за дело арабской свободы); энтузиазм охватил все гражданское и военное население Иордании. Арабизм 'трепещет от радости и счастья' как заявило Амманское радио».

Утром 30 мая Гуссейн прилетел в Каир, в тот же день им и Насером было подписано египетско-иорданское соглашение о взаимной защите. Насер и Гуссейн простились, как «братья», и в 5 часов вечера Гуссейн уже вернулся в Амман, где его ждали восторженные толпы народа. Важнейшая статья подписанного им в Каире соглашения предусматривала, что, как только начнутся военные действия, вооруженные силы Иордании поступят в подчинение командующему военными силами ОАР, который будет руководить военными силами обоих государств (Лакер, стр. 105).*) И так оно и было.

---

*) Несколько неожиданной является оценка соглашения 30 мая в книге добросовестного и в общем объективного американско-арабского автора: «Египетско-иорданское соглашение о взаимной обороне не могло представить для Израиля непосредственной опасности, так как оно пока оставалось на бумаге. Оно потребовало бы от обеих стран многих месяцев усилий, чтобы превратиться в активное военное орудие против Израиля» (Фред Хури, стр. 281; см. также стр. 249).

В самом Израиле соглашение 30 мая вызвало тревогу; оно было понято как показатель того, что для арабских стран вопрос о войне является решенным и что военные действия могут начаться очень скоро.

Примирение Иордании с ОАР было встречено горячим одобрением в арабских странах, кроме Сирии, которая продолжала трактовать Гуссейна, как империалистического наемника и изменника. Но и это через несколько дней кончилось, и 1 июня дипломатические отношения между Иорданией и Сирией были восстановлены (Лакер, стр. 105).

5 июня, в самый день начала войны, Гуссейн говорил по Амманскому радио: «Точно, как мы предвидели, враг сегодня утром начал свою агрессию и атаку против наших арабских территорий. Мы этого ждали» (Лакэр, стр. 105-106).

И еще более ясная картина в **Ираке**. 1 июня президент и главнокомандующий военными силами Ирака генерал-лейтенант Абдуррахман Ариф обратился с речью к воинским частям, отбывающим в Иорданию:

«Сыны и братья. Наступил день отмщения за наших братьев-мучеников, павших в 1948 году. Это день, когда должно быть смыто позорное пятно. Мы полны решимости и единства в стремлении к достижению нашей ясной цели — убрать Израиль с географической карты. С Божьей помощью мы встретимся в Тель-Авиве и Хайфе»*).

Израиль перед решением

Выше мы видели, как 14 мая в Каире началась шумная и демонстративная кампания, создававшая впечатление — и это было ее прямой целью, — что ОАР готова к военному выступлению против Израиля в защиту Сирии. И одновременно сравнительно немногочисленные войска были посланы на Синайский полуостров. Но уже 15 и 16 мая, — после того как 14-го к вечеру из Советского Союза возвратилась египетская парламентская делегация, — посылка войск на Синайский полуостров была резко увеличена и события начали принимать угрожающий характер. А 16-го поздно вечером началась поспешная ак-

---

*) Дрэпер, стр. 97, Лакэр, стр. 99-100. — В обоих источниках речь Арифа приводится с неодинаковыми пропусками. В тексте речь эта приведена по Дрэперу, дополненная по Лакеру.

ция против чрезвычайных войск ООН и в течение нескольких дней вдоль египетско-израильской границы были размещены очень значительные военные силы, Тиранский пролив и Акабский залив оказались для Израиля закрытыми и единственный южный израильский порт Эйлат блокированным и к тому же под угрозой оказаться и с севера отрезанным от сообщения с остальным Израилем.

Для Израиля это составляло непосредственную угрозу. И арабские ораторы не оставляли у него никаких сомнений, что они ставят уничтожение Израиля своей прямой и непосредственной задачей.

Было бы ошибкой думать, что Израиль не был подготовлен к этой трудной ситуации. Неожиданной была только крайняя спешка, с которой были проведены устранение войск ООН и занятие Шарм эль-Шейха, но о необходимости для Израиля быть готовым к вероятной агрессии со стороны ОАР в генеральном штабе Израиля думали давно и под руководством генерала Рабина еще за три года до «шестидневной войны» был разработан в основных чертах план широкой превентивной военной операции по тому типу, по которому и была проведена война в 1967 году.*)

Для политических и военных вождей Израиля вопрос давно был ясен: арабы не начнут войны с Израилем, пока они не смогут организовать одновременное нападение на Израиль с юга, севера и востока. Но такое одновременное нападение со всех сторон — при малых размерах Израиля, его географическом положении, чрезвычайной узости его центральной части (в самом узком месте — не более 15 километров от моря до иорданской границы) и большой уязвимости с воздуха центров его населения — не могло бы не стать для Израиля роковым. Отсюда вытекал естественный, можно сказать, неотвратимый вывод: если выяснится, что одновременное нападение на Израиль со стороны окружающих его арабских

---

*) См. Лакэр, стр. 317. — Читатель найдет здесь яркую, почти художественную характеристику Рабина и его ближайших сотрудников, которая была бы немыслима без близкого знакомства автора с главными работниками израильского генерального штаба.

стран стало неизбежным, необходимо расстроить его в порядке превентивного молниеносного удара со стороны Израиля.

Это тоже могло бы не оказаться спасением, так как при громадном численном превосходстве арабов и богатстве их современным вооружением, которым с чрезвычайной щедростью снабжал их в последние годы Советский Союз (вместе с сотнями «инструкторов»), не была исключена возможность, что арабы справятся с «первым ударом» и перейдут в контрнаступление, и тогда гибель Израиля могла бы стать неотвратимой. Превентивный удар со стороны Израиля был в этих условиях почти **единственным шансом** Израиля на спасение. Я пишу «почти», потому что в сложившейся обстановке был еще один небольшой шанс, что возможное нападение арабов на Израиль будет предупреждено иным путем — давлением какой-то силы извне. Поворотным пунктом в трагическом развитии, как оно складывалось в конце мая и в начале июня 1967 года, была блокада Тиранского пролива, Акабского залива и порта Эйлат. Если бы оказалось возможным остановить это развитие и заставить ОАР от этих шагов отказаться, угроза военного конфликта, может быть, отодвинулась бы в неопределенную даль. Великой державой, которая, может быть, могла бы осуществить это, были Соединенные Штаты. И Израиль имел известное основание на их вмешательство рассчитывать. Не только потому, что, как великая морская держава, Соединенные Штаты были заинтересованы в охране «свободы морей», но и в силу очень серьезных обстоятельств предшествующего развития.

В 1956 году, во время «Синайской войны», Шарм эль-Шейх был занят израильскими войсками. Перед этим Египет, владевший Шарм эль-Шейхом, держал Тиранский залив блокированным для Израиля, вопреки законам морского права, требовавшим свободы мореплавания через территориальные воды в Тиранском проливе. Но Египет отвергал для Израиля в Тиранском проливе принцип свободы мореплавания, вопреки почти единодушному мнению морских держав. Уничтожение этой

блокады как раз и было для Израиля важнейшей его задачей в Синайской войне.*)

Военные действия были начаты в Синайской войне Израилем 29 октября и Англией и Францией 31 октября 1956 года и 5 ноября, с занятием израильскими войсками Шарм эль-Шейха, военные действия закончились. Уже 6 ноября Англия и Франция и 8 ноября Израиль приняли — по настоянию ООН — прекращение огня и Англия и Франция вскоре увели свои войска. Но прошло четыре месяца, пока Израиль добился относительно удовлетворительного решения вопроса о Тиранском проливе, и только после этого израильские войска 16 марта 1957 года оставили Шарм эль-Шейх и передали его — не египетским войскам, а Чрезвычайным силам ООН, чем должна была быть гарантирована Израилю свобода мореплавания в Акабском заливе (См. об этом у Даяна, стр. 204, у Дрэпера, стр. 21 и сл.). Эта гарантия действительно сохранялась до 1967 года.

Как все это произошло в 1957 году, помогает понять колебания Израиля в последние недели перед войной 1967 года.

---

*) «Синайская кампания не было задумана, как превентивная война. Она должна была не предупредить болезнь, а исправить положение, которое уже было болезнью, — разбить уже существующую морскую блокаду Израиля с юга и покончить с бурным терроризмом и саботажем (из Газы)». См. *Moshe Dayan*, "Diary of the Sinai Campaign," New York, Schocken, 1966, p. 207.

Эти замечания Даяна верны, но они как-то уводят в сторону от вопроса о сходстве войны 1956 с войной 1967 года. В действительности предистория Синайской войны протекала сходно с тем, как это было позже с предисторией войны 1967 года, с той, однако, особенностью, что мысль об уничтожении Израиля в середине пятидесятых годов пропагандировалась без защитной маскировки, которая была создана для нее в 1967 году в виде мифа о коварных планах Израиля против Сирии. В сознании широких кругов это уже давно забыто. Но зато прочно укоренилась мысль о Синайской войне, как о войне Израиля, Англии и Франции против Египта. Это верно и неверно. Война Израиля с Египтом и война Англии и Франции с Египтом не были совместно задуманы и подготовлены, возникли каждая со своими целями, не были даже достаточно согласованы, но — что верно — были в какой-то мере синхронизированы. Это хорошо видно из рассказа Даяна (см. стр. 2, 77 и сл., 99 и сл. и др.), хотя автор не ставит себе задачей показать это и, может быть, об этом даже не думает.

В течение четырех месяцев с момента окончания военных действий до ухода Израильских войск из Шарм эль-Шейха велись, временами очень напряженные, переговоры между государственным департаментом США (Даллес) и израильским посольством в Вашингтоне (Эбан), закончившиеся соглашением 28 февраля 1957 года, нашедшим свое выражение в речи министра иностранных дел Израиля Голды Мейр 1 марта в Общем Собрании ООН; в речи этой было сообщено, что Израиль принимает обращенное к нему требование об уводе его войск из Шарм эль-Шейха. Но только из книги Дрэпера стало известно, что речь эта «была подготовлена в сотрудничестве с официальными лицами из государственного департамента для произнесения ее в ООН министром иностранных дел Израиля Голдой Мейр».*) Это не просто речь, это сложный, подробно разработанный и точно сформулированный документ, в котором чувствуется рука большого юриста.

В этом документе нашла свое отчетливое выражение точка зрения Израиля в вопросе о Шарм эль-Шейхе (и в вопросе о Газе, но этого я здесь касаться не буду), но значение его гораздо больше. Это — точка зрения Израиля в той ее формулировке, которая была выработана совместно с государственным департаментом США и им одобрена, т.е. связывает в какой-то мере и США.**)

---

*) См. Дрэпер, стр. 21. Заслуживает внимания, что в статье Дрэпера в «Комментэри», вышедшей годом раньше его книги, об этом происхождении речи г-жи Мейр еще нет ни слова да и самая речь упомянута лишь мельком (стр. 23).

**) Дрэпер этого не подчеркивает, он имеет, вероятно, для этого свои основания, но это ясно вытекает из его изложения. — Кстати, речь г-жи Майр опубликована не только в документах ООН (A/PV, 666, стр. 1275 и сл.), но и в сборнике, изданном государственным департаментом: "American Foreign Policy. Current Documents. 1957," документ № 256, стр. 936-940.

Значение этого документа подчеркивается и тем, что в подкрепление своих аргументов он цитирует ряд документов ООН и США (все 1957 года): заявления генерального секретаря ООН от 22 и 26 февраля, две резолюции Общего Собрания ООН от 2 февраля, речи представителя США в Общем Собрании ООН от 28 января и 2 февраля, речь президента Эйзенхауера от 20 февраля и меморандум государственного департамента израильскому посольству от 11 февраля.

основном содержание этого документа сводится к следующему:

«Единственной целью» Израиля при занятии Шарм эль-Шейха было обеспечение свободы мореплавания в Акабском заливе. Сейчас Израиль готов увести свои войска с тем, что район Тиранского пролива будет занят частями Чрезвычайных сил ООН, задача которых в этом районе «достичь сепарации египетских и израильских сухопутных и морских сил», — как это формулировал представитель США 28 января и 2 февраля, — «до тех пор пока не станет ясным, что отсутствие каких-либо притязаний на права воюющей стороны создало на практике мирные условия для плавания в водах, имеющих такое большое международное значение».

«Мое правительство озабочено положением, которое возникло бы, если бы Чрезвычайные силы ООН были уведены в условиях, при которых могло бы возникнуть вмешательство в свободное и мирное мореплавание и поэтому могли бы возобновиться военные действия. Такое преждевременное прекращение мер предосторожности принесло бы ущерб значительным международным интересам и создало бы угрозу миру и безопасности. Мое правительство приняло к сведению заверение генерального секретаря в его ноте от 26 февраля 1957 года, что всякое предложение об уводе Чрезвычайных сил ООН из района Акабского залива прежде всего поступит в Советательный Комитет при Чрезвычайных силах ООН, представляющий Общее Собрание ООН при проведении в жизнь резолюции от 2 ноября 1956 года (о создании Чрезвычайных сил ООН). Такой порядок предоставит Обществу Собранию возможность обеспечить, что никаких успешных изменений, которые могли бы увеличить возможность военных актов, не будет. Мы имеем основание верить, что многие члены ООН будут при этом руководиться взглядом, который был высказан 2 февраля представителем США Лоджем в пользу сохранения Чрезвычайных сил ООН у Тиранского пролива до тех пор, пока на практике не будут обеспечены мирные условия».

«В речи 20 февраля 1957 года президент Эйзенхауер заявил: 'Мы не допускаем, что в случае ухода израильских войск Египет будет мешать израильским судам пользоваться Суецким каналом и Акабским заливом'. Эта де-

кларация оказала большое влияние на мое правительство при принятии им его сегодняшнего решения. Израиль готов увести свои войска из районов Акабского залива и Тиранского пролива, полагаясь на то, что свобода мореплавания в Акабском заливе и через Тиранский пролив будет продолжаться».

В этих осторожных формулировках — «мы имеем основание верить» (“We have reason to believe”) «мы не допускаем» (“We should not assume”), «полагаясь» (“in the confidence”) — чувствуется настороженность, и события 1967 года в полном мере ее оправдали.

В вопросе о Газе какие-то колебания США, очень встревожившие израильское представительство, сказались уже 1 марта в речи говорившего в Общем Собрании ООН непосредственно после г-жи Мейр представителя США Лоджа.²⁸ Чтобы успокоить встревоженное представительство Израиля, президент Эйзенхауер обратился на следующий день с письмом к Бен-Гуриону:²⁹

«...Я знаю, что принятое решение не было для Вас легким. Я верю, однако, что Вы не будете иметь причин сожалеть о том, что Вы пошли навстречу строгому чувству мировой коммюнити, как оно нашло свое выражение в ряде резолюций ООН об отозвании войск...»

«Я верю, что Вы не будете иметь причин сожалеть», — звучало несколько элегически. Через десять лет все это очень живо встало в памяти политического руководства Израиля.

22 мая Насер объявил о закрытии Тиранского пролива для израильского судоходства и для судов всех наций, направляющихся в Эйлат или из Эйлата. Это блокада. Для Израиля давно уже не вызывало сомнений, что блокада это начало войны. Что же делать? В военных кругах Израиля очень сильно было мнение, что в ответ на блокаду нужно немедленно принять решение о войне и начать ее в кратчайший срок: война неизбежна и чем скорее она будет начата, тем меньше будет жертв, в частности тем больше шансов, что можно будет избежать тяжелых жертв среди гражданского населения. При этом решительно господствовало убеждение, что война, если

она будет начата Израилем и проведена, как молниеносная война, закончится победой Израиля, хотя при этом и ожидалось, что количество жертв будет значительно больше, чем это впоследствии произошло.

Но политическое и отчасти и военное руководство сознавали необходимость, пока есть какая-то надежда, исчерпать все возможности остановить блокаду без войны. В том же направлении влияло на Израиль и правительство Соединенных Штатов. Это началось в самый день 22 мая, когда помощник государственного секретаря по политическим делам Евгений В. Росту вызвал заместителя израильского посла (посол был в отъезде) и выразил от имени США надежду, что Израиль не ответит немедленно военными действиями на закрытие Тиранского залива. А следующим утром американский посол в Тель Авиве уже более определенно просил израильское правительство ждать сорок восемь часов, не прибегая к военным действиям, чтобы дать таким образом возможность правительству Соединенных Штатов сделать попытку мирного улажения конфликта.*)

*) Вмешательство США уже 22 мая тоже стало известно только из книги Дрэпера (стр. 87-88; об этом еще нет ни слова в статье Дрэпера в «Комментэри», см. стр. 38). Стоит привести сообщение Дрэпера текстуально:

«В 11 часов вечера 22 мая, после объявления Насером о закрытии для Израиля Тиранского пролива, помощник государственного секретаря по политическим делам Евгений В. Росту встретился в государственном департаменте с израильским министром Эфраимом Эвроном (израильский посол Аврам Гарман был занят в это время вне Вашингтона). Росту сказал Эвруну, что США надеются, что инцидент не вызовет военных действий и просил его оставаться с ним в течение ближайших дней в тесном контакте. Перед этим Росту обратился с тем же к египетскому послу в Вашингтоне. Около того же времени (повидимому, 23 утром. См. Лакер, стр. 125) посол США в Тель Авиве Уэлворс Барбур просил (израильское правительство) более определенно — ждать сорок восемь часов, не предпринимая никаких активных шагов».

Несколько несогласованно с изложением Дрэпера, Лакер пишет, что Робин разбудил Эшколя в 4 часа утра 23 мая и сообщил ему, что «только что получено сообщение из Каира, что Насер объявил о закрытии для Израиля Тиранского пролива» и т.д. (стр. 123). О закрытии Тиранского пролива в Тель Авиве было известно еще с

23 мая Эбан вылетел в Париж, Лондон и Вашингтон. Де-Голль встретил его сдержанно. Английский премьер Вилсон отнесся к мысли о вмешательстве Англии с симпатией, но оба — и Эбан, и Вилсон — были согласны, что решающее значение будет иметь, какую позицию займет Вашингтон. Вечером 26 мая Эбан имел продолжительную беседу с президентом Джонсоном. Джонсон отнесся положительно к мысли о вмешательстве США в конфликт в целях устранения блокады, действуя по возможности совместно с другими морскими державами, и о посылке, если окажется нужным, военных судов в район Акабского залива. Но он настаивал на том, чтобы ему для осуществления этого был предоставлен двухнедельный срок, т.е. чтобы Израиль не начинал в течение двух недель военных действий. 27 мая Эбан вернулся в Тель-Авив. Израильское правительство решило пока ждать. Прошла неделя в чрезвычайном напряжении. Военные приготовления арабских стран шли полным ходом и принимали все более угрожающий характер. Арабские публичные заявления становились все резче (см. выше). Со стороны Вашингтона не обнаруживалось никаких признаков, что дело как-то подвигается вперед. 4 июня израильское правительство постановило, что начать войну необходимо, и предоставило премьеру Эшколю совместно с военным министром Даяном определить момент начала военных действий. 5 июня ранним утром война началась.

Активность Советского Союза

С момента активизации военных сил ОАР «Правда» начала изо дня в день печатать тревожные сообщения с Ближнего Востока под грозными заголовками: 18 мая: «Тучи над Ближним Востоком», 19 мая: «Обстановка на Ближнем Востоке накаляется», 20 мая: «Напряжение возрастает», и т.д. — О чем это? О внезапном («немедлен-

вечера 22 мая, но что Рабин разбудил Эсколю перед рассветом 23-го, не вызывает сомнений. С этого момента начались бурные совещания израильских политических и военных вождей, продолжавшиеся почти весь день 23 мая. Лакэр подробно сообщает об этом (стр. 124-125) с большим числом неизвестных до сих пор подробностей.

но») отстранении войск ООН от выполнения ими роли буфера между Израилем и ОАР, успешно осуществлявшейся ими в течение более десяти лет? О скоплении больших масс египетских войск близ израильской границы? О создавшейся и осуществленной угрозе блокады Акабского залива? — Отнюдь нет. «Тучи над ближним Востоком» это растущая агрессивность Израиля, **вынуждающая** арабские страны принимать **оборонительные** военные меры, повсеместно вызывающие горячие симпатии сторонников мира и встречающие энергичную поддержку со стороны Советского Союза.

22 мая египетское правительство получило дружеское послание от ЦК КПСС и Совета Министров СССР (Лакэр, стр. 176). Послание это не было опубликовано, но о содержании его можно судить по опубликованному в Москве вечером 23 мая «Заявлению Советского Правительства о положении на Ближнем Востоке» («Правда», 24 мая). Повторяя в сотый раз все элементы пресловутой легенды о подготовке Израиля к непосредственному нападению на Сирию и нанесению ей «решительного удара» (см. выше), заявление подчеркивало, что «Израиль оказался вновь виновником опасного обострения напряжения на Ближнем Востоке», выполняя «роль колониального надсмотрщика империалистических держав над народами Арабского Востока». Но «израильские экстремисты явно просчитались»: «Объединенная Арабская Республика, выполняя союзнические обязательства по совместной обороне с Сирией, предприняла шаги, направленные на сдерживание агрессии. Учитывая, что наличие войск ООН в районе Газы и Синайского полуострова в данной ситуации давало бы преимущества Израилю для проведения военной провокации против арабских стран, правительство ОАР обратилось к Организации Объединенных Наций с предложением об отводе этих войск из указанного района». Конечно, «Израиль оказался вновь виновником опасного обострения напряжения на Ближнем Востоке». И «заявление» предупреждает: «Ни у кого не должно быть сомнения в том, что тот, кто пошел бы на развязывание агрессии в районе Ближнего Востока, встретился бы не только с объеди-

ненной силой арабских стран, но и с решительным противодействием со стороны Советского Союза, со стороны всех миролюбивых государств».

«Заявление» это не оставляло сомнений, что советское правительство полностью солидаризируется с египетской политикой вытеснения войск ОН с египетской территории. Но заявление совершенно обходило молчанием вопрос о Шарм эль-Шейхе и о блокаде Акабского залива. Это бросалось в глаза. И сейчас же поползли слухи, будто операция против Шарм эль-Шейха была проведена Насером без ведома советского правительства, что советское правительство было поставлено Насером перед совершившимся фактом. Но уже по всей обстановке, в которой происходили эти обытия, это представляется мало вероятным — при решающем значении, которое имела для Насера широкая советская поддержка и при необходимости для него — несомненно и его готовности — избегать всего, что могло бы как-нибудь поколебать доверие к нему Москвы.

Более вероятным кажется, что советское правительство не хотело связывать себя публично с египетской морской акцией, так как опасалось, что эта акция вызовет протесты морских держав и что в спорах, которые возникнут вокруг этого вопроса, советское правительство, при занятой Советским Союзом в вопросах морского права позиции, может оказаться в сложном положении.

Возможно даже, что и самые слухи о каких-то разногласиях между Насером и советским правительством в вопросе о Тиранском проливе и Акабском заливе были лансированы из Москвы — с целью дезориентирования западного общественного мнения и дезорганизации сопротивления, на которое арабско-советская морская политика должна была натолкнуться на Западе.

Очень скоро однако выяснилось, что практически существует полная солидарность между советским правительством и Насером и в вопросе о Тиранском проливе и Акабском заливе.

Объявленная Насером блокада встревожила не только Израиль, но и многие морские государства, и в широких международных кругах пробудилось сознание, что

конфликт между арабскими странами и Израилем — и не только блокада Акабского залива, но и конфликт во всем его объеме — может привести к войне на Ближнем Востоке и создать угрозу международному миру. Этого и Москва и Вашингтон боялись, и после опубликования советского «заявления» от 23 мая естественно встал вопрос, что значит в нем «решительное противодействие агрессии». Готов ли Советский Союз в случае агрессии со стороны Израиля против арабских стран оказать «решительное противодействие агрессии» непосредственным вмешательством в войну на стороне арабов, или «решительное противодействие» будет означать лишь противодействие агрессору и помощь жертвам агрессии политическими, дипломатическими и экономическими мерами и — главное — широкой помощью им вооружением (с «инструкторами»). Но уже одно то, что в «заявлении» советского правительства говорилось о «решительном противодействии агрессии со стороны Советского Союза, со стороны всех миролюбивых государств», т.е. Советский Союз как бы растворялся в неопределенной массе «миролюбивых государств», которые, конечно, не могли все принять участие в военных действиях и от имени которых Советский Союз никак не мог давать такого рода обязательств, — говорило против толкования «заявления» в смысле поддержки арабов непосредственным участием Советского Союза в войне.

Но «решительная поддержка» арабов Советским Союзом имела еще и другой смысл. В руководящих арабских кругах господствовало твердое убеждение, что при очень значительном не только численном, но и техническом превосходстве арабских стран (уверенность в своем техническом превосходстве порождалась у арабов наличием у них огромного количества новейшего и совершенного вооружения советского происхождения) — военная победа им обеспечена, если Израилю не будет оказана энергичная военная помощь со стороны США (Шестой флот!) и, может быть, и Англии. И от Советского Союза арабы ждали, что угрозой вмешательства Советского Союза на стороне арабов Советский Союз сможет удержать США от вмешательства на стороне Израиля.

Эту мысль открыто и очень решительно выдвинул вождь палестинских террористов Ахмед Шукерти на прессконференции в Каире 21 мая, почти в самом начале обострения предвоенного кризиса. Спрошенный на прессконференции (она передавалась по Каирскому радио), думает ли он, что в случае войны вероятна военная интервенция Советского Союза, Шукерти ответил: «Я думаю, что усилия Советского Союза будут направлены к одной цели — к локализации войны на Ближнем Востоке и недопущению военной интервенции Соединенных Штатов», и «это само по себе будет большой услугой делу мира» (Дрэпер, стр. 79). — Конечно, все это говорится во имя мира. Такова уже сейчас условная терминология самых агрессивных политиков.

29-го так же по существу высказался Насер в своей речи в Национальном Собрании:

«Когда я виделся вчера с Шамсом Бадраном [египетским министром обороны, только что вернувшимся после трехдневного визита в Москву], он передал мне письмо советского премьера Косыгина, в котором Косыгин заявляет, что СССР поддерживает нас в этой борьбе и не допустит, чтобы какая-либо держава вмешалась в войну, пока не будет восстановлено положение, как оно существовало до 1956 года. Это позиция подлинного друга. Это та позиция, которой мы ожидали» (Лакэр, стр. 318; у Дрэпера, стр. 234, короче).

Мысль о взаимной сдержке владела в эти тревожные недели умами руководящих политиков и США и Советского Союза. Это привело к оживленным прямым сношениям (по «горячему проводу») Вашингтона с Москвой, начиная уж с 19 мая (Лакэр, стр. 162), о чем сведения лишь очень редко, скупо и запоздало проникали в печать. Иногда взаимные обязательства возникали в несколько отличном варианте: удержи твоих друзей и я удержу моих друзей. Эшколь впоследствии — в обширном интервью в «Маарив» от 4 октября 1967 года — рассказал, что в ночь на 27 мая, когда в руководящих кругах Израиля, правительственных и военных, чрезвычайно обострился спор, ответить ли на угрожающие шаги ОАР немедленными военными действиями или еще ждать, —

он получил кабель от президента Джонсона: Джонсон сообщил ему, что Косыгин только что предупредил его, что если Израиль начнет военные действия, Советский Союз немедленно вмешается в войну на стороне арабов (Лакэр, стр. 143-144). И израильское правительство решило ждать. Позже влиятельный французский журналист (и писатель) Жан-Жак Серван-Шрейбер писал в еженедельнике «Экспресс», что в первый день войны — 5 июня — имел место продолжительный и напряженный разговор Джонсона с Косыгиным, закончившийся соглашением, что оба — и Советский Союз, и США — воздержатся от военного вмешательства в развернувшиеся события (статья Серван-Шрейбера появилась по-английски в нью-йоркском журнале «Атлас», август 1967 г., стр. 15-17).

Повидимому, мысль о желательности избежать непосредственного вовлечения Советского Союза в войну на Ближнем Востоке не вызывала серьезных разногласий в среде политических и военных руководителей Советского Союза. Но и при принятии этой мысли оставались еще широкие рамки для возможных вариантов советской политики по отношению к событиям на Ближнем Востоке. Спорным оставалось прежде всего, как далеко нужно идти в воздержании от вмешательства в войну, или иначе: каковы границы необходимого неучастия Советского Союза в войне? До 5 июня до конкретной постановки этого вопроса дело, повидимому, не доходило, и если призраком участия Советского Союза в войне и вставал в секретных сношениях Москвы с Вашингтоном, он каждый раз и для Советского Союза оставался страшным призраком, и аргументация от возможного военного вмешательства имела в основном своей задачей оказать давление на другую сторону. То же верно и для Вашингтона. 5 июня положение значительно осложнилось. Об этом еще будет речь.

На помимо вопроса о непосредственном вмешательстве в войну, до 5 июня остававшегося в сущности академическим, в последние недели перед началом войны перед советским руководством вставал в совершенно конкретной форме вопрос, чего следует Советскому Союзу добиваться непосредственно, сейчас в вопросе о взаимом-

отношениях между арабскими странами и Израилем: нужно ли удерживать арабов от войны, или, может быть, напротив, нужно усиливать среди арабов активистские и провоенные настроения? И если да, то как далеко в этом направлении нужно идти? Не вызывает сомнений, что среди политических и военных руководителей Советского Союза в этих вопросах не было единогласия. Английский министр иностранных дел после своего визита в Москву (23-25 мая) прямо сообщил, — правда, не на прессконференции в Лондоне 26 мая, а в частном порядке (“privately”), — что он наблюдал в Москве «признаки разногласий внутри советского правительства о лучшем курсе (ближневосточной политики)».³⁰ Эрик Руло наблюдал в эти критические недели в Каире поразившее его явление: советские дипломаты и журналисты упорно отмалчивались, когда иностранцы обращались к ним с вопросами о политике Советского Союза в развивающемся конфликте.*) Трудно объяснить это иначе, как тем, что они знали о разногласиях внутри советского правительства и не решались говорить об этом.

Связанные с этими разногласиями колебания нашли свое отражение в ряде необычных для Советского Союза фактов. 21 мая происходила в Москве патриотическая манифестация арабских студентов. ТАСС выпустило сообщение об этом по английски (для иностранцев и иностранной печати), но по русски об этом ничего сообщено не было (Лакэр, стр. 177). Долго не происходило никаких советских манифестаций в знак симпатии к арабам и только уже после начала войны прокатилась по стране широкая волна таких манифестаций

---

*) Руло пишет: «Советские дипломаты и журналисты в Каире сохраняли упорное молчание перед началом военных действий и во время войны. Они явно были неудовлетворены развитием событий, но мы не могли узнать, что они в действительности думают. Мы их спрашивали, например, почему Советский Союз не занял позиции по вопросу об уходе сил ООН или о блокаде Акабского залива? Мы их спрашивали далее: Имеет ли Египет право, да или нет, закрыть Тиранский пролив для израильского мореплавания? В случае возникновения военных действий будете ли вы поддерживать Египет? Все эти вопросы оставались без ответа» («Израиль и арабы», стр. 102).

(собраний с принятием резолюций, выражающих возмущение израильской агрессией). Первые сообщения о них появились в «Правде» 8 июня (сразу из Москвы и из Ленинграда, и пошло, и пошло).

Еще нагляднее какие-то колебания в руководящих советских кругах сказались в их отношении к растущей агрессивности арабских публичных заявлений. В решающие дни последней недели мая в советских кругах явно чувствовалась тревога, как бы развитие событий на Ближнем Востоке не привело к большей напряженности, чем та, что казалась московскому руководству и переносной и желательной. И характерно: в ночь на 27 мая не только советский посол Чувахин поднял Эшколя, чтобы предостеречь его против агрессии (см. выше), но и советский посол в Каире Пождаев в ту же ночь — почти час в час — поднял Насера и настаивал перед ним от имени советского правительства, чтобы арабы остерегались первые начать военные действия, так как это чрезвычайно неблагоприятно отразится на международном общественном мнении и создаст для них громадные трудности (Дрэпер, стр. 91-92). А немногим позже чем через день, советский министр обороны маршал Гречко, провожая на московском аэродроме своего египетского коллегу Бадрана, закончил свое прощальное слово так: «От имени министерства обороны и советского народа желаю вам успеха и победы».³¹ — Если речь идет о будущей победе, значит, вопрос о войне уже решен.

Для правильной оценки политики Советского Союза в решающие последние две недели перед возникновением войны чрезвычайно показательна его роль в собравшемся для обсуждения создавшегося напряженного положения Совете Безопасности. С начала года Совет Безопасности вообще не собирался. Даже после тяжелого «инцидента» 7 апреля ни та, ни другая сторона не просили созвать Совет Безопасности, так как после печального опыта прошлого года трудно было при сложившемся положении ожидать от СБ принятия каких-либо «конструктивных» решений. Но сейчас положение на Ближнем Востоке приняло такой угрожающий характер, что вмешательство Совета Безопасности, казалось, стало на-

стоятельной и неотвратимой необходимостью. 23 мая представители Канады и Дании обратились к председателю Совета Безопасности с письмом, в котором просили его о срочном созыве СБ для обсуждения положения на Ближнем Востоке и, в частности, для поддержки генерального секретаря ООН в переговорах, которые он в это время вел в Каире. Он вылетел в Каир 22 мая, но до получения сообщения о закрытии Насером Тиранского пролива и Акабского залива и узнал об этом решении Насера в пути.*)

Председатель Совета Безопасности созвал Совет на утро 24 мая, но тотчас после открытия заседания натолкнулся на протест представителя Советского Союза Федоренко:

«Советская делегация считает необходимым подчеркнуть, что она не видит достаточных оснований для такого поспешного созыва Совета Безопасности и что драматический климат искусственно создается представителями некоторый западных стран». Неслучайно предложение о созыве заседания Совета Безопасности исходит «от двух государств НЭЙТО» (этот аргумент о «государствах НЭЙТО» в дальнейшем не раз повторялся Федоренко). «И в этой связи необходимо поставить вопрос: нет ли здесь больше скрытого желания вмешаться во внутренние дела кого-то другого, чем действительной заботы о мире и безопасности на Ближнем Востоке» (S/PV, 1341, стр. 6).

Аргумент о «драматическом климате», который «искусственно создается представителями некоторых западных стран», особенно полюбился Федоренко и еще не раз повторялся в эти дни и самим Федоренко, и его подголосками. Особенно энергично поддержал Федоренко представитель Болгарии Тарабанов:

---

*) Как сообщила корреспондентка «Лэ Нувель Обсерватэр» (в цитированной выше статье), в руководящих кругах в Каире опасались, что, узнав в дороге о решении о блокаде, У Тан прервет поездку и вернется в Нью Йорк. «В президентском бюро в течение часа все затаили дыхание, так как вся операция могла бы быть этим скомпрометирована. Но нет. Пришла хорошая весть. У Тан прилетает».

«В настоящей момент реально нет нужды в экстренном заседании Совета Безопасности... Такое заседание, как и вся деятельность в последние несколько дней некоторых держав и некоторых их представителей, имеют целью лишь искусственно драматизировать положение, ухудшению которого эти государства и некоторые их представители содействовали уже своей предыдущей деятельностью... Они даже счастливы, что эти события произошли... и пытаются создать атмосферу возбуждения, которое может служить их интересам и подготовить почву и, может быть, создать прикрытие для будущего вмешательства их в дела народов Среднего Востока... Моя делегация отвергает поэтому все эти маневры и считает, что заседание Совета Безопасности в настоящее время служит лишь интересам сил интервенции и агрессии на Ближнем Востоке» (Там же, стр. 16-17/20).

Тщетно представители США, Канады, Англии, Дании указывали на напряженность положения, не позволяющую Совету Безопасности оставаться в роли безучастного наблюдателя, а представитель США Гольдберг говорил о «готовности правительства США внутри и вне ООН соединить свои усилия с усилиями других великих держав — Советского Союза, Соединенного Королевства, Франции — в попытках общими силами восстановить и сохранить мир на Среднем Востоке» (S/PV, 1342, стр. 11).*)

Даже внесенный представителями Канады и Дании проект резолюции, все содержание которого по существу сводилось к тому, что Совет Безопасности «полностью поддерживает усилия генерального секретаря обеспечить мир в создавшемся положении» и «призывает все государства-члены ООН воздержаться от каких-либо шагов, которые могут ухудшить положение» (S/7905), — даже этот проект резолюции встретил со стороны Федо-

---

*) К этому времени у американцев возникла мысль попытаться остановить возможное роковое развитие путем спешного созыва совещания четырех великих держав вне Объединенных Наций, которое наметило бы шаги — вероятно, через ООН — к обеспечению мира на Ближнем Востоке. Мысль эта сейчас же встретила поддержку Англии, но была решительно отвергнута Советским Союзом (см. «Нью Йорк Таймс» от 25 мая).

ренко резкую враждебность, а представитель ОАР Эль-Куни даже объявил этот проект «попыткой саботажа миссии генерального секретаря» (S/PV, 1342, стр. 37/40).

И в заключение опять Федоренко:

«Мы хотели бы еще раз привлечь внимание Совета к тому факту, что мы не признали и не признаем уместным в настоящий момент созыв какого-либо срочного или сверх-срочного заседания Совета Безопасности. И мы не видим абсолютно никакой нужды в участии в каких-либо совещаниях» (Там же, стр. 51).

Федоренко и представители арабских стран открыто стремились не допустить до принятия Советом Безопасности каких-либо решений и в этом успели. Два заседания Совета Безопасности 24 мая так и закончились впустую. 25-го вернулся из Каира У Тан; 26-го он представил в СБ подробный и очень содержательный доклад; 29 мая Совет Безопасности собрался для его обсуждения, собрался затем 30 и 31 мая и 3 июня. Но все безрезультатно. Федоренко превзошел самого себя. Всего в шести заседаниях с 24 мая по 3 июня он говорил 14 раз, огласил заявление советского правительства от 23 мая, очень решительно поддержал представителя ОАР в вопросе об удалении войск ОН, но — и это, кажется, так и не было замечено — ни одним словом не обмолвился о Шарм эль-Шейхе и блокаде Акабского залива*) и вновь и вновь с чрезвычайной остротой полемизировал против США, говоря о Вьетнаме, о Кубе, о чем угодно и всячески затрудняя Совету Безопасности обсуждение вопроса о ме-

---

*) Правда, в одной из своих речей Федоренко сочувственно цитировал заявление министра иностранных дел ОАР о «новой фазе давления и угроз со стороны некоторых государств, заявляющих, что они говорят от имени морских держав. Эти государства пытаются следовать практиковавшейся в девятнадцатом веке дипломатии военных флотов. Такая акция отнюдь не служит делу международной торговли и международного мореплавания. Она служит лишь целям израильской агрессии». — От себя Федоренко добавил, что «эта преступная активность лишает Вашингтон морального права являться в Совете Безопасности в роли защитника принципа свободного мореплавания» (Там же, 1946, стр. 71). — Это единственный раз, когда Федоренко косвенно солидаризировался с морской политикой Насера.

рах, которые можно и нужно предпринять, чтобы ослабить нарастающую опасность войны. В конце концов Гольдберг упрекнул его в том, что он занимается «упражнениями в холодной войне» (Там же, 1346, стр. 116).

Начало войны оборвало это тягостное развитие. Утром 5 июня СБ срочно был созван для обсуждения нового положения. Об этом еще будет речь впереди.

Перед тем, как перейти к изложению и анализу событий «шестидневной войны» восстановим вкратце общую картину растущего вмешательства Советского Союза в предвоенное развитие на Ближнем Востоке в последние недели перед войной (частью дополняя при этом изложенное выше).

14 мая вернулась из Советского Союза парламентская делегация ОАР с председателем Национального Собрания во главе. Приезд ее явился для правительства ОАР как бы сигналом для резкого усиления его предвоенной активности: 15-го началась усиленная переброска египетских войск на Синайский полуостров, 16-го началась энергичная акция по удалению чрезвычайных сил ОН с египетской территории, 19-го мая вызваны были на родину и направлены к израильской границе войска ОАР, воевавшие в Йемене.

22 мая правительство ОАР получило письмо от ЦК КПСС и советского правительства и 23 мая было опубликовано «заявление советского правительства» о его решительной поддержке арабов в их конфликте с Израилем. 25 мая министр обороны ОАР Шамседдин Бадран, во главе делегации в 10 человек, в состав которой входили видные военные вожди ОАР, вылетел в Москву, где в течение трех дней происходили совещания, о содержании которых ничего сообщено не было, но которые, конечно, касались вопросов большого военного значения (иначе в такое напряженное время министр обороны с его ближайшими помощниками не покинул бы страну на три дня).

В ночь с 26 на 27 мая советский посол поднял среди ночи Насера и настойчиво просил его от имени советского правительства ни в коем случае не брать на себя инициативы военных действий. А через день с небольшим

утром 28 мая, при отлете на родину египетского министра обороны, маршал Гречко, «от имени министерства обороны и советского народа», благословил ОАР на войну.

29 мая прилетел в Москву сирийский глава государства Эль-Атасси в сопровождении министра иностранных дел и других сановников, но не министра обороны, и после торжественного приема на следующий день вернулся в Сирию («Правда», 30 и 31 мая). С военной точки зрения его визит, может быть, не имел значения. Но он должен был несколько успокоить сирийцев, все время настаивавших на более решительных действиях против Израиля. Повидимому, Москва все больше входила в роль центра, в какой-то мере направляющего и контролирующего активность арабов в военной и политической подготовке к войне.

2 июня советское правительство обратилось к Израилю с новой угрожающей нотой, в которой оно предостерегало Израиль против попытки добиться силой открытия Тиранского пролива и снятия блокады. «Если израильское правительство решит взять на себя ответственность за начало военного конфликта, оно должно будет полностью заплатить за последствия».*)

2 же июня в «Правде» было напечатано обширное (на четырех колонках «Правды») сообщение из Бейрута о «совещании представителей коммунистов арабских стран, состоявшемся в мае с.г.». Как видно из содержания этого сообщения, совещание состоялось еще в первой половине мая, ближе к началу мая, и сосредоточивало внимание на вопросах борьбы «прогрессивных» арабских стран против «реакционных режимов Саудовской Аравии и Иордании», против «исламского пакта» и т.п. К тому времени, когда это сообщение было опубликовано, все это совершенно утратило значение. И невольно напрашивался вопрос, для чего нужно было это запозда-

---

*) Эта нота не была опубликована ни в «Известиях», ни в «Правде» и не вошла — и это несколько удивительно — и в советский официозный сборник «Внешняя политика Советского Союза, 1967, сборник документов» (Москва, изд-во «Международные отношения»). Большой отрывок из нее напечатан в изданном информационным отделом израильского министерства иностранных дел сборнике «The USSR and Arab Belligerency» (Jerusalem, 1967), p. 81.

лое сообщение московскому коммунистическому руководству. Может быть, для того, чтобы напомнить арабам, чем они обязаны «Октябрю», 50-летию которого была посвящена на совещании очень хвалебная резолюция? Но неужели на пороге войны это кому-нибудь еще было нужно?

Так в политике Советского Союза на Ближнем Востоке до самого начала «шестидневной войны» оставалась какая-то недоговоренность, может быть, неуверенность, и при общей резкой заостренности этой политики против Израиля, может быть, все же не все пути для отступления оказывались закрытыми.

VI. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА

В понедельник 5 июня с раннего утра начались военные действия. В тот же день к вечеру в Москве было опубликовано «Заявление советского правительства» («Правда», 6 июня). Привожу его в важнейших выдержках:

«...Из-за авантюризма правительства одной страны — Израиля, который поощрялся тайными и открытыми действиями определенных капиталистических кругов, на Ближнем Востоке вспыхнул военный конфликт.

На такие опасные действия толкнули руководители, которые постоянно заявляли, что они ведут борьбу за существование Израиля, как государства. Но если что-либо способно больше всего подорвать основы развития и самого существования израильского государства, то это именно такой путь безрассудства и авантюризма в политике, который избрали сегодня руководящие круги Израиля....

Правительство Израиля знало, что войны можно избежать. Именно к этому его призывали Советский Союз и другие миролюбивые государства. Но оно избрало другой путь....

Советский Союз, верный своей политике оказания помощи народам — жертвам агрессии, помощи государствам, освободившимся от колониального гнета, заявляет о своей решительной поддержке народов Объединенной Арабской Республики, Сирии, Ирака, Алжира, Иордании и других арабских государств и выражает уверенность в успехе их справедливой борьбы за свою независимость и суверенные права.

Осуждая агрессию со стороны Израиля, правительство СССР требует от израильского правительства в качестве первой неотложной меры по ликвидации военного конфликта немедленно и безусловно прекратить военные действия против Объединенной Арабской Республики,

Сирии, Иордании и других арабских стран, отвести свои войска за линию перемирия....

Организация Объединенных Наций должна исполнить свой долг — осудить действия Израиля и срочно принять меры, необходимые для восстановления мира на Ближнем Востоке».

5-го же июня, в 9 ч. 30 м. утра, через несколько часов после начала войны, спешно собрался Совет Безопасности ООН и началась серия его ежедневных заседаний, — а иногда и по два и даже три заседания в день, — часто очень напряженных, о которых речь будет впереди. До того еще нужно рассказать, что произошло 5 июня на Ближнем Востоке.

Как началась война?

О событиях 5 июня в первые дни войны распространялись очень различные версии. Сейчас, после замечательной работы известного американского военного писателя бригадного генерала (в отставке) С. Л. Маршалла,*) картину возникновения войны можно считать в основных чертах окончательно выясненной.

Военные события начались в этот день в 6 часов утра обстрелом арабами двенадцати израильских поселений вдоль границы Газы. Одновременно командующий южной группой израильских войск генерал Иегошуа Гавиш в Бершебе получил сообщение, что далеко на юго-

---

*) "Swift Sword. The historical record of Israel's victory, June 1967," by brigadier general S. L. A. Marshall (USAR, ret.) and the editors of American Heritage Magazine and United Press International. Published by American Heritage Publishing Co., Inc. 1967. — Генерал Маршалл, авторитетный и очень плодовитый американский военный писатель, в свое время обратил на себя внимание книгой о Синайской войне 1956 года. Как и в 1956 году, Маршалл, в июне 1967 года, сейчас же после окончания военных действий вылетел в Израиль, побывал здесь на всех вчерашних фронтах и подробно беседовал со множеством людей, в том числе со многими военачальниками, среди которых он встретил немало старых знакомых. В его книге «Шестидневная война» показана, конечно, как она представлялась перед взором наблюдателя с израильской стороны. Но сделано это с максимальной возможной объективностью и убедительно. — К сожалению, аналогичной книги, которая описала бы события с арабской стороны, не существует; я, по крайней мере, не знаю.

востоке близ границы с Негевом египетская бригада под командой генерала Шазали, переброшенного недавно из Йемена, вышла из Кутилла и направляется к границе Негева на перерез пути, связывающего Эйлат с остальным Израилем.

Гавиш непосредственно по получении этих сообщений проявил большую сдержанность, ограничившись осторожными мерами отпора, чтобы не нарушить порядка намеченной на ближайшие часы широкой военной операции. Операция эта началась с 7 ч. 45 м. утра, когда с аэродромов к северу от Тель-Авива стали подниматься группы самолетов быстро следуя друг за другом в таком порядке, чтобы одновременно достигнуть своего назначения — одиннадцати важнейших воздушных баз ОАР, вплоть до Луксора далеко на юге по среднему течению Нила. Израильские самолеты при вылете направлялись непосредственно на запад, в море, но быстро поворачивали к югу и пролетая очень низко над морем и затем над сушей, заслоненные от египетских радарных установок хребтами холмов, все достигли мест своего назначения не обнаруженные египтянами, и бомбами и артиллерией уничтожили всю находившуюся здесь главную массу египетской военной авиации без того, чтобы хотя один из египетских самолетов успел подняться в воздух и принять бой.*)

Одновременно в 8 часов утра войска Гавиша бросились в наступление тремя колоннами — одна в направлении к Газе, другая к средиземноморскому побережью и далее вдоль него к Суецкому каналу, третья к центральному укрепленному району на Синайском полуострове, чтобы, прорвавшись через него, выйти к Суэцу у южного выхода из Суецкого канала. Война сразу приняла ожесточенный характер и, хотя упорные бои продолжались еще и 6 и 7 июня, война с ОАР уже 5 июня была Израилем выиграна.

Если агрессивные выступления египтян в 6 часов утра

---

*) Это может показаться невероятным, но это находит свое объяснение в том факте, что египетские летчики как раз закончили к этому времени свой утренний дозор и пошли завтракать, что вошло в расчеты израильского командования (см. Маршалл, стр. 28).

5 июня были, повидимому, задуманы, как ограниченная военная операция; военные действия, начатые Израилем в 7 ч. 45 м. (авиация) и в 8 ч. утра (вся южная армия) несомненно означали начало большой войны, планированной и осуществленной вне какой-либо связи с ранним египетским выступлением. **Исторически** поэтому можно говорить о начале войны Израилем. **Политически**, однако, ранние египетские военные действия лишают ОАР права выдвигать против Израиля обвинение в агрессии, даже независимо от того, что вся политика арабских стран в последние недели перед войной прямо толкала Израиль на путь превентивной — отнюдь не агрессивной — войны.

Все это относится лишь к войне между Израилем и ОАР. В отношениях между Израилем и Иорданией все сложилось уже иначе и ни у кого не вызывает сомнений и никто даже не оспаривает, что война была начата Иорданией. Правда, сведения о начальном моменте военных действий на иорданско-израильском фронте расходятся. Маршалл пишет, что тотчас после того как пришли вести о начале военных действий в Синае, «ружейный огонь начался с иорданской стороны разделенного города [т.е. Иерусалима] и в 8 ч. 30 м. иорданская армия начала обстрел из орудий вдоль всего фронта» (стр. 90). Этот же момент — 8 ч. 30 м., — как начало военных действий Иордании против Израиля, отмечается и в цитированном уже выше докладе Лондонского института стратегических исследований («Адельфи Пэйперс», № 41, стр. 31). В периодической печати, однако, обычно назывался более поздний момент. Корреспондент «Нью Йорк Таймс» телеграфировал из Аммана 5 июня, что «первые удары на иорданско-израильском фронте были нанесены перед самым полднем, когда, согласно сообщению представителя [иорданского] военного командования, иорданские танки открыли огонь по стратегическим пунктам вдоль границы» («НИТ», 6 июня). Но при всех расхождениях относительно точного начала военных действий на израильско-иорданском фронте все сообщения сходятся в том, что инициатива начала военных действий принадлежала **Иордании**.

И даже больше. Все в том же лондонском докладе мы читаем: «Вскоре после того, как иорданцы начали стрельбу, г. Эшколь обратился через главную квартиру вооруженных сил ООН в Иерусалиме с письмом к королю Гуссейну и заверил его, что, если Иордания не откроет серьезных военных действий, Израиль воздержится от возмездия [за то, что уже произошло?]. Несколько позже он повторил это в более общих выражениях в своем заявлении в Кнесет. Король Гуссейн это игнорировал» (стр. 31-33).

Несколько отлично было положение на севере, на сирийско-израильском фронте, но по существу и здесь повторилось то же. Сирийские военные силы, в отличие от иорданских и египетских, не вызвали у Израиля сколько-нибудь серьезной тревоги, и израильтяне в первый день войны уделяли мало внимания и сил этому фронту. Но и сирийцы не очень торопились вмешаться в действительную борьбу и спуститься из относительной безопасности Голанских высот в долину, где они в гораздо большей степени подвергались опасности тяжелого удара со стороны Израиля. Израильтяне выжидали. Только во вторник 6 июня в 5 ч. 40 м. утра сирийцы решились на более активные действия и двинули войска против кибуца Дан на севере (Маршалл, стр. 115). С этого в сущности и началась сирийско-израильская война. Все это и тут вскоре закончилось полной победой Израиля.

Совет Безопасности и прекращение огня

Но пора уже перенестись в Объединенные Нации. Когда на Ближнем Востоке в понедельник 5 июня в 8 часов утра началась война, в Нью Йорке царил глубокая ночь (2 часа). В 3 ч. 10 м. представитель Израиля в ООН Рафаэль разбудил председателя Совета Безопасности, — на этот месяц это был представитель Дании Табер, — через 20 минут к председателю СБ обратился и представитель ОАР эль-Кони, и в 9 ч. 30 м. собрался Совет Безопасности. Представители Израиля и ОАР выступили с краткими речами, в которых каждый обвинил противную сторону в начале военных действий. С общего согласия председатель прервал заседание для срочной

«консультации» членов Совета. Это в Совете Безопасности нормальный порядок, когда вследствие разногласий между членами Совета оказывается невозможным принять решение, о котором, может быть, удастся добиться соглашения в порядке непубличных «консультаций».

Позже из речи представителя США Гольдберга стало известно, что утром 5 июня еще до открытия заседания Совета Безопасности председатель Совета выработал проект резолюции, призывавшей к немедленному прекращению огня; делегаты США «и многих других государств» энергично его поддержали, «но к глубокому сожалению моего правительства проект резолюции не был поддержан другими державами» (1349, стр. 17).

Поэтому-то и пришлось прервать утром 5 июня обсуждение вопроса в Совете Безопасности и перейти к «консультациям». «Консультации затягиваются из-за упорного стремления делегации США протащить в проекте резолюции, призывающей стороны к прекращению огня, формулировки, которые поставили бы агрессора — Израиль — в благоприятное положение», — сообщала телеграмма ТАСС из Нью Йорка 6 июня («Правда», 7 июня). Но это как раз и были «формулировки», точнее «формулировка», которая единогласно была принята вечером 6 июня, когда Совет Безопасности после перерыва в 32 часа (от 10:25 в понедельник 5 июня до 18:30 во вторник 6 июня), наконец, собрался, и которая, кстати сказать, по существу полностью совпадала с резолюцией, выработанной председателем Совета Безопасности перед открытием Совета утром 5 июня.

Представитель Советского Союза энергично возражал во время «консультаций» против принятия этой резолюции, настаивая на том, чтобы в нее было включено признание Израиля агрессором и требование о немедленном уходе им войск за линию перемирия. Принятие Советом Безопасности такого одностороннего решения было, конечно, немислимо. Казалось, арабские страны, потерпевшие тяжелый урон уже в первый день войны, прежде всего были заинтересованы в прекращении огня. Но, находясь в состоянии какого-то военного психоза, они не верили в свое поражение, с часу на час ждали

разгрома Израиля и слышать не хотели о прекращении огня. Но политические и военные руководители Советского Союза уже днем 6 июня поняли, что затягивание решения о прекращении огня наносит непоправимый вред арабской стороне и в конечном счете должно подорвать и авторитет Советского Союза, и во второй половине дня 6 июня представитель Советского Союза в Совете Безопасности резко изменил свою позицию и решил голосовать за резолюцию о прекращении огня, рискуя даже вызвать непосредственно недовольства арабских стран.

Но уже в своей речи непосредственно после принятия резолюции, — т.е. после голосования и его самого за прекращение огня *sans phrases*, — Федоренко пытался придать принятой резолюции иной смысл. Совет Безопасности, сказал Федоренко, «единогласно высказался в пользу немедленного и решающего прекращения огня Израилем против арабских стран» (1348, стр. 21). Это может показаться невероятным, но как раз то, что было во время «консультаций» отвергнуто и не вошло в резолюцию, — признание Израиля агрессором и одностороннее требование прекращения им огня, — Федоренко излагает здесь, как содержание резолюции. Словом, всё в полном соответствии с «Заявлением советского правительства» 5 июня (см. выше).

Но представителей арабских стран эти обманчивые толкования не успокоили. Сами они в Совет Безопасности не входили и участвовали в его заседании лишь с совещательным голосом, поэтому при голосовании резолюции пред ними и не встал вопрос, голосовать ли за нею. Но когда резолюция была принята, возмущению их не было границ. Пачачи, представитель Ирака, в своей речи резко осудил резолюцию и самый Совет Безопасности:

«Было бы естественно и даже необходимо, чтобы Совет, перед тем как рекомендовать прекращение огня, установил, кто ответственен за нарушение мира и за совершенные акты агрессии... Резолюция о прекращении огня, принятая Советом, является полной капитуляцией перед Израилем... В течение двух дней велись переговоры о принятии резолюции о прекращении огня и одновре-

менно об отводе войск к их исходному положению. Это не было сделано, потому что некоторые государства, и я упомяну прежде всего Соединенные Штаты, отказались принять это... Здесь перед нами Совет, который вместо того, чтобы прямо указать на очевидного агрессора, принял резолюцию, которая фактически позволяет агрессору удерживать плоды агрессии» (1348, стр. 52/55-56).

Бенхима, представитель Марокко, пошел еще дальше. Он с горечью упомянул о «шоке», который пережили представители арабских стран при принятии Советом Безопасности его резолюции (1348, стр. 118 и опять на стр. 127) и с резким осуждением говорил о «четырех великих державах [т.е. и о Советском Союзе], которые легко объединяются на резолюции, обходящей молчанием вопрос об ответственности за агрессию». Это «новый элемент в мире», и «нетрудно видеть, с каким риском это связано для будущего» (там же, стр. 123/125).

Так как же быть с прекращением огня? Ведь мало того, чтобы Советом Безопасности была принята соответствующая резолюция; необходимо, чтобы это решение было принято к исполнению обеими воюющими сторонами. Израиль устами Эбана сейчас же — в заседании Совета Безопасности вечером во вторник 6 июня — заявил:

«Израиль приветствует призыв к прекращению огня, как он формулирован в этой резолюции. Но я должен отметить, что проведение его в жизнь зависит от абсолютного и искреннего принятия резолюции другими государствами и сотрудничества с ними на ее почве... И пересылая эту резолюцию моим коллегам по правительству, я должен отметить, что другие правительства не воспользовались здесь случаем для выяснения своих намерений» (1348, стр. 86).

Прекращение огня, конечно, не может быть односторонним. Но Сирия тут же устами своего представителя заявила об отклонении ею резолюции СБ (там же, стр. 108/110). На следующий день генеральный секретарь ООН сообщил в заседании Совета Безопасности, что им получен кабель от иорданского министра иностранных дел о принятии резолюции Иорданией (1349, стр. 11). Но, как Эбан отметил 7 же июня в Совете Безопасности, ре-

шение Иордании не имеет практического значения, пока резолюцию не принимает ОАР, так как с начала войны иорданские войска находятся под египетским командованием (1350, стр. 18). А между тем, не только представитель ОАР, выступая в Совете Безопасности, уклонился от заявления о принятии ОАР резолюции СБ, но каирское радио (согласно передаче Ассошиэйтед Пресс) сообщило, что «арабские страны полны решимости вести дальше войну против Израиля, несмотря на призыв к прекращению огня, исходящий от Совета Безопасности» (1350, стр. 17).

Федоренко в это время проявил чрезвычайную активность. Игнорируя факт отрицательного отношения арабских государств к принятой 6 июня Советом Безопасности резолюции, но в то же время продолжая пытаться придать этой резолюции антиизраильское острие, Федоренко поздно вечером 6 июня, перед самым закрытием заседания СБ, обратился к председателю Совета Безопасности и напомнил ему, что его, председателя, обязанностью является принять все необходимые меры к тому, чтобы принятая резолюция была проведена в жизнь и агрессия прекратилась (1348, стр. 128). А в среду утром 7 июня все тот же Федоренко обратился к председателю СБ с формальным предложением о срочном созыве заседания Совета Безопасности, и когда в час дня Совет собрался, внес новую резолюцию о прекращении огня, выдержанную в тех же тонах, что и вчерашняя резолюция (т.е. без упоминания об агрессии Израиля), и дополняющую резолюцию 6 июня требованием «в качестве первого шага, прекращения всякой военной активности в 20,00 часов по Гринвичскому времени» (в 16,00 по Нью-Йоркскому времени) (1349, стр. 7/10). Но тут же, говоря о резолюции 6 июня, Федоренко опять излагал ее так, точно резолюция эта требовала «немедленного и безусловного прекращения агрессии Израилем против арабских стран» (там же, стр. 6).

Естественно, эти маневры Федоренко вызывали настороженность в Совете Безопасности, и представители Бразилии и Франции предложили прервать заседание Совета на пятнадцать минут для совещания. Во время пе-

рерыва было, однако, решено игнорировать противоречия Федоренко, и предложенная им резолюция была принята единогласно (1350, стр. 7/10).

Сейчас же после принятия резолюции Тарабанов попросил слова к порядку и, как накануне Федоренко, напомнил председателю о его обязанности немедленно принять все необходимые меры к проведению резолюции в жизнь (1350, стр. 7/10). Председатель ответил ему, что все меры уже приняты (там же, стр. 11). Повидимому, Федоренко и его помощники рассчитывали этим приемом заглушить воспоминания о том, как они всячески затягивали 5 и 6 июня принятие Советом Безопасности резолюции о прекращении огня и как в критические недели перед войной они упорно не допускали — и не допустили! — Совет Безопасности принять какие-либо меры, которые, может быть, могли бы предупредить войну («не драматизируйте!»).

Теперь, наконец, выступил с заявлением о резолюции 6 июня и представитель ОАР эль-Кони (то, что он сказал о резолюции 6 июня, имплиците относится и к резолюции 7 июня). И на этот раз он ни одним словом не обмолвился о принятии представляемой им страной требования о прекращении огня. По толкованию эль-Кони резолюция вообще обязательна только для Израиля:

«Мы понимаем резолюцию, принятую вчера, так, что Израиль, агрессор, должен прекратить агрессию и отвести свои войска к исходному положению, как оно было до начала военных действий.

И, хотя, как мы констатировали, Иордания приняла обращенный к ней призыв о прекращении огня, Израиль продолжает агрессию и все еще занимает иорданские территории.

Израиль также продолжает агрессию против ОАР. Он не увел своих войск с ее территории. Таким образом Израиль не выполнил решения Совета Безопасности» (1350, стр. 13/15).

Для советского правительства эта, заведомо противоречащая действительности концепция об одностороннем характере резолюции 6 июня: о признании Израиля агрессором и о требовании об уводе им войск за демарка-

ционную линию, — стала теперь официальной политикой. Около 3 часов дня 7 июня Федоренко получил из Москвы и огласил в Совете Безопасности новое «Заявление советского правительства Израилю»:

«...Резолюция Совета Безопасности о немедленном прекращении огня и всех военных действий не выполняется израильской стороной. Израиль грубо и демонстративно попирает это решение и продолжает войну против арабских государств....

Если сейчас израильское правительство немедленно не выполнит общего требования государств о безотлагательном прекращении огня, которое выражено в резолюции Совета Безопасности, Советский Союз пересмотрит свое отношение к Израилю и примет решение, касающееся дальнейшего поддержания дипломатических отношений с Израилем, который своими действиями противопоставляет себя всем миролюбивым государствам.

Само собой разумеется, советское правительство рассмотрит и осуществит и другие необходимые меры, вытекающие из агрессивной политики Израиля» (1350, стр. 31-32/35, «Правда» 8 июня).

К тому времени, когда днем 7 июня в Москве было принято и затем в Совете Безопасности оглашено это «заявление», решение Совета о прекращении огня было принято только Израилем и формально Иорданией (которая до принятия этого решения ОАР не имела возможности провести его в жизнь). И только на следующий день, 8 июня, решение Совета Безопасности было принято и ОАР и рано утром 9 июня Сирией (об этом будет рассказано ниже). В этих условиях упрек Израилю в том, что он «грубо и демонстративно попирает это решение», сам за себя говорит.

На следующий день руководство ОАР поняло, наконец, какой тяжелой ошибкой был его отказ принять прекращение огня, и около 3 часов пополудни в четверг 8 июня генеральный секретарь ООН сообщил председателю СБ, что он только что получил официальное сообщение правительства ОАР о согласии его на прекращение огня «при условии, что противная сторона прекратит огонь» (1351, стр. 18/20).

И сейчас же после этого сообщения Федоренко с особенной резкостью обрушился на Израиль, охарактеризовав принятие Израилем прекращения огня при условии взаимности, как «ультиматум» и «коварный трюк», и внес проект резолюции, прямо осуждающей Израиль за агрессию и за нарушение резолюций СБ от 6 и 7 июня и требующей немедленного отвода Израилем своих войск за линию перемирия (1351, стр. 26).

Еще через несколько часов дрогнула и Сирия, и в час ночи на пятницу 9 июня (в 7 часов утра 9 июня на Ближнем Востоке) генеральный секретарь ООН уведомил председателя СБ, что Сирия только что приняла требование о прекращении огня и тоже, конечно, на условиях взаимности (1352, стр. 6). Но как раз к этому времени военные действия между Сирией и Израилем приняли напряженный характер и обе стороны засыпали Совет Безопасности сообщениями о продолжающейся и даже усиливающейся военной активности противника. В пятницу, 9 июня, в 1,05 пополудни Совет Безопасности единогласно принял третью резолюцию о немедленном прекращении огня и просил генерального секретаря ООН немедленно снестись с правительствами Израиля и Сирии, добиться немедленного проведения ими в жизнь резолюции СБ и не позже, чем через два часа, доложить Совету Безопасности о результатах его шагов (1352, стр. 22). Но еще и в пятницу 9 июня весь день (два заседания), и в субботу 10 июня в течение всего дня и до глубокой ночи (три заседания, последнее почти до трех часов ночи), и в воскресенье 11 июня опять до глубокой ночи Совет Безопасности бился над вопросом о прекращении огня, пока, наконец, в 3 часа в ночь на понедельник (в 9 часов утра в понедельник 12 июня на Ближнем Востоке) была единогласно принята новая — четвертая по счету — резолюция о немедленном прекращении огня и отводе сторонами своих войск на позиции, на которых они находились в субботу 10 июня в 16,30 по Гринвичскому времени (в 6,30 вечера на Ближнем Востоке) (1357, стр. 111).*) Резолюция была принята и проведена в жизнь

---

*) В субботу 10 июня в 12,55 по Гринвичскому времени, по инициативе Даяна, состоялась встреча Даяна и генерала Булла для

и Израилем, и ОАР с Иорданией и Сирией. Правда, Кувейт, Ирак и Алжир, успевшие послать войска на театр военных действий, не приняли резолюции Совета Безопасности (Ирак до сих пор не увел своих войск из Иордании), но война фактически в понедельник 12 июня кончилась.

Москва подводит итоги

В течение всей этой тревожной недели Федоренко не только ничего не сделал, чтобы смягчить остроту положения и помочь окончанию военных действий, но, напротив, с чрезвычайным упорством пытался обострить положение, настойчиво продолжая свои усилия в этом направлении и после формального окончания войны. И в этой его деятельности его энергично поддерживало московское руководство. Ограничусь кратким перечислением основных фактов.

9 июня в Москве состоялась «встреча руководителей коммунистических и рабочих партий и правительств социалистических стран» — Болгарии, Венгрии, Восточной Германии, Польши, Румынии, Советского Союза, Чехословакии и Югославии, — посвященное вопросу «о по-

---

выяснения вопроса о необходимых шагах по осуществлению резолюций Совета Безопасности о прекращении огня. Они договорились, что Булл, переговорив с сирийцами, единолично назначит срок окончания обеими сторонами военных действий. Генерал Булл назначил в качестве такого срока 16,30 (по Гринвичскому времени) в субботу 10 июня (1355, стр. 31, 76, 92). Но и на этот раз осуществить прекращение огня не удалось. Этот срок был затем принят ретроспективно в четвертой резолюции о прекращении огня, принятой Советом Безопасности в 7 часов утра (по Гринвичскому времени) в понедельник 12 июня.

Для характеристики атмосферы, которую создавал в Совете Безопасности Федоренко, стоит привести его заявление в Совете после того, как представитель Израиля сообщил о переговорах Даяна с Буллом. «Сегодня опять было показано, как они [т.е. представители Израиля] пытаются дезинформировать Совет... Нам было сообщено о Даяне для того, чтобы преподнести нам еще одну ложь» (1355, стр. 91). Буквально через минуты генеральный секретарь ООН сообщил, что он только что получил уведомление от генерала Булла о его распоряжении о проведении прекращения огня в субботу 10 июня в 16,30 по Гринвичскому времени (Там же, стр. 92).

ложении на Ближнем Востоке». В опубликованном в результате «встречи» «заявлении» «центральных комитетов партий и правительств» этих стран (под «заявлением» нет, однако, подписей румын, которые отказались поддержать эту политику) повторяется все то, что уже неоднократно говорилось об Израиле, как об агрессоре, и о неподчинении его резолюциям Совета Безопасности о прекращении огня, выражается солидарность («целиком и полностью») с арабами «в их справедливой борьбе» и выдвигается обращенное к Совету Безопасности ООН требование осудить Израиль, как агрессора («Правда», 10 июня).

10 июня советское правительство разорвало дипломатические отношения с Израилем («Правда» 11 июня). В тот же день разорвали дипломатические сношения с Израилем Болгария и Чехословакия, 12 июня Венгрия и Польша, 13 июня Югославия («Правда», 11-14 июня).

13 июня Федоренко внес новый проект резолюции в Совет Безопасности, в котором вновь требовал — от Совета решительного осуждения Израиля, как агрессора, — и от Израиля «немедленного и без всяких условий» увода его войск с занятых ими арабских территорий («Правда», 15 июня).

13 же июня советский министр иностранных дел Громыко в «письме» к генеральному секретарю ООН «поставил вопрос» о «немедленном» («в течение 24 часов») созыве «чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН» для принятия «решения, направленного на ликвидацию последствий агрессии и на безотлагательный вывод израильских войск за линию перемирия», подчеркнув при этом, что советское правительство «направит на Генеральную Ассамблею делегацию, в которой будут участвовать руководящие деятели Советского Союза» («Правда», 14 июня).

На Генеральной Ассамблее (Общем Собрании) ООН 19 июня глава советской делегации премьер Косыгин внес резолюцию «о восстановлении мира на Ближнем Востоке», в которой, в дополнение к многократно повторявшимся требованиям объявить Израиль агрессором и потребовать от него отвода его войск за линию переми

рия, выдвинуто было новое требование: «чтобы Израиль возместил полностью и в кратчайший срок ущерб, причиненный ОАР, Сирии и Иордании и их гражданам его агрессией, и возвратил им все захваченное имущество и другие материальные ценности» («Правда», 20 июня).^{*} Правда, в своей пространной речи Косыгин подчеркнул — и это нужно отметить, как положительное явление, — что

«Каждый народ имеет право на создание собственного независимого национального государства. Таков один из основных принципов политики Советского Союза.

Исходя именно из этого, мы определили наше отношение к Израилю, как государству, проголосовав в 1947 году за решение ООН о создании на территории бывшей английской колонии Палестины двух независимых государств — еврейского и арабского. Руководствуясь этой принципиальной позицией, Советский Союз установил затем с Израилем дипломатические отношения» («Правда» 20 июня, А/PV, 1526, стр. 13).

Оставалось, правда, невыясненным, сохраняет ли «один из основных принципов Советского Союза» свое значение в отношении Израиля и сейчас, тем более после разрыва дипломатических отношений между Советским Союзом и Израилем. И хуже, конечно, было то, что признание права Израиля на существование, решительно оспариваемое арабами и ретроспективно, даже в этом ущербленном виде не нашло никакого отражения в пред-

---

^{*} На пресс-конференции в Нью Йорке 25 июня Косыгин «углубил» требование о вознаграждении Израилем арабов за понесенный ими ущерб, придав этому требованию карательный хаакте: Косыгин выдвинул здесь требование «наказания Израиля путем возмещения им всего ущерба, который он нанес арабским государствам в результате войны» («Известия» от 27 июня). Стоит, может быть, упомянуть, что мысль, что бы «оставить безнаказанными действия Израиля против арабских государств — это значит выступить против дела национального освобождения народов, против интересов многих государств Азии, Африки, Латинской Америки», была высказана Косыгиным еще в его речи в Общем Собрании ОН 19 июня, но тогда мысль о «наказании» Израиля еще не ставилась в связь с мыслью о вознаграждении Израилем арабов за причиненный им ущерб; это пришло несколько позже.

ложенной Косыгиным в Общем Собрании ООН резолюции.

21 июня состоялся пленум ЦК КПСС, на котором был заслушан доклад Брежнева «О политике Советского Союза в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке» (доклад этот до сих пор не опубликован) и принята пространная резолюция, в которой были подведены итоги развития коммунистической мысли по проблемам Ближнего Востока за последние месяцы. Здесь очень решительно сформулированы и требование признания Израиля агрессором, и обращенные к Израилю требования о немедленном отводе им его войск к исходному положению перед войной и о немедленной уплате им вознаграждения пострадавшим от его агрессии арабским странам. Но ни одним словом здесь не упомянуто о праве Израиля на существование, хотя бы в прошлом. Повидимому, руководители компартии единодушны в своих требованиях, враждебных Израилю, но менее единодушны в готовности признать право на существование за Израилем, хотя бы в прошлом, и, может быть, для настоящего времени даже близки к единодушию в непризнании за Израилем этого права.

Постановление июньского (1967 г.) пленума ЦК КПСС определило характер дальнейшей политики Советского Союза на Ближнем Востоке. В речи Брежнева на приеме в Кремле выпускников военных академий, 5 июля, политика эта получила заостренное идеологическое обоснование:

«Если говорить о главной причине агрессии Израиля против арабских стран, то это — стремление американских и английских империалистов нанести удар по национально-освободительному движению на Ближнем Востоке, любой ценой остановить движение народов по пути социального прогресса, вновь обратить в рабство страны, завоевавшие столь дорогой ценой свободу и независимость, отнять у них богатства».

Обвинительный акт против Израиля был дополнен в этой речи следующим пунктом:

«Агрессоры ведут себя, как самые оголтелые разбойники. В своих зверствах по отношению к мирному арабскому населению они, видимо, стремятся копировать злодеяния гитлеровских захватчиков» («Правда», 6 июля).

Попытки отождествления израильской политики с гитлеровской делались в Совете Безопасности арабскими делегатами и их пособниками не раз. И та же мысль в резкой форме была выдвинута Косыгиным в его речи в Общем Собрании ООН 19 июня.* Но в чрезвычайно широко развернувшейся в Советском Союзе кампании протеста против израильской «агрессии» и после опубликования речи Косыгина сирийские и иные сообщения о израильских «жестокостях» почти замалчивались.** И только после того, как мысль эта была выдвинута в цитированной выше речи главы коммунистической партии, она прочно вошла в арсенал советской антиизраильской пропаганды.

На этом можно было бы сейчас закончить общее изложение и анализ событий арабо-израильской войны и роли в ней Советского Союза. Пытаться подвести сейчас итоги дальнейшего развития кажется мне преждевременным. Но мне хотелось бы еще остановиться на некоторых частных вопросах, которые возникли накануне и во время войны 1967 года и по которым арабо-советская пропаганда создала несколько подлинных *мифов*, в немалой степени затрудняющих правильную оценку дальнейшего развития событий.

Об «агрессии» «неожиданной» и «вероломной»

Что Израилем утром 5 июня и сразу широким фронтом начаты были военные действия против ОАР (забудем пока о Иордании и Сирии), бесспорно. Но было ли открытие этих военных действий агрессией со стороны

---

* Соответственный отрывок из речи Косыгина приводится ниже на стр. 147.

** В сообщениях о бурно развивающейся кампании протеста сирийские и иные сообщения об израильских зверствах и после опубликования речи Косыгина почти не упоминаются. Среди множества сообщений об этой кампании, собранных в огромном томе сборника «Евреи и еврейский народ» (т. 28Б, с 1 апреля по 30 июня 1967 г.) имеются за период с 21 по 30 июня 93 таких сообщения (№№ 851-943), но только в шести из них (№№ 851, 881, 890, 891, 908, 909) упоминается об израильских жестокостях. И все внимание сосредоточивается на требованиях увода израильских войск из оккупированных арабских областей и вознаграждения арабов Израилем за причиненный им ущерб.

Израиля? Это основной вопрос. Само по себе открытие военных действий против другой страны не является агрессией, если оно вызвано всей обстановкой и в частности угрожающими действиями противной стороны и если эта угроза является действительно серьезной, а не просто предлогом для нападения на противника.

Над точным определением понятия агрессии юристы-международники и созданные в последние пол-века международные организации (Лига Наций и позже Объединенные Нации) бились в течение десятилетий. Много труда и инициативы положил на это и покойный советский министр иностранных дел Максим Литвинов. Попытки исчерпывающей и общепризнанной формулировки понятия агрессия породили большую литературу,^{*} но так и не увенчались успехом. Тому были серьезные причины. Немало было за истекшие десятилетия агрессий: Германии в 1938 г. против Чехословакии, в 1939 и 1940 гг. против ряда европейских стран и в 1941 против Советского Союза; Италии в 1935 г. против Эфиопии; Соединенных Штатов в 1962 г. против Кубы; Советского Союза в 1939 года против Финляндии и Польши и в 1940 г. против Латвии, Эстонии и Литвы; арабских стран в 1948 г. против Израиля; Израиля, Англии и Франции в 1956 г. против Египта. Список этот можно было бы значительно удлинить. В связи с этим развитием попытки определения агрессии обрастали новыми признаками и усложнялись, частью из-за стремления многих государств найти такое определение агрессии, которое позволило бы исключить из числа агрессий их собственные агрессивные акты.

Но красной нитью через все попытки определения агрессии проходит одна мысль — граница между агрессией и военными актами, которые при известном внешнем сходстве с агрессией не являются агрессией, проходит там,

---

^{*} До сих пор сохраняет свое значение статья известного американского юриста-международника Кинси Райта «Концепция агрессии в международном праве» в "American Journal for International Law", vol. 29 (1935). В новейшей литературе выделяются две работы, обе вышедшие в 1958 году: John Paul Scott, "Aggression" (University of Chicago Press), Julius Stone, "Aggression and World Order. A Critic of United Nations Theories of Aggression" (Berkeley, University of California Press).

где начинается **законная самооборона**, получившая беспспорное легальное признание в ст. 51 хартии Объединенных Наций.

В начале июня 1967 года вся обстановка на Ближнем Востоке приняла — и не по вине Израиля — исключительно напряженный характер и самое существование Израиля было поставлено под угрозу. Вожди арабских государств открыто говорили о своем намерении уничтожить Израиль, как государство, смести его с географической карты и перебить все его еврейское население. Войска Объединенных Наций, которые в течение десятилетия являлись барьером между Египтом и Израилем, были с чрезвычайной поспешностью отстранены и на границе Израиля были сосредоточены очень значительные силы ОАР. Порт Эйлат, единственный выход Израиля к азиатским и африканским странам, группирующимся вокруг Тихого и Индейского океанов, был блокирован. Арабские страны всюду привели свои войска в состояние боевой готовности, прекратили свои раздоры и не только объединили свое военное руководство, но, если не имели общей границы с Израилем, уже и начали — Ирак — перебрасывать войска на территории пограничных с Израилем арабских государств. Отборные войска ОАР, воевавшие в Иемене, были вызваны на родину и тоже брошены на границу с Израилем. В мечетях раздавались горячие призывы к «священной войне». Возбуждение в ОАР дошло до такого накала, что начались массовые манифестации с лозунгом: «Мы хотим войны с Израилем». И все это при очень значительном численном превосходстве арабских стран и исключительно богатом снабжении их Советским Союзом всеми видами современного оружия.

При этом арабские политики даже не скрывали, что они только потому не открывают пока военных действий против Израиля, что хотят избежать упрека в агрессии со стороны международной общественности, и сознательно провоцировали Израиль на выступление, уверенные в том, что их военное превосходство обеспечивает им быструю и решительную победу над Израилем.

Ни у кого не вызывало сомнений, что положение Из-

раиля достигло предельного напряжения, что для Израиля наступает, может быть, его роковой час. И в самом Израиле ни у кого не вызывало сомнений, что на карту поставлено самое существование государства Израиль и жизнь его народа и что только превентивным молниеносным ударом можно спасти положение. Если это еще не обстановка, оправдывающая законную самооборону, слова утрачивают свое значение.

С первого дня войны с советской стороны началась развернутая очень острая антиизраильская пропаганда: с чрезвычайной настойчивостью против Израиля выдвигалось обвинение в агрессии, продиктованной чисто империалистическими мотивами. Уже в заявлении советского правительства, опубликованном в первый день войны, совершенно голословно и в явном противоречии с действительностью утверждалось, что «правительство Израиля знало, что войны можно избежать. Именно к этому его призывали Советский Союз и другие миролюбивые государства». Когда западные государства пытались в первый день войны остановить через Совет Безопасности военные действия, Советский Союз этому решительно воспротивился, требуя, чтобы предварительно Израиль был объявлен агрессором. Когда все же удалось, наконец, добиться в Совете Безопасности призыва к прекращению огня и Израиль немедленно выразил готовность принять это решение, конечно, на условиях взаимности, а ОАР и Сирия об этом и слышать не хотели, новое заявление советского правительства — от 7 июня — с явным нарушением элементарной логики обвинило Израиль в том, что он «грубо и демонстративно игнорирует решение» Совета Безопасности о прекращении огня, и 10 июня Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем «за вероломство, за вопиющее нарушение решений Совета Безопасности».

Этому трудно поверить, но вот Федоренко в статье «Вероломство агрессора» в «Новом Времени» от 23 июня 1967 года пишет:

«В преддверии израильской агрессии в стране была искусственно создана обстановка психоза, нагнеталась напряженность и подготовлялась почва для агрессии. По

адресу арабских государств сыпались обвинения. Последующие события показали, что Объединенная Арабская Республика, Сирия и другие арабские государства отнюдь не имели агрессивных устремлений, что они не готовились к нападению и что именно Израиль лихорадочно форсировал свою разбойничью атаку на арабские государства». (здесь и ниже подчеркнuto мною — С. Ш.)

Примаков, каирский корреспондент «Правды», который в двадцатых числах мая мог сам наблюдать в Каире бурные манифестации под лозунгом «Мы хотим войны», не сморгнув, пишет в июльском выпуске «Международной Жизни» в статье «За кулисами израильской авантюры»: **«Войны можно было избежать. Именно к этому стремились лидеры арабских стран».** А передовая в том же органе, главном советском «научно-политическом журнале» по вопросам международной политики, пишет о **«совершенно непровоцированной агрессии самого хищнического характера».** И вновь и вновь советские публицисты возвращаются к мысли об исключительно мирных намерениях арабских стран, проявленных ими в мае 1967 года. Приведу только еще один пример. В статье Астахова «Еще о закулисных силах израильской агрессии» в октябрьской книжке «Международной Жизни» мы читаем:

«Следует со всей силой подчеркнуть, что **мероприятия, проведенные правительством ОАР во второй половине мая, носили чисто оборонительный характер, имели целью лишь остановить руку агрессора** и отнюдь не означали, как трубят тель-авивские пропагандисты, какой-то подготовки арабских стран, и ОАР в частности, к вооруженному нападению на Израиль» (стр. 52).

И, конечно, автор вновь и вновь повторяет мысль о «внезапности» агрессивного нападения Израиля на арабские страны. Это заявление о «**неожиданности**» «внезапности», «вероломстве» израильской «агрессии» особенно поражает. На этом стоит еще немного задержаться.

Выше уже отмечалось, что король Гуссейн 5 июня, тотчас после получения сообщения о начале военных действий на Синайском полуострове, поспешил заявить по радио: все произошло «точно как мы предвидели... Мы этого ждали». Еще лучше Насер. В своей речи в

каирском университете 23 июля 1967 года, в годовщину египетской революции, Насер рассказал, как он расценивал шансы войны с Израилем в последние недели перед началом войны. Устранив войска ООН на египетско-израильской границе и выдвинув на границу большие египетские силы, он оценивал шансы войны в 20 процентов. Через несколько дней, после закрытия для Израиля Тиранского пролива и Акабского залива, шансы войны повысились, по Насеру, до 50 процентов; несколькими днями позже он говорил в одной из своих речей уже о 80 процентах, в начале июня о всех ста процентах:

«В пятницу 2 июня я лично посетил главную квартиру высшего командования воздушных военных сил и участвовал в собрании старших офицеров военных сил... На этом собрании в пятницу 2 июня я заявил, что мы должны ожидать удара врага в ближайшие 48-72 часа, и не позже. Я также сказал на этом собрании, что я жду, что агрессия начнется в понедельник 5 мая и что первый удар будет направлен против наших воздушных сил. Командующий воздушными силами при этом присутствовал.

Что это значит? Это значит, что мы не недооценивали положения в результате всех дипломатических контактов, визита генерального секретаря ООН и одобрения Джонсоном визита Захария Мухеддина. Было совершенно ясно по всем политическим расчетам, что Израиль уже связан решением предпринять военную акцию, в особенности после вступления иракских войск на иорданскую территорию в осуществление соглашений о совместной обороне».³²

Мне хотелось бы остановиться еще на одном факте, который, как кажется, говорит против признания неожиданного для арабов начала военных действий. В истории, вероятно, не было случая, чтобы в стране, подвергшейся внезапному нападению, это нападение вызвало и в руководящих кругах и в широких слоях населения взрыв радости. Ужас, возмущение, жертвенный подъем — да. Но не радость. А между тем радость и гордость звучали в каждом слове в заявлении Гуссейна 5 июня. И, может быть, еще резче то же обнаружилось в Сирии. В печати сохранилось сообщение парижской газеты «Молодая Африка», с симпатией относившейся к арабским радика-

лам сирийского толка, о впечатлении от первых вестей о событиях 5 июня в Дамаске. В этот день утром заместитель председателя правительства, министр иностранных дел Махус провожал на аэродроме возвращавшегося на родину министра иностранных дел Ливии. Здесь, на аэродроме Махус получил сообщение о начатых Израилем военных действиях и «подскочил от радости» (Дрэпер, стр. 114).

И все же начало военных действий в каком-то смысле было для арабов неожиданностью, вернее, было воспринято, как неожиданность. В особенности в ОАР. Хотя, как это очевидно из цитированной выше речи Насера 2 июня, арабы не только ждали израильского нападения, но даже точно предвидели, когда оно произойдет, они как-то не отдавали себе в этом отчета и жизнь текла своей обычной чередой. Замечательны в этом отношении наблюдения Эрика Руло в Каире:

«Старшие офицеры проводили больше времени в своих спортивных клубах, чем в штабах. Так в самый день атаки генерала Мортаги, командующего синайской армией, не было в штабе. Он решил посетить свою жену в Измаилии и приятно провести с нею день у воды. А у генерала Седки Махмуда, командующего авиацией (того самого, о котором Насер специально упомянул, что он присутствовал при его, Насера, речи 2 июня. — С.Ш.), накануне атаки состоялся большой прием в Каире, во время которого собравшиеся здесь военные наслаждались искусством знаменитой танцовщицы живота» («Израиль и арабы», стр. 125).

В этой обстановке даже и иностранные корреспонденты в Каире «были захвачены врасплох»; и сигнал воздушной тревоги, когда он, наконец, был дан, был дан ошибочно: вместо «тревоги» — «отбой»; и радио оказалось совершенно неподготовлено и когда оно — с опозданием — сообщило о нападении Израиля, оно тут же начало засыпать слушателей сообщениями о блестящих успехах арабов: сбито 40, затем 60, затем 70, к началу пополудни уже 130 вражеских аэропланов.*) «На улицах

---

*) Арабские радио, — особенно в Каире и в Дамаске — продолжали и в последующие дни сообщать о блестящих успехах ара-

мы наблюдали чрезвычайный взрыв радости... Люди обнимали друг друга, плясали от радости» (Там же, стр. 119-120).

Когда в этой обстановке опьянения мнимыми военными успехами люди оказывались перед горькой действительностью, они лихорадочно пытались найти сколько-нибудь убедительное объяснение происшедшему, а те, кто отвечали за события, искали и оправдания для себя. И тут сразу родилась и сейчас же получила широкое признание мысль о неожиданности израильского нападения и о каком-то вероломстве противника, которое только и сделало возможным его успех. Актом такого вероломства явилось тайное участие США и Англии в нападении на арабские страны. Это сразу объясняло всё.

Миф об участии США и Англии в военных операциях

Когда вечером 6 июня, после 32-часового перерыва, вновь открылось заседание Совета Безопасности и председатель Совета огласил резолюцию о прекращении огня и эта резолюция была без прений единогласно принята, слово попросил представитель США Артур Гольдберг. Подчеркнув, что он формально делает предложение от имени американского правительства, Гольдберг заявил:

«В последние 24 часа высказывались фантастические утверждения о вооруженных силах США, будто бы участвовавших в военных действиях на Ближнем Востоке. Эти утверждения абсолютно лишены какого-либо фактического основания. Я пользуюсь этим случаем в Совете Безопасности, чтобы с полным авторитетом правительства Соединенных Штатов категорически опровергнуть эти утверждения без всяких оговорок».

бов. Ряд таких сообщений приводится в статье Лакэра в «Комментарии» (август 1967 г., стр. 51). Еще в четверг утром, 8 июня, когда разгром ОАР и Иордании был уже полным и только в Сирии еще теплилось сопротивление, каирское радио не унималось:

«Сегодня Моше Даян, эта мышь пустыни, остается без слов. Язык прилип у него к небу. От его хвастовства ничего не осталось. Сегодня он молчит, после того как наши силы в Синае искромсали его танковые бригады, уничтожили их и превратили в груды сожженного железа. А как вы хвастались вашим оружием, Даян. Оно пошло к черту, разрушено и сметено с лица земли».

Когда утром 5 июня эти утверждения дошли до сведения американского правительства, — продолжал Гольдберг, — Департамент Обороны по поручению правительства решительно опроверг их, подчеркнув, что все суда и аэропланы Шестого флота — а речь шла именно о Шестом флоте — находились во время этих событий и сейчас находятся в сотнях миль от района военных действий. Слухи эти были широко использованы для возбуждения толпы к насилиям против представителей США и других американских учреждений в арабских странах. Чтобы остановить распространение этих опасных слухов, — заявил Гольдберг, —

«мое правительство уполномочило меня предложить в Совете Безопасности две меры. Соединенные Штаты, во-первых, готовы принять участие в немедленном нейтральном расследовании Объединенными Нациями этих обвинений и предоставить ООН для облегчения этого расследования все имеющиеся у американского правительства возможности. И, во-вторых, как часть этого расследования или в дополнение к нему, Соединенные Штаты готовы пригласить сотрудников ООН на наши авианосцы в Средиземном море, сегодня, завтра или в любое удобное для ООН время, с тем, чтобы они оставались там в качестве нейтральных наблюдателей над активностью наших аэропланов и для проверки их прошлой активности по официальным документам и судовым журналам. В дополнение к уже сказанному эти наблюдатели будут иметь возможность свободно спрашивать членов команды авианосцев, без помехи с чьей-либо стороны, и выяснить таким образом их деятельность в дни, о которых идет речь. И мы будем приветствовать присутствие этих наблюдателей на авианосцах в течение всего периода кризиса и пока эти суда остаются в восточной части Средиземного моря» (1348, стр. 8/10-11).

Это было совершенно необычное предложение и, казалось, оно открывало возможность полного и быстрого выяснения степени достоверности этих отравляющих атмосферу слухов. Но представители арабских стран совершенно игнорировали эти американские предложения. В том же заседании 6 июня представитель Сирии Томэ заявил с большой страстностью:

«В этот критический момент ближневосточного кризиса делегация сирийской республики заносит в протокол истории, что правительства Соединенных Штатов и Великобритании своей акцией, совершенной по сговору с израильским агрессором, с полной несомненностью доказали, что они являются непримиримыми врагами арабского народа. Сегодня в нашем распоряжении имеются окончательные, неопровержимые доказательства того, что воздушные силы Великобритании и Соединенных Штатов приняли активное участие в агрессии Израиля. Участие их имело место в двух формах: во-первых, в присоединении их к атаке израильских воздушных сил против арабских городов и гражданского населения и, во-вторых, в предоставлении воздушного прикрытия для израильских вооруженных сил. Это они делали с первого момента израильского нападения на Каир, Дамаск и Амман. Уже общее число аэропланов, одновременно атаковавших эти три города, доказывает вне тени сомнения, что не только воздушные силы Израиля входили в это огромное число нападавших» (1348, стр. 97-98/100).

Гольдберг еще дважды возвращался к предложениям о проверке слухов об участии США в военных действиях Израиля (1350, стр. 22, и 1356, стр. 41) и при этом заметил: «Что касается утки, будто Шестой флот участвовал в этих упражнениях, то ведь есть страна, имеющая суда по соседству, которая могла бы просветить на этот счет Совет Безопасности». Это было указание на Советский Союз, суда которого в Средиземном море с большой настойчивостью и не таясь держат Шестой флот под наблюдением. Но арабы вновь повторяли что аэропланы США и Англии активно участвовали в военных действиях. Особенно настойчив был при этом представитель ОАР эль-Кони (1350, стр. 12, 1356, стр. 31, 1357, стр. 35/40, 1358, стр. 161-163/165).

Может быть, резче всех в этих прениях выступил Федоренко; но — и это стоит отметить — постоянно упрекая США и Англию в подстрекательстве Израиля и в широкой помощи ему, Федоренко обходил молчанием вопрос о непосредственном участии США и Англии в военных действиях. Он знал о несостоятельности этого обвинения (см. выше намек у Гольдберга), но не делился

этим знанием с представителями арабских стран и не удерживал их от обвинений, чрезвычайно накалявших атмосферу, о которых — повторяю — он знал, что они совершенно несостоятельны.

Особенно убедительным для арабов, — и они на это прямо указывали, — был факт, что в боях участвовало со стороны Израиля такое большое количество аэропланов, которое явно далеко превышало размеры израильского военно-воздушного флота. Какое-то загадочное несоответствие между количеством израильских аэропланов и масштабами их активности чувствовали и некоторые друзья Израиля. Только позже это разъяснилось. Маршалл пишет, что количество оказавшихся возможными вылетов израильских аэропланов было значительно больше первоначальных расчетов военного командования. Генерал Мордехай Ход, командующий воздушными силами Израиля (по описанию Маршалла почти военный гений), «ожидал что в среднем летчики совершат по 3-4 вылета в день; они сделали в среднем семь, а некоторые даже до десяти. Ход считал вероятным, что уровень стрельбы, по сравнению с достигнутым на учебных занятиях, несколько понизится; в действительности он поднялся. Он ожидал, что управляемость аэропланов в боях будет постепенно понижаться; она оставалась неизменно на уровне 99 процентов» (Маршалл, стр. 32).

Но постепенно и в руководящих арабских кругах возникли сомнения в участии американцев и англичан в военных действиях Израиля и скоро они уже знали, что они в этом вопросе ошиблись. И когда представитель Ассошиэтед Пресс прямо спросил об этом короля Гуссейна во время его приезда в конце июня 1967 года в Нью Йорк, Гуссейн ответил: «Поскольку ему известно, американские аэропланы никакого участия в атаке против арабов не принимали и то же нужно сказать и об английских аэропланах». А в начале сентября на конференции арабских вождей в Хартуме то же подтвердил и Насер (Дрэпер, стр. 115).

Но Ближний Восток это край политических мифов. Они очень легко рождаются, быстро получают широкое распространение и трудно умирают. И хотя миф об уча-

стии американцев и англичан в «агрессии» Израиля, казалось, умер, отголоски его еще долго сохранялись в арабском мире, поддерживая веру в этот спасительный миф. Кажется, они не исчезли окончательно до сих пор.

Миф об израильских кознях против Дамаска

Выше читатель уже имел возможность убедиться в чрезвычайной распространенности на Ближнем Востоке, но и в полной несостоятельности, другого политического мифа — о подготовке Израиля к нападению на Сирию в целях свержения ненавистного «империалистам» «прогрессивного» сирийского правительства. Интегральной частью этого плана была мысль о занятии израильскими войсками Дамаска, чего сирийское правительство не сможет пережить. Я сознательно уклонился выше от анализа этого мифа, чтобы иметь возможность вернуться к нему позже и попытаться проверить его на фактах «шестидневной войны».

Война началась не к северу от Израиля, на израильско-сирийской границе, как это должно было бы быть согласно легенде, а к югу, на израильско-египетской границе. Но это, и сохраняя веру в легенду о кознях Израиля против Сирии, еще можно легко объяснить изменением всей обстановки: Насер, отстранив войска ОН и сосредоточив на египетско-израильской границе большие силы, привлек на себя удар, чтобы спасти Сирию. Но вот через три дня египетские и иорданские войска оказались разбитыми, резолюции Совета Безопасности о прекращении огня приняты Израилем, Иорданией и ОАР и военные действия между Израилем, с одной стороны, и ОАР и Иорданией, с другой, в основном прекратились. Руки для операций против Сирии оказались у Израиля развязанными. Что же случилось?

Ранним утром 9 июня (в час ночи по нью-йоркскому времени) уже и Сирия заявила о принятии ею резолюции Совета Безопасности о прекращении огня. Однако, до фактического урегулирования вопроса о прекращении военных действий обеими сторонами сирийцы продолжали энергичный обстрел израильских поселений в долине верхнего Иордана и вокруг Тивериадского озера с рас-

положенных на высотах укрепленных сирийских позиций и Израиль в свою очередь развернул энергичные военные действия против этих позиций. Одновременно Сирия начала засыпать Совет Безопасности жалобами о бомбардировке Израилем Дамаска и его района и о намечающихся или даже уже происходящих широких агрессивных действиях Израиля, имеющих целью захват Дамаска и, конечно, свержение «прогрессивного» сирийского правительства. В течение двух дней — 9 и 10 июня — вопрос о Дамаске стоял в центре внимания Совета Безопасности. На этом необходимо остановиться подробнее.

Заседание Совета Безопасности началось 9 июня в 12,30, сейчас же после полудня. Генеральный секретарь ООН сообщил о принятии Сирией резолюции СБ о прекращении огня (в 0,36 ночи) и о полученных сообщениях о военных действиях обеих сторон уже после принятия обеими резолюции о прекращении огня. Дальнейшие сообщения были получены им через генерала Булла от председателя израильско-сирийской смешанной комиссии, со слов старшего представителя Сирии в комиссии:

8,46 (по н.-и. времени): «Мы подтверждаем бомбардировку Дамаска».

10,01: «Дамаск подвергся воздушному налету» (1352, стр. 12).

Говоривший непосредственно после генерального секретаря ООН представитель Сирии Томэ добавил: «Уже имели место две воздушные атаки большого числа израильских аэропланов на мою столицу, Дамаск. Первая из них началась в 10,00 по н.-и. времени» (1352, стр. 16).

Позже в том же заседании Томэ сообщил: «согласно последним полученным мною сведениям, израильские войска находятся у ворот, у входа в Дамаск» (стр. 82).

В вечернем заседании в тот же день представитель Израиля Рафаэль заявил, что сообщение Томэ о бомбардировке Дамаска «неверно и лишено всякого основания», как «является злостной выдумкой» и сообщение представителя ОАР эль-Кони (1353, стр. 16) о бомбардировке Каира (1353, стр. 18).

Но представитель Сирии сослался на телеграмму Юнайтед Пресс из Иерусалима, в которой «хорошо осве-

домленный израильский военный источник в Иерусалиме заявил, что, как он полагает, израильские войска достигли предместий Дамаска» (стр. 33/35). И от себя Томэ прибавил, суммируя полученные за последние часы сведения: «Дамаск подвергся бомбардировке и то, что сказал представитель Израиля, является совершенной ложью» (стр. 36). И представитель Израиля ответил: «Я повторяю, что никакие израильские аэропланы не бомбардировали и не бомбардируют Дамаска. Начатые сегодня израильские операции имели целью, как я сообщил сегодня ранним утром председателю Совета Безопасности, привести к молчанию сирийские орудия, обстреливающие израильские деревни» (стр. 41).

Несколько позже Томэ снова выступил: «Войска Израиля прошли Массадэ (близ Кунейтры) и израильские танковые колонны продвигаются к Дамаску» (стр. 82). И Рафаэль сейчас же возразил, что «никаких израильских танковых колонн,двигающихся в направлении Дамаска, не существует» (стр. 82).

Эти взаимные обвинения завершились общим требованием, обращенным к генеральному секретарю ОН расследовать взаимные обвинения и доложить о результатах расследования Совету Безопасности. Заседание СБ закончилось в 10,50 вечера и следующее заседание намечено было на 10,30 утра 10 июня.

Но уже в 2 часа ночи представитель Сирии разбудил председателя Совета Безопасности и просил его срочно созвать Совет: «израильские войска заняли Кунейтру и продвигаются от Кунейтры к Дамаску» (1354, стр. 3).

В 4,30 ночи заседание Совета Безопасности открылось и генеральный секретарь ОН доложил, что генерал Булл сообщил ему со слов представителя Сирии в смешанной комиссии, что Кунейтра пала, израильские войска идут на Дамаск и Дамаск подвергся воздушной бомбардировке. Но одновременно генерал Булл сообщил, что представитель израильского министерства иностранных дел категорически заявил ему, что израильские войска не занимают Кунейтры и не находятся на пути к Дамаску (стр. 7), что вызвало со стороны Томэ обвинение Израиля в «сознательном введении Совета Безопасности в заблуж-

дение» и замечание что «поведение израильского представителя должно бы было лишить его чести заседать в Совете Безопасности»; «каждый пункт, каждая жалоба, даже каждое имя, упомянутые в моих письмах к генеральному секретарю ООН, подтвердились без тени сомнения. И сейчас этому высокому учреждению остается только действовать и действовать быстро» (стр. 11-12/15).

С исключительной резкостью Томэ поддержал представитель Советского Союза Федоренко (стр. 16-21); к нему присоединились представители Мали (стр. 37/40) и Индии (стр. 42). Рафаэль вновь повторил, что «все сведения сирийского представителя о падении Кунейтры, о движении на Дамаск и о бомбардировке Дамаска — ложь» (стр. 22 и 47/50).

В 6 часов утра заседание было прервано на 25 минут и по возобновлении его Рафаэль сообщил, что он только что снесся со своим правительством и еще раз «категорически отвергает ложные утверждения, что израильские войска продвигаются к Дамаску и что Кунейтра занята ими» (стр. 47/50). То же, со слов представителя израильского министерства иностранных дел, повторил в 6 часов утра генерал Булл, сообщив также, что «все наблюдатели ООН и сотрудники израильско-сирийской смешанной комиссии собраны в здании комиссии. Это сделано по совету старшего сирийского представителя в комиссии, заявившего, что он не может нести ответственность за безопасность наблюдателей ООН и сотрудников комиссии вне здания комиссии» (стр. 51). В 8,10 Булл опять сообщил, что «по соображениям безопасности наблюдатели ООН и их сотрудники заперты по требованию сирийских властей в здании комиссии» (стр. 52/55). (Не совсем понятно, как могли председатель и члены смешанной комиссии и наблюдатели ООН — все офицеры! — примириться с такой заботливостью об их безопасности. Или, может быть, они и не очень мирились, но мы об этом ничего не знаем).

Может быть, нет необходимости продолжать изложение этих взаимных обвинений. Для правильной оценки их достаточно рассказать, что происходило в действительности, как это выяснилось несколько позже. Генералл Маршалл, расследовавший этот вопрос на месте, пишет в своей книге:

«Крушение сирийской армии было ускорено сообщением дамасского радио о занятии Кунейтры израильскими войсками. Это сообщение имело целью повлиять на Объединенные Нации и сделано оно было за шесть часов до того, как войска генерала Элезара оказались в какой-то близости к Кунейтре. Неожиданным результатом этого сообщения было то, что вся сирийская армия обратилась в бегство» (Маршалл, стр. 131).

Согласно докладу лондонского института стратегических исследований прошло еще более двух часов, пока Кунейтра действительно была занята израильскими войсками — в 10,30 утра по н. и. времени, 10 июня.*)

Оказывается, сирийское правительство просто обманывало Совет Безопасности, сообщая о падении Кунейтры в 2 часа ночи, обманывало, кажется, даже своего представителя в ООН (это должна была быть военная хитрость), и дорого за это заплатило. Что же произошло дальше?

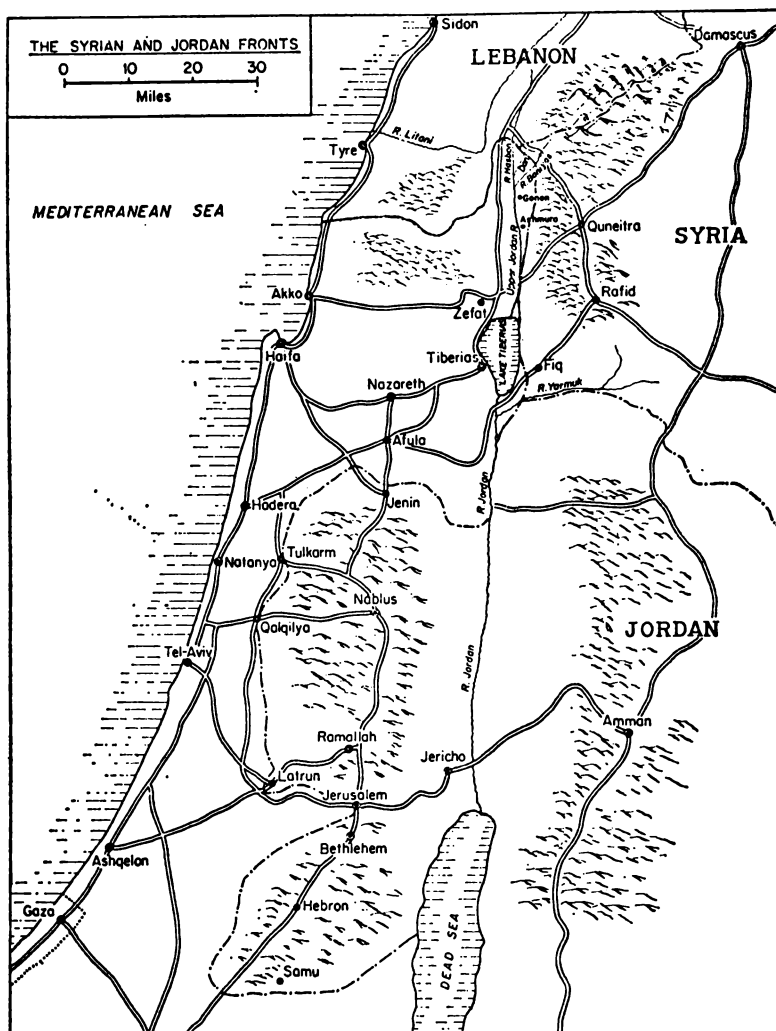
С падением Кунейтры и с сирийской армией в состоянии паники ничто уже не могло задержать израильские войска на пути к Дамаску (в 35 милях от Кунейтры), которые они могли бы занять, вероятно, не больше, чем в 24 часа. Но тут случилось что-то, что окончательно убило миф, будто занятие Дамаска (и свержение сирийского правительства) было для Израиля одной из главных, если не главной целью в этой войне. Израильские войска пошли из Кунейтры не на северо-северо-восток, на Дамаск, а на юг к Рафиду и дальше в юго-востоку, все

---

*) «Адельфи Пэйперс» № 41, стр. 39. — Стоит привести здесь отрывок из этого доклада:

«После немногих часов сопротивления сирийцы обратились в бегство. Это было вызвано не только усилиями израильских военных сил, само сирийское правительство содействовало этому. Рано утром в субботу дамасское радио сообщило о падении Кунейтры, центра главного управления сирийской армией и единственного значительного городского центра между границей и Дамаском. Как передавали, сделано это было для усиления позиции представителя Сирии в ООН, который в течение 24 часов пытался убедить СБ заставить израильтян принять прекращение огня. Услышав, что их главная позиция пала, сирийские войска пришли в состояние паники. Израильтяне заняли позиции, которые могли бы задержать их на недели. В 2,30 пополудни (по Гринвичскому времени, 10,30 утра по н.и. времени) они действительно оказались в Кунейтре».

больше удаляясь от Дамаска, как мы это узнали из сообщений генерала Булла (через генерального секретаря ООН) и — Томэ (1357, стр. 3/5, 6, 13/15, 87, 88/90). Одного взгляда на прилагаемую схематическую карту (заимствованную из доклада лондонского института стратегических исследований, стр. 32) достаточно, чтобы в этом убедиться. И это проливает свет на действительную главную цель

израильских операций в Сирии: обойти Голанское плато и тем обезопасить израильские поселения в долине верхнего Иордана и вокруг Тивериадского озера от постоянной сирийской угрозы.

Что остается после этого от дамаского мифа?

Миф об актах жестокости и варварства

Но есть еще один миф, на котором необходимо остановиться, гораздо более опасный, чем миф о кознях Израиля против Сирии и о планах свержения сирийского правительства или миф об активном участии США и Англии в «шестидневной войне». Эти мифы относятся уже к прошлому; в свое время — на сравнительно короткий период времени — они создали очень напряженную политическую атмосферу на Ближнем Востоке; отголоски этого в какой-то мере сказываются и сейчас; все же в основном это улеглось и ни в какой мере не определяет теперешних политических настроений. Но есть один миф, возникший уже после войны и вскоре принявший чрезвычайно одиозный характер, миф, играющий и сейчас значительную роль в арабской и советской анти-израильской пропаганде, глубоко отравляющий политическую атмосферу на Ближнем Востоке и психологически чрезвычайно затрудняющий поиски мирного выхода из создавшегося положения. Это миф о массовых жестокостях и актах варварства, совершавшихся израильской армией во время войны и совершаемых израильской администрацией в оккупированных Израилем арабских областях.

Следует отметить, что во время войны почти до самого конца ее о жестокостях, совершаемых израильскими войсками, ничего не было слышно. Впервые об этом заговорил в Совете Безопасности представитель **Сирии** Томэ 9 июня, почти мимоходом упомянувший в своей речи, что «в одной **Иордании** 15.000 гражданских лиц и солдат погибли при массовых убийствах, совершенных израильскими военными преступниками» (1353, стр. 37). [Ставшие жертвой массовых убийств солдаты погибли, по смыслу этого заявления, не в боях, а в качестве жертв массового убийства военнопленных]. Представитель Израиля тут же ответил, что «представитель Сирии сделал

дикое, голословное заявление о бойне в Иордании. Я категорически его отрицаю» (Там же, стр. 41). Представитель Иордании, от которого, казалось бы, должно было исходить это ошеломляющее сообщение о массовой бойне, жертвой которой стали 15.000 его соотечественников, почти не поддержал Томэ. Выступая на следующий день в Совете Безопасности, представитель Иордании Эль Фарра очень резко говорил о том, что Израиль вынуждает население оккупированного им западного берега Иордана уходить на восточный берег (1355, стр. 47) и, возвращаясь к этому вопросу позже в том же заседании СБ, прямо упрекнул Израиль в проведении «хорошо подготовленной кампании», проведение которой «началось сегодня утром», «имеющей своей целью терроризировать этот район и освободить место для новых иммигрантов» (Там же, стр. 62). — Но о бойне, жертвами которой стали тысячи иорданцев, ни слова! — Представитель Сирии Томэ сейчас же подхватил мысль Эль-Фарра и поспешил вработать ее в выдвинутую им самим мысль о массовым истреблении арабов: «Описанная [Эль-Фарра] трагедия не является для нас неожиданной и укладывается в рамки преступного, невротического сионистско-нацистского комплекса. Она является частью того, что сионисты описывают, как 'окончательно решение арабского вопроса', которое сводится к депортации, изгнанию, убийству и уничтожению. Это другая фаза израильского завоевания» (стр. 71 — Такого «окончательно решения арабского вопроса» «сионисты» никогда не выдвигали).

Еще через два дня — 12 июня — представитель Иордании обратился к генеральному секретарю ООН с жалобой на поведение израильских властей на оккупированной территории, стремящихся к массовому вытеснению местного населения за пределы оккупированных арабских областей (S/7975). И опять ни слова о массовых убийствах.

В том же духе говорили, — выступая главным образом в защиту Иордании, — представители более отдаленных государств: Туниса («трансфер населения происходит в строгом соответствии с нацистской традицией»; «все их [Израиля] действия тщательно рассчитаны на то, что-

бы мир никогда не был восстановлен в этой части света»; 1358, стр. 117) и Марокко («новый миллион беженцев»; 1358, стр. 118).

Но представитель Советского Союза, выступая с крайней резкостью и возрастающей грубостью на каждом заседании Совета Безопасности, обычно даже по несколько раз на каждом заседании, сосредоточивался на вопросах об агрессии, Дамаске, активной роли американцев в развертывающихся событиях и ухитрился почти совсем не касаться вопроса об актах жестокости и варварства по отношению к местному населению или к военнопленным ни в его сирийском, ни в его смягченном иорданском варианте, явно выжидая указаний из Москвы. И даже, когда представитель Израиля Кидрон в заседании СБ 13 июня заявил, что его правительство быстро приняло меры к восстановлению нормального порядка на оккупированной территории и что вчерашний губернатор Старого города (т.е. арабской части) Иерусалима Анвар Ах-Хатиб заявил 11 июня, что «жители Старого города и Западного берега были изумлены в целом хорошим поведением израильских войск и их отношением к местному населению» (1358, стр. 111), — представитель Советского Союза не поднял фактически брошенной ему перчатки.

10 июня представители Аргентины, Бразилии и Эфиопии внесли в Совет Безопасности проект резолюции, стремящейся оградить интересы военнопленных и мирного населения районов оккупации, в соответствии с требованиями Женевской конвенции 12 августа 1949 года. Как это ни неожиданно, когда проект этот был поставлен 14 июня на обсуждение Совета Безопасности, представитель Советского Союза обнаружил какую-то растерянность: «Народы в арабских странах, территория которых захвачена была агрессором, будут испытывать страдания до тех пор, пока бандиты и оккупационные войска не будут изгнаны с территории арабов. Тем не менее, в виду хороших намерений авторов гуманитарного проекта резолюции, советская делегация не будет возражать против этого проекта» (1360, стр. 46).

Что это значит «не будет возражать»? Воздержится

от голосования? Положение представителя Советского Союза не стало легче от того, что представитель Израиля Кидрон вновь взял слово, заявил о полной солидарности Израиля с требованиями Женевской конвенции и сообщил, что в этом отношении уже сделано в оккупированных областях (об этом еще будет речь ниже). В тот же день в вечернем заседании Совета Безопасности представитель Болгарии Тарабанов внес, наконец, ясность: Хотя проект гуманитарной резолюции и «отвлекает внимание» от основного вопроса о необходимости добиться немедленного освобождения территории, занятой агрессором, но, «считаясь с гуманитарными мотивами, которыми руководились делегации, внесшие проект резолюции, делегация Болгарии не будет возражать против их проекта, а будет голосовать за него, чтобы иметь возможность внести и свою лепту в облегчение страданий, причиненных агрессором» (1361, стр. 31). — Это означало, конечно, выяснение и позиции Советского Союза. Проект гуманитарной резолюции был принят после этого единогласно (Там же, стр. 42).

Советский Союз все еще колебался, присоединиться ли ему к начатой Сирией ожесточенной кампании по обвинению Израиля в массовых актах жестокости и варварства. 14 июня в «Правде» было опубликовано письмо Советского министра иностранных дел Громыко к генеральному секретарю ООН с требованием созыва специальной сессии Генеральной Ассамблеи (Общего Собрания) ООН в связи с тем, что «Израиль продолжает свою разбойничью агрессию» и «захватил новые территории ОАР, Иордании и Сирии»; но здесь не было еще ни слова о совершаемых Израилем актах жестокости и варварства. Но в «Известиях» от 15 июня была напечатана телеграмма от собственного корреспондента газеты из Дамаска, в которой сообщалось, что «во многих деревнях [Сирии] израильские оккупанты производят показательные расстрелы. В Маншуре интервенты загнали в большой дом жителей, отказавшихся покинуть родную деревню, и, облив здание керосином, подожгли его». — Это было начало.

16 июня советская делегация с Косыгиным во главе

вылетела на сессию Общего Собрания ООН в Нью-Йорк и к ее отъезду, — очевидно еще 14 июня, — и было принято решение со всей энергией поддержать кампанию по обвинению Израиля в совершении самых чудовищных преступлений. В речи своей в Общем Собрании ООН 19 июня Косыгин сделал это с большой решительностью:

«Все больше поступает сообщений о зверствах и насилиях, чинимых израильскими оккупантами на захваченных ими территориях. То, что творится на Синайском полуострове и в районе Газы, в западной части Иордании и на занятых израильскими войсками сирийских землях, заставляет вспомнить о чудовищных преступлениях, которые совершались фашистами во время второй мировой войны. Коренное арабское население изгоняется из Газы, Иерусалима и других районов... Израильские войска сжигают деревни, уничтожают госпитали, школы. Мирных жителей оставляют без продовольствия и воды, без всяких средств к существованию. Имели место факты расстрела военнопленных и даже женщин и детей, сожжения санитарных машин с ранеными» («Правда» от 20 июня).

Начиная с 15 июня, эта кампания приняла в советской печати чрезвычайно ожесточенный характер, в особенности в «Известиях», в сообщениях от собственных корреспондентов из Дамаска, Каира и др. и даже из Рима и Лондона (со слов «западных журналистов»). В «Известиях» от 17 июня римский корреспондент газеты даже сообщил, что «президент Международного общества Красного Креста официально обвинил Израиль в том, что он чинит препятствия в деле оказания помощи арабам — и мирному населению и пленным солдатам. В коммюнике, опубликованном Красным Крестом, прямо говорится о том, что 'израильтяне нарушают самые элементарные нормы человеческой морали'». — Конечно, это было ложное сообщение. О действительной оценке Международным Красным Крестом поведения Израиля еще будет рассказано ниже.

Но поразительно: и после того, как советская пресса с середины июня присоединилась к начатой Сирией кампании по обвинению Израиля во всех смертных грехах, советские руководители часто остерегались слишком тес-

но отождествлять себя с этой анти-израильской пропагандой и в своих политических заявлениях как-то изловчились обходить этот вопрос молчанием. Приведу примеры.

20 июня в «Известиях» было напечатано «Обращение парламентской группы СССР к национальным парламентским группам и межпарламентскому союзу»:

«Вероломное нападение Израиля на ОАР, Сирийскую АР и Иорданию вызывает гнев и возмущение всех людей доброй воли на земле... Парламентарии должны поднять свой голос протеста против израильских агрессоров и не допустить того, чтобы агрессор смог воспользоваться плодами своего внезапного преступного нападения и остаться безнаказным».

Но о совершенных Израилем актах жестокости и варварства ни слова.

В тот же день, когда было опубликовано это «обращение», — это едва ли случайное совпадение, — собрался пленум ЦК КПСС, первым пунктом порядка дня которого был вопрос «О политике Советского Союза в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке». Докладчик — Л. Н. Брежнев. Доклад опубликован не был, не было опубликовано даже отчета о докладе, а лишь обширная резолюция, принятая по докладу («Правда» от 22 июня). Но и здесь речь лишь о вероломстве Израиля и о «заговоре наиболее реакционных сил международного империализма», о необходимости добиваться освобождения оккупированных Израилем территорий — и опять ни слова о жестокостях и варварстве.

И даже в речи Громыко 3 июля в Общем Собрании ООН («Правда» от 5 июля) все сосредоточено на необходимости добиваться немедленного увода израильских войск из оккупированных областей и буквально нет ни слова об израильских зверствах.

Читатель не должен думать, что это означало отказ от отравленной пропаганды об Израиле, как о верном ученике Гитлера. В принципе это сохранялось. Тот же Брежнев 5 июля, на ежегодном торжественном приеме в Кремле выпускников высших военных учебных заведений, напомнил, что «агрессоры... в своих зверствах по отно-

шению к мирному арабскому населению видимо, стремятся копировать злодеяния гитлеровских захватчиков» («Правда» от 6 июля, полнее цитировано выше).

Можно не сомневаться, что если бы руководители советской политики верили, что аргумент об израильских зверствах отвечает действительности, они систематически и упорно выдвигали бы его. И то, что в своих политических заявлениях они часто «забывали» об этом аргументе, невольно наводило на мысль, что они отдавали себе отчет в том, что это аргумент лживый и что слишком решительно на него опираться может оказаться опасным. Для арабской пропаганды этот аргумент был им дорог, помогая поддерживать в арабской среде анти-израильские и анти-американские настроения в состоянии накала. Хорош он, может быть, и для поддержания колеблющихся симпатий к советской анти-израильской политике в некоторых прогрессивных кругах на Западе. Но руководители московской политики понимали, что этот аргумент строится на зыбкой почве.

Эта контраргументация не освобождает нас от необходимости фактической проверки множества сообщений об израильских зверствах. Не всех, конечно, — для этого в рамках этой работы просто не хватило бы места, — но по крайней мере определяющих самый характер израильской политики по отношению к мирному населению оккупированных областей и к военнопленным.

Сирийско-иорданские обвинения Израиля в проведении им политики жестокостей встретили 14 июня в Совете Безопасности тщательно аргументированный ответ представителя Израиля Кидрона. Напомнив, что прошло всего несколько дней с момента окончания военных действий, Кидрон подчеркнул, что «израильские власти сделали геркулесовы усилия для восстановления нормальной гражданской жизни на занятой Израилем территории»:

«Самое прочное впечатление на Западном берегу — и это подтверждается сообщениями иностранных журналистов, которым в последние дни разрешен свободный доступ на Западный берег, — это впечатление, что жизнь быстро возвращается к нормальному состоянию. Местные власти всюду нормально функционируют, городское

управление, водоснабжение, электричество, санитарная служба, транспорт восстановлены. Госпиталя, аптеки, лавки открыты и всюду имеются большие запасы продовольствия. Общественный порядок поддерживается с помощью местной арабской полиции. Святыне охраняются израильской полицией и религиозные власти выразили свою признательность по поводу поддерживаемого образцового порядка. Совет Безопасности, конечно, с удовлетворением встретит сообщение, что Святым местам во время боев причинено лишь очень мало повреждений. Это потребовало больших жертв со стороны израильских войск и израильского гражданского населения, так как иорданская артиллерия была размещена посреди Святых мест и израильским войскам было запрещено отвечать ей, чтобы не причинить ущерба Святым местам.

«В Израиле со всей энергией популяризируется Женевская конвенция и законы войны на всех ступенях израильской армии. Конвенция о защите жертв войны от августа 1949 года включена в официальные правительственные документы, внесена в приказ Генерального Штаба, составляет обязательную часть программ обучения во всех школах для военного и административного персонала и знание ее составляет обязательную часть экзаменов. Все делается для того, чтобы обеспечить всеобщее точное знание и соблюдение ее.

«С пленными обращаются гуманно и их формальные и человеческие права полностью соблюдаются в соответствии с конвенцией. Для размещения и питания их установлены точно те же условия, что и для израильских военных сил.

«Большому числу египетских солдат, которые еще бродят в Синайской пустыне, разрешено и рекомендовано уходить по единственной дороге, которая ведет в Египет. Их не берут в плен, если они сами не сдаются, и так как египетское правительство перерезало трубопровод, по которому раньше им доставлялась вода, доставка им воды производится сейчас по воздуху, чтобы не допустить лишних страданий в тяжких условиях пустыни» (1360, стр. 53-57).

Это даже слишком хорошо. Только что война прошла горячим утюгом из конца в конец по всему этому району. Тысячи сорвались с мест и побежали куда глаза

глядят. Не большинство, не «миллион», но все же немало. Местная администрация и все отрасли коммунального хозяйства пришли в состояние хаоса. Но не прошло и недели и все это пришло почти в нормальное состояние? — Чудес не бывает. К тому времени, когда Кидрон выступил с этой речью в Совете Безопасности, эта заманчивая программа еще не могла быть осуществлена. Но не вызывает сомнений, что она была принята — с ориентировкой на скорейшее восстановление нормальной обстановки, как она существовала до войны, с минимальной ломкой со стороны оккупационных властей, — и что программа эта действительно **немедленно начала осуществляться.**

Это с полной ясностью вытекает из двух докладов генерального секретаря ООН о проведении в жизнь резолюции Совета Безопасности № 237 (т.е. гуманитарной резолюции 14 июня) — доклада 29 июня, документ S/8021, и второго — очень обширного, почти книга — доклада 2 октября, док. S/8158.*) К первому приложены три «вербальных ноты» представителя Израиля в ООН о положении в районах оккупации, ко второму пять меморандумов (*aide-mémoire*) Израиля и три меморандума Иордании (ОАР и Сирия не воспользовались возможностью представить такого рода меморандумы). Все эти вербальные ноты и меморандумы и еще в большей степени самые доклады генерального секретаря ООН дают возможность ясно представить себе, как складывалась обстановка в районах оккупации.**

---

* Кроме указанных в тексте двух докладов генеральный секретарь ООН представил в этот период еще один доклад о проведении в жизнь резолюции СБ 237-ой. Это доклад от 18 августа, S/8124. Но этот доклад почти целиком посвящен задачам и деятельности организации ООН по оказанию помощи палестинским беженцам (UNRWA, United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees) и для выяснения стоящих сейчас пред нами вопросов имеет лишь второстепенное значение.

** Иорданские меморандумы оказываются менее полезны для выяснения действительного положения в оккупированных областях не только потому, что иорданские власти наблюдают обстановку на Западном берегу так сказать извне, но главным образом потому, что иорданские политики уклоняются от попытки реалистически оценить положение. В последнем иорданском меморандуме принципиальная

Ко времени составления второго доклада генерального секретаря всюду на Западному берегу и в районе Газы местная администрация была восстановлена и не только выборная, но и назначенная иорданским и египетским правительствами (кроме, конечно, высших лиц администрации), за немногими исключениями, продиктованными интересами безопасности. Восстановлены были и судебные органы, которые отправляли правосудие — и гражданское, и уголовное — по иорданским и египетским законам. На Западном берегу восстановлены были и религиозные суды (о Газе мы об этом просто не знаем) и персонал их (40 человек) оплачивался из средств Израиля. Из средств Израиля выплачивалось и жалование тысячам учителей, занятых пока лишь подготовкой школ к началу учебного года. Госпиталя и аптеки работали нормально с медицинским снабжением, налаженным из Израиля. Полное расстройство местных финансов преодолевалось кредитами, предоставлявшимися местным органам из средств Израиля. И т.д. Все в основном по довоенным образцам, не потому, что эти образцы не поддавались улучшению, а потому, что оккупационные

установка иорданского правительства формулирована следующим образом:

«Иорданское правительство продолжает рассматривать королевство с его обоими берегами, как составляющее единство в политическом, экономическом и социальном отношениях. Исходя из этого принципа, оно формулирует, финансирует и осуществляет планы развития всех человеческих, естественных и экономических ресурсов»...

Положительные мероприятия израильских оккупационных властей, направленные к установке на оккупированной территории «нормальной» обстановки, иорданский меморандум характеризует, как «хитрую пропаганду, имеющую целью отвлечь внимание народа от бесспорного факта единства иорданской территории и от глубокой веры народа в национальные, социальные, экономические и политические связи, объединяющие всех иорданцев в единую семью с одной мыслью на уме — мыслью о непобедимости Гашемитского Иерданского королевства и о его процветании, как неотделимой части арабского мира».

При такой общей установке иорданское правительство относится с глубокой предвзятостью ко всей политике «нормализации», проводимой оккупационными властями на Западном берегу, и от него не приходится ожидать объективной оценки этой политики.

власти, как правило, избегали проводить улучшения в порядке приказа.

В районе Газы та же политика протекала в очень неблагоприятной обстановке — при традиционных анти-израильских настроениях, прочно сложившихся в этом районе, большинство населения которого составляют палестинские беженцы, к тому же не выпускавшиеся отсюда в Египет и не принятые в египетское гражданство, что превратило этот район в какой-то **резерват беженства** с характерными для него настроениями ожесточенности и отчаяния. Нетрудно представить себе, с какой настороженностью воспринимались здесь попытки оккупационных властей проводить политику «нормализации». Здесь составляющие существо политики «нормализации» элементы автономизма и демократизма часто неизбежно отступают на задний план перед элементами авторитаризма.

На оккупированной сирийской территории положение было и того труднее, так как здесь местное население — кроме друзов — почти целиком ушло перед тем, как пришли израильские войска.

В синайской пустыне встали на исходе войны совсем иные проблемы. Кроме сравнительно немногочисленных бедуинов, в основном кочевников, и двух-трех десятков тысяч оседлых жителей на периферии пустыни, главным образом в Эль-Арише и Кантаре, здесь вообще не было до войны постоянного населения. Но здесь очень серьезно встал вопрос о десятках тысяч разбежавшихся солдат разбитой египетской армии, бродивших по пустыне без воды и без пищи в мучительных поисках спасения. Выше уже приводилось сообщение Кидрона в Совете Безопасности, что израильское военное командование «разрешило и рекомендовало» этим остаткам египетской армии уходить по единственной дороге, которая вела в Египет и что «их не брали в плен, если они сами не сдавались». Это сообщение подтверждается во втором названном выше докладе генерального секретаря ООН: «Немедленно после принятия прекращения огня Израиль провел широкую операцию, в которой принял участие и Международный Комитет Красного Креста, по разысканию и собиранию тех солдат ОАР, которые были рассеяны по все-

му Синаю и находились в очень бедственном положении. Согласно израильским источникам около 12.000 солдат не были взяты в плен и им было разрешено вернуться в свою страну» (документ S/8158, параграф 209).

Они выходили главным образом к Кантаре, точнее, Восточной Кантаре, на восточном берегу Суецкого канала в северной его части, где при содействии представителя Международного Красного Креста они переправлялись к своим, на западный берег канал. Но в Кантаре их ждали новые трудности. Восточная Катара до войны не имела своей питьевой воды. Местная вода была пригодна к употреблению лишь для поливки садов и огородов, а питьевая вода доставлялась в Кантару по трубам с западного берега канала. Уйдя на запад, египетские власти закрыли трубы, предоставив остатки местного населения и вышедших из пустыни египетских солдат своей судьбе. Во втором докладе генерального секретаря ООН этому вопросу уделено много внимания (параграфы 145-150) и то, что мы узнали здесь, производит гнетущее впечатление.

В дело вмешался представитель Международного Красного Креста, пытавшийся убедить египетские власти восстановить доставку воды по трубам, ведущим в Восточную Кантару, хотя бы в объеме, необходимом для оставшегося арабского населения и для оказывающихся здесь остатков египетской армии. Представитель МКК выразил готовность взять на себя — с согласия Израиля — контроль за тем, чтобы доставляемая таким образом вода расходовалась только на нужды, для удовлетворения которых она предназначена. Но он натолкнулся с египетской стороны на отказ с мотивировкой, что и до войны египтяне доставляли питьевую воду в Кантару только для нужд армии, а местное арабское население пользовалось, как питьевой, местной водой. При опросе представителем Красного Креста местного населения, в том числе частью и местных жителей, успевших переправиться на западный берег, выяснилось, что эти утверждения не соответствуют действительности, и представитель Красного Креста вновь поднял вопрос пред египетскими властями. Всё напрасно: «Представители ОАР не дали бла-

гоприятного ответа на это предложение, заявив, что вся ответственность за снабжение населения оккупированных областей пригодной к употреблению питьевой водой целиком лежит на Израиле» (документ 8158, параграф 149). Представитель МКК обсуждал этот вопрос и с израильскими властями, которые указали ему, что снабжение водой представляет большие трудности и для израильской армии, так как питьевую воду приходится доставлять в цистернах, пересекающих пустыню (там же, параграф 150).

На этом рассказ в докладе генерального секретаря обрывается, но из других источников мы знаем, что израильские власти доставляли таким путем воду и для своих, и для оказавшихся под их властью египтян, и не только в цистернах, но — в пустыне для проходящих воинских частей и бродящих египтян — и с помощью аэропланов.

Кстати, дружное сотрудничество израильских властей с Международным Красным Крестом, о котором свидетельствует этот рассказ, уже само по себе говорит о несостоятельности обвинений израильской армии в массовых актах жестокости и варварства. Если бы рассказы о жестокостях израильских солдат по гитлеровским обозам хотя бы в малой степени отвечали действительности, это должно было бы найти свое отражение в напряженности отношений между Израилем и Международным КК, или по крайней мере в большой холодности в этих отношениях. И, вероятно, не случайно, римский корреспондент «Известий», большой мастер на анти-израильские выдумки, выступил с фантастическим утверждением, будто коммюнике Международного Комитета КК обвинило Израиль в «нарушении самых элементарных норм общечеловеческой морали» (см. выше).

Вопрос об оценке Международным КК оккупационной политики Израиля настолько важен для выяснения степени обоснованности арабских и советских обвинений Израиля в жестокостях, что на нем стоит остановиться.

29 июня представитель Сирии в Общем Собрании ООН выступил с рядом суровых обвинений Израиля в совершении целого ряда «вопиющих нарушений» 237-ой

резолюции Совета Безопасности и 6 июля повторил их в письме, обращенном к генеральному секретарю ООН (S/8037), сейчас же вызвавших решительный протест Израиля (док. S/8030 от 4 июля). В частности, отвечая на обвинение в грубом нарушении Израилем Женевской конвенции в госпитале в Кунайтре, письмо израильского представителя генеральному секретарю ООН отметило, что 12 и 19 июня этот госпиталь посетили представители МКК и «нашли его в удовлетворительном состоянии», что тогда же было отмечено в письме израильского представителя генеральному секретарю ООН (S/8012 от 23 июня), и что позже этот госпиталь еще раз посетил представитель МКК из Дамаска и опять «убедился, что для каких-либо обвинений такого рода нет никаких оснований» (S/8030).

15 июня мин. ин. дел ОАР Мухамед Риад телеграфировал генеральному секретарю ООН, что египетские власти «просили МКК принять необходимые меры в Синае и на других оккупированных территориях для разыскания жертв израильской агрессии, и обеспечения им медицинской и другой помощи, но представитель ОАР при ООН в Женеве, к сожалению, уведомил нас сегодня, что МКК до сих пор не имел возможности выполнять свои обязанности из-за поведения израильских властей в Синае» (док. S/7993). И опять Израиль тотчас же ответил:

«Представители МКК находящиеся сейчас в Израиле встречают полное сотрудничество израильских властей, обеспечивающее им полную возможность выполнять свои обязанности и правильно сообщать о положении.

Это можно иллюстрировать следующими примерами:

Представителям МКК предоставлена свобода передвижения и в их распоряжение предоставлены транспортные средства для разыскания бродящих в Синайской пустыне солдат ОАР и снабжения их водой, пищей и транспортом до Суецкого канала. Воздушные силы Израиля предоставили МКК на три дня вертолеты, для полетов над Синайской пустыней. Врач входивший в состав группы МКК, не подтвердил утверждения, будто 'сотни раненых были оставлены в беспомощном состоянии в условиях отсутствия воды и при иссушающей жаре в пустыне'. В этой

связи нужно обратить внимание на следующую выдержку из коммюнике МКК от 16 июня 1967 года:

'операции, проведенные израильскими властями, позволяют рассчитывать, что солдаты ОАР, еще не спасенные, в ближайшие часы будут собраны и получат воду и пищу'.

Израиль предложил представителям МКК провести обмен военнопленных с ОАР и др. [арабскими] странами. Ответа на это предложение еще не последовало. Тем не менее правительство Израиля позволило тысячам солдат ОАР перейти на другую сторону Суецкого канала и передало через МКК более 70 раненых египтян» (S/8003, 20 июня).

В качестве любопытной подробности стоит отметить, что цитированное выше коммюнике МКК день в день совпадает с сообщением римского корреспондента «Известий» о диаметрально противоположном коммюнике МКК. Вот это корреспондент!

Кантара вообще превратилась в какой-то нервный центр, постоянно привлекающий к себе заостренное внимание египетских властей. 21 и повторно 25 июня последовала жалоба египетского мин. ин. дел Рида генеральному секретарю ООН (S/8007 и 8017) о переброске Израилем через Кантару, под видом военнопленных, большого числа «палестинцев». Цель этой операции — уменьшение числа палестинцев в Газе для освобождения места для новых израильских иммигрантов. Израиль не замедлил ответить, что речь идет о передаче не гражданского населения, а военнопленных, что если среди них оказываются «палестинцы», то это участники так наз. Палестинской Армии Освобождения, находящейся под контролем египетских военных властей, что со стороны египетских военных властей, принимающих передаваемых, не было при передаче их никаких жалоб и что представители МКК «выразили публично свое удовлетворение и положительную оценку того, как израильские власти проводят мероприятия по заботе о военнопленных и их репатриации» (S/8019 от 27 июня).

Представители Международного Красного Креста соблюдают чрезвычайную осторожность в оценках поведения враждующих стран, чтобы не вызвать против себя

подозрения в пристрастии. Об этом нужно помнить, когда читаешь их сдержанные замечания. Каждое положительное или отрицательное замечание поэтому тем больше весит. Но в громадном количестве документов, относящихся к «шестидневной войне» и к связанным с нею событиям, я не нашел ни одного замечания, со стороны Международного КК или его представителей, хотя бы намеком говорившего о нарушении Израилем резолюции Совета Безопасности № 237, и напротив много замечаний в пользу Израиля. Вот 17 июля (1967) представитель Израиля, отвергая упрек со стороны Иордании в том, что Израиль создает затруднения возвращению на Западный берег бежавших оттуда на восток, приводит коммюнике Международного Комитета КК от 12 июля из которого стоит привести здесь отрывок:

«Поведение израильских властей в вопросах репатриации, осуществляемой под наблюдением МКК, рассматривается в Женеве, как благоприятствующее удовлетворительному решению проблем, встающих при возвращении лиц, добывающихся репатриации на территорию, контролируемую Израилем. МККК также констатирует, что израильское правительство предоставило делегатам МККК все возможности для осуществления их гуманитарных задач в этом районе» (S/8069).

17 же июля министр иностранных дел ОАР обратился с нотой в Международный Комитет КК, в котором перечислил ряд «бесчеловечных актов Израиля по отношению к пленным, раненым и гражданскому населению вообще» (S/8064). Список этот действительно производит большое впечатление. Но, отвечая через два дня на эти обвинения, представитель Израиля решительно отверг их по всем пунктам, отметив, что «представителям МКК и снабженным хорошими полномочиями корреспондентам газет и лицам, занятым филантропической деятельностью, предоставлена полная свобода передвижения по всему району, находящемуся под израильским контролем. И ни в одном случае из этих источников не было получено подтверждения обвинений, содержащихся в ноте министра иностранных дел ОАР». В частности по поводу обвинения в бомбардировке госпиталя в Эль-Арише,

последовало опровержение и от израильского правительства и от Международного Комитета КК, который произвел расследование на месте и «не мог обнаружить ни крупницы правды во всем обвинении» (S/8082).

Такого материала в документах Совета Безопасности имеется множество. Остановлюсь еще только на двух документах, особенно показательных. 27 июля (1967 г.) министр иностранных дел Иордании обратился с письмом к представителю Международного КК, в котором выдвинул против Израиля ряд чрезвычайно тяжелых обвинений в жестоком обращении с военнопленными:

«... Враг прибегал к физическим пыткам и актам насилия по отношению к пленным солдатам, включая удары ногой, хлыстом или прикладом. Некоторых солдат привязывали ремнями к стене на долгое время и кололи штыком в разных местах тела. В одном случае около ста солдат были загнаны в небольшое помещение и им грозило удушение. Когда некоторые из них пытались открыть окно, чтобы проветрить помещение, в них стреляли и по крайней мере два иорданца и один египтянин были убиты.

Что касается питания, паек был недостаточен и по количеству и по качеству: паек, выдававшийся на каждых пять солдат, едва ли был достаточен для прокормления одного.

Медицинское обслуживание раненых находилось в диком пренебрежении...

Арабские военнопленные содержались в пресловутом лагере в Атлите, в котором остро ощущался недостаток элементарных устройств для удовлетворения санитарных потребностей и насущных человеческих нужд.

В дополнение ко всему этому враги отняли у пленных их личные вещи, как часы, деньги, кольца, перья и не вернули их при репатриации...» (S/8101).

3 августа Израиль ответил на эту жалобу письмом на имя генерального секретаря ООН:

«... 5 июня, тотчас после начала военных действий, Израиль первым среди воюющих государств откликнулся на призыв президента МКК об обращении с военнопленными в согласии с Женевской конвенцией.

Немедленно после начала военных действий израильские военные силы сообщили представителям КК ко-

пии приказов, обращенных к военным всех рангов, об обязанностях, принятых на себя Израилем в связи с его участием в Женевской конвенции.

В то же время представителям КК в Израиле было предоставлено право посещать места концентрации и транзитные лагеря для военнопленных. Им было предоставлено свободно беседовать с пленными без того, чтобы при этом присутствовал израильские офицеры связи. Для облегчения работы представителей КК в их распоряжение были предоставлены наиболее эффективные и быстрые транспортные средства...

Раненые пленные находятся в госпиталях в тех же условиях, что и израильский военный персонал, и в тех же госпиталях... Представители МКК, посетившие раненых пленных, выразили свое полное удовлетворение высоким качеством их медицинского обслуживания и обращением с ними...

Что касается лагеря для военнопленных в Атлите, лагерь этот, как и все другие лагеря для военнопленных, был открыт для ежедневных посещений представителям МКК и представителям ООН, включая и представителя генерального секретаря ООН г. Гуссинга, религиозным вождям всех вероисповеданий, представителям международных гуманистических организаций, корреспондентам разных иностранных агентств печати, радио и телевидения, людям науки и искусства и военным атташе. Всем им предоставлено было свободно беседовать с пленными всех рангов, включая и представителей пленных всех рангов. Ни в одной из этих бесед никогда не было сделано даже и легкого намека на жалобы, выдвинутые сейчас иорданским министерством иностранных дел.

Пищевой паек отпускался пленным, эквивалентный по качеству и количеству пайку, отпускаемому израильским солдатам. Пищу для пленных готовят квалифицированные повара из их среды.

Личная собственность и деньги, принадлежащие пленным, возвращались им при их репатриации в присутствии представителей КК, которые наблюдали за подписанием пленными расписок о возвращении им их имущества...

Убедительные и бесспорные доказательства всего сказанного в этом письме можно найти в отчетах представителей МКК об их посещениях лагерей военнопленных и госпиталей. Отчеты представителей КК и в частно-

сти д-ра Барши, д-ра Леутольда, полк. Рубли и д-ра Берната открыты всем для проверки, в том числе и постоянному представителю Иордании» (S/8108).

К сожалению, в собственном органе МКК "International Review of the Red Cross" (есть и французское издание) сообщается об этом чрезвычайно скупое в силу отмеченной выше общей установке МКК. Из очень кратких сообщений о деятельности МКК, из месяца в месяц печатаемых в этом журнале, мы узнаем лишь, что представителям МКК предоставлено свободно всюду ходить и все наблюдать, что для них открыты не только лагеря военнопленных, но и тюрьмы, и что они всюду могут беседовать (с пленными и заключенными) без того, чтобы при этом присутствовали представители израильской администрации. До недавнего времени из общего правила о беседах представителей КК с заключенными без свидетелей делалось исключение для палестинских террористов, визиты к которым допускались лишь в присутствии кого-либо из администрации, но в начале июля 1968 года и это ограничение было снято (1968, июль, стр. 358). Один раз промелькнуло сообщение, что при посещении тюрьмы — в Наблусе в декабре 1967 года — представитель КК нашел, что «заключенные живут в удовлетворительных санитарных условиях» (1968, февраль, стр. 77); и тут же осторожно намекалось, что то же наблюдалось и в Кунейтре. Общее впечатление от всех этих замечаний, что с точки зрения МКК нет никаких оснований для обвинений против Израиля, но чтобы догадаться об этом, читатель должен знать что-то об арабских и советских обвинениях против Израиля.

Сомнений быть не может. Чрезвычайно энергично лансированные арабские, а вскоре и советские сообщения о массовых чудовищных жестокостях израильских войск — плод болезненно взвинченной фантазии арабских политиков. Они, может быть, сами оказались при этом в какой-то степени жертвами своих собственных представлений о жестокостях, которые ждали население Израиля в случае арабской победы. Конечно, были редкие случаи грабежа и насилия, совершенных израильскими солдатами. В войне, в которую втянут весь народ, это,

вероятно, в какой-то степени неизбежно. И в печати промелькнули сведения о нескольких случаях приговоров военных судов в Израиле по такого рода делам. Но в массе своей израильская армия проявила высокую моральную дисциплину, поразившую своей неожиданностью и почти всеобщностью многих наблюдателей. Этим, вероятно, объясняется, что в первые недели после окончания военных действий в заграничной печати появилось такое большое количество сообщений о гуманности израильских войск и израильской администрации; после страшных угроз, которыми так широко злоупотребляла предвоенная арабская пропаганда, от них, повидимому, ждали другого, — вероятно, с тревогой.

Вот, например, «Нью Йорк Таймс». 16 июня газета поместила ряд такого рода сообщений (все от 15 июня):

а) Корреспондент агентства «Франс-Пресс» беседовал в лагере для военнопленных Атлит (близ Хайфы) с пленным египетским генералом Медхамом Фахми. Это ветеран войн 1948 и 1956 годов, который и в этой войне был легко ранен. Он «полон похвал 'удивительному обращению' с военнопленными. 'Я этого не ожидал и скажу это им [т. е. израильскому командованию] перед отъездом'».

б) Другой корреспондент «Франс-Пресс» сообщает из Кантары, что он беседовал с д-ром Махомедом Салех из Каира, присланным в Кантару для приема выходящих из пустыни египетских солдат: «Через мои руки прошли за 36 часов около 4.500 человек. Со всеми ими израильтяне обращались в согласии с Женевской конвенцией. Я не слышал жалоб на плохое обращение».

в) Корреспондент «Юнайтед Пресс» сообщает из Кантары же о дружной работе израильских солдат и египетских врачей и сестер при переправе раненых и истощенных через канал.

г) Корреспондент «Н.И. Таймс» сообщает из Женевы, со слов представителя Красного Креста в Каире Марселя Буасара, что израильское военное командование отдало приказ оказывать «всяческую помощь» раненым египетским солдатам и всем, кто положил оружие.

д) Корреспондент «Юнайтед Пресс» сообщает из Иерусалима, что израильское командование предложило через Красный Крест обменять 4.500 египетских пленников, в том числе 9 генералов, 10 полковников и около 300 других офицеров, на 9 взятых ОАР в плен израильских военных.

Немало есть и более авторитетных заявлений:

Мэр города Хеброна Шейх Мухамед Али Джабари заявил 30 июля, что израильские солдаты не причинили никому из жителей города никакого вреда (сообщено в «Джуиш Коррентс», 1967, сентябрь, стр. 14) — Корреспондент «Обсервера» Колин Леггом писал (в номере от 9 июля):

«Несмотря на некоторое количество случаев грабежей, — совершенных арабами и евреями, — редко оккупационные армии вели себя так хорошо и с большим дружелюбием по отношению к населению, чем израильтяне. Эту похвалу я слышал от всех [арабских] меров, с которыми я говорил на Западном берегу» (цитировано у Рандольфа и Уинстона Черчиллей в «Шестидневной войне», Бостон, 1967, стр. 203).

Такого материала рассеяно в периодической печати множество. К сожалению, насколько я знаю, он нигде не собран и не обобщен.* В этой работе для такого обобщения уже нет места. Но одного вопроса все же в этой связи коснуться необходимо. Как объяснить, гуманное отношение израильтян к побежденному противнику, который вел — и сейчас ведет — против них ожесточенную, прямо отравленную пропаганду и грозился, в случае победы над Израилем, проявить ко всему его населению крайнюю жестокость? Пока нет ответа на этот вопрос, все приведенные выше сообщения невольно оставляют у читателя какие-то сомнения. Чтобы понять это кажущееся противоречие, нужно присмотреться к организации национальной обороны в Израиле.

Парадокс в организации израильской национальной обороны

Израиль это вооруженный народ. Страна, в которой, как ни в каком другом современном государстве, весь народ участвует в организации национальной обороны.

---

* В какой-то, но все же недостаточной мере это сделано в интересной книге M. S. Arnoni, "Rights and Wrongs in the Arabo-Israeli Conflict. To the Anatomy of the Forces of Progress and Reaction in the Middle East." The Minority of One Press, Passaic, N.J., 1968, chapter V: "The Politics of Humanitarianism" (pp. 145-182).

И в то же время — и это звучит парадоксом — Израиль, опять, как, может быть, никакое другое современное государство, социально-психологически и политически наименее милитаризованная страна.*

Израиль страна наиболее последовательно осуществленной всеобщей воинской повинности. Правда, с одним принципиально очень тяжелым ограничением. Всеобщая воинская повинность в Израиле это повинность только для евреев (и друзов; последние образуют отдельную воинскую часть). А арабы (кроме друзов) — и арабы-мусульмане и арабы-христиане — к военной службе не привлекаются, может быть, нужно сказать точнее: на военную службу не допускаются. Это уродство, с которым при крайне уродливых отношениях между Израилем и его арабскими соседями приходится мириться, как с неизбежностью, — в интересах государственной безопасности, но и в интересах самих арабов: при очень развитых семейных связях между арабами в Израиле и в соседних арабских странах опасность в случае войны оказаться вынужденным стрелять в своих близких очень реально вставала бы перед каждым израильским арабом, ставя его перед очень тяжелым вопросом совести.**

Но отвлечемся от ненормальности с арабами и при-

---

* Все приведенные в дальнейшем данные об организации военных сил Израйля заимствованы из книг генерала Маршалла, "Sinai Victory", Apollo edition (2nd ed.), N.Y., 1967, и английского военного писателя *Edgar O'Ballance*, "The Sinai Campaign 1956". Faber and Faber, London, 1959. Книга Маршалла предназначена для широких кругов читателей, книга О'Балланса преимущественно для военных. Очень интересная небольшая книжка швейцарского военного писателя Дэникера (*Gustav Daeniker*, "Israels Dreifrontenkrieg. Tatsachen und Lehren", Verlag Huber, Frauenfeld und Stuttgart, 1967) ставит себе задачей познакомить читателей не столько с организацией израильских вооруженных сил, сколько с некоторыми характерными чертами израильской армии, с особенностями последней арабо-израильской войны и с возможными военно-политическими выводами из нее.

За данную выше в тексте общую характеристику Израйля (Израиль — вооруженный народ, и Израиль — наименее милитаризованная страна) никто из названных авторов не отвечает.

** Выходом из этого невыносимого положения, — отмечу мимоходом, — могло бы явиться введение для арабов, вместо воинской, какой-либо трудовой повинности общественного характера на те же сроки, на которые евреи привлекаются к воинской повинности.

смотримся ближе к организации воинской повинности в Израиле «вообще».

Воинская повинность действительно носит всеобщий характер не только формально, но и на практике и не только для мужчин, но и для женщин, для тех и для других с 18 лет, для мужчин на два с половиной, для женщин на два года. О воинской повинности для женщин я расскажу ниже. Остановлюсь прежде всего на воинской повинности для мужчин.

Призываемые, — т.е. все 18-летние, — проходят испытательную комиссию, подвергающую строгой медицинской и психотехнической проверке не только их физическое состояние, но и «эмоциональную стойкость, трудовые навыки, способность к той или иной работе и к водительству (лидершип)». Ничто не остается вне внимания комиссии, но — за немногими исключениями — всех принимают: «с плоской ступней, страдающих дальтонизмом, трудно учащихся, просто неграмотных. Призывающегося не примут, только если он полный идиот, или эмоционально настолько расстроен, что не поддается спасению, или нуждается в продолжительном лечении. А то его примут и он отслужит свой срок и армия от этого не пострадает». Для него найдут место в армии и позаботятся о том, чтобы он поднялся. В течение ряда лет приемочные комиссии отклоняют всего от 7 до 10 процентов являющихся на призыв 18-летних. Достаточно сказать, что в США в годы Второй мировой войны этот процент достигал в среднем 29, а в послевоенные годы иногда подымался до 50 и выше (Маршалл, стр. 7-10).

Но с отбытием срока в два с половиной года военная служба далеко не кончается. Отслужившие основной срок зачисляются в запас и это в Израиле означает что-то гораздо большее, чем где бы то ни было. Запасные каждый год вновь являются на военную службу на 31 день подряд и кроме того на 1 день каждый месяц — для очень серьезной, часто напряженной дополнительной тренировки. Это продолжается до достижения 49-летнего возраста (О'Баланс, стр. 54-56), т.е. в течение всей наиболее активной части жизни, почти до порога старости. Все эти годы они остаются зачисленными в резервные бригады по ме-

сту жительство и между членами резервной бригады сохраняется в быту какая-то связь, а часть военного снаряжения, включая и более легкое оружие, хранится тут же в бригаде, а то и на дому у членов бригады. Эта организация запаса еще в гораздо большей степени, чем фактическая всеобщность военной службы, превращает Израиль в вооруженный народ.

Уже испытательная комиссия при призыве 18-летних выясняет, кто из них может в дальнейшем быть пригоден для направления на унтерофицерские курсы. Но до унтерофицерских курсов все должны пройти 8-недельное основное военное обучение. Самое обучение на унтерофицерских курсах продолжается после этого шесть месяцев.

Через 8 месяцев после зачисления на военную службу все солдаты (некоторые уже унтерофицеры) с показателем интеллектуальной восприимчивости (IQ) не менее 105 посылаются в центр, руководящий набором, для специального испытания и отбора для офицерских курсов. Испытания проходят анонимно (экзаменуемые выступают и перед экзаменаторами и среди экзаменуемых лишь под №) и в течение трех дней испытуемые подвергаются всесторонней физической, интеллектуальной и психотехнической проверке. Особенно большое значение придается наличности у испытуемых способности к принятию самостоятельных решений, инициативы, способности вести за собой других. Из подвергающихся испытанию комиссия обычно отбирает около 20 процентов. Они и посылаются на офицерские курсы, обучение на которых продолжается год. Кроме общего курса будущие офицеры часто проходят дополнительные один или несколько специальных курсов меньшей продолжительности. Все будущие офицеры принимают с самого начала обязательство оставаться на службе после окончания обязательных двух с половиной лет не менее года. После этого они переходят в запас или остаются и далее на службе уже в качестве профессионалов. Общее количество постоянных кадров (офицеров и унтерофицеров) достигало во второй половине 50-тых годов 12.000 (данные О'Балланса, стр. 53). Вместе с контингентами по набору (за два с по-

ловиной года) они и составляют регулярную армию. Остальное запас.

Никакого другого пути к офицерству нет. Все будущие офицеры проходят общий набор и первоначальное военное обучение, потом унтерофицерские курсы и, наконец, отбор в центральной комиссии и офицерские курсы. Ни семейные связи (дети военных), ни образовательный ценз ничего в этом не могут изменить.

Это придает резко выраженный демократический характер израильскому офицерству, особенно младшим офицерам. К этому нужно добавить, что офицеры не имеют в Израиле специальных привилегий, обычных в большинстве других стран. Офицеры получают то же пищевое довольствие, что и солдаты; особых офицерских столовых не существует. Нет в Израиле и состоящих при офицерах солдат для личных услуг («ординарцев», «вестовых», «денщиков»). Отношения между солдатами и молодыми офицерами сплошь и рядом очень простые и не только офицер называет солдата по имени, но и солдат часто называет по имени своего непосредственного начальника. И это не только в резервных, но и в регулярных частях.

Упомяну еще одну особенность израильского военного быта, казалось бы даже не необходимую для сохранения демократического характера армии: Израиль, а значит и армия, не знает орденов.

Есть и еще одна черта у израильского офицерства, которая чрезвычайно благоприятствует развитию его популярности. Офицерство воспитывается в духе формулы «за мной» (Ее особенно энергично прививал Даян, после того как в 1953 году он стал начальником Генерального Штаба). Офицер не посылает свою часть вперед, а сам идет впереди ее и подвергается наибольшей опасности. Не случайно из 679 убитых во время «шестидневной войны» около 200, тридцать процентов, составляли офицеры (Деникер, стр. 27-28).

Все это говорит о том, что Израиль никогда не дает своей армии забыть о ее неразрывной связи с народом и тем сохраняет в ней лучшие человеческие черты. Вот почему для милитаристских настроений военной исклю-

чительности и в конце концов создания в стране военной касты и, может быть, и военной власти в Израиле нет почвы.

В том же направлении действует и еще одна особенность в организации национальной обороны в Израиле. Выше уже упоминалось, что воинская повинность является в Израиле всеобщей не только для мужчин, но и для женщин. В этом отношении Израиль занимает особое место: обязательной женской воинской повинности нет нигде в мире. И это сказывается — и, надо признать, сказывается благотворно — на общем облике израильской армии.

Организация воинской повинности для женщин имеет свои особенности. Повинность эта для женщин несколько смягчена. Прежде всего как уже было отмечено выше, молодые девушки призываются на более короткий срок: не на два с половиной, а на два года.* Гораздо важнее, что в запасе они остаются не до 49, а до 34 лет. Несколько легче и порядок прохождения ими военной службы. Все они проходят шестинедельное (не восьминедельное) первоначальное военное обучение, но после этого несут в основном не строго военные, а по существу вспомогательные для армии обязанности. Основная идея при этом — освободить возможно большее количество мужчин для чисто военной деятельности. После первоначального военного обучения женщины-солдаты, опять в течение шести недель, проходят специальное обучение по той работе, которую им предстоит исполнять; намеченные к переводу в унтерофицеры проходят еще затем в течение двух с половиной месяцев унтерофицерскую школу (Маршалл, стр. 244-245).

Женщины работают в армии машинистками, секретарями, связистами, регулировщиками (на дорогах), но несут и патрульную службу (с оружием), особенно в поселках близ границы, и, конечно, работают медицинскими сестрами и санитарками и, особенно в мирное время, учительницами. В Израиле это особенно важная задача

---

* Если девушка ко времени призыва уже вышла замуж, она все же призывается на службу, но после шестинедельного первоначального обучения увольняется в запас.

— при громадном притоке в страну иммигрантов, особенно из азиатских и африканских стран, с очень низким уровнем образования, не знающих или почти не знающих иврит, а то и просто неграмотных. Армия проводит с ними огромную работу и за годы службы все они подымаются до среднего уровня (некоторые выше). Эта работа лежит главным образом на тех из мобилизованных молодых женщин, которые успели до призыва закончить среднюю школу.

Следует еще отметить: женщины, как правило, не привлекаются к работе на кухне.

О'Балланс приводит и процент женщин в армии (во второй половине пятидесятых годов): чрезвычайно высокий — 47%, даже выше, чем это отвечает нужде: Главный Штаб считал бы достаточным 25%. Но широкая женская воинская повинность отвечает традиции, идущей еще от нелегальной Хаганы, в которой женщины, — правда, в значительно меньшем числе, чем мужчины, — принимали участие и в боевой деятельности. Идею женской военной службы особенно энергично отстаивал в годы формирования Израиля Бен-Гурион, который видел в этом возможность поднять авторитет женщины в обществе, поднять и ее самосознание и — чем Бен-Гурион особенно дорожил — поднять авторитет женщины в семье (О'Балланс, стр. 63).

Объединенные в специальный женский корпус, женщины широко привлекаются к работе не только в тыловых и полу-тыловых частях, но вкрапываются повсюду и в передовые части. Такова принципиальная установка в организации женской военной службы.

Интересны наблюдения Дэникера (непосредственно после окончания военных действий) о женщинах в армии:

«От Измаилии (у Суецкого канала) до Кунейтры (в Сирии) всюду в войсковых частях встречаешь женщин-солдат. Они нужны тут. Вечерами солдаты собираются у костра. Танцуют, поют, флиртуют. Традиция кибуца продолжает жить. Видение мирной жизни, за которую он борется, нигде не покидает израильского солдата. И это приводит не к ослаблению дисциплины (*Verweichung*), а, напротив, к тому, что в этой армии нет трусов. Никто не хочет срамиться на глазах у этих девушек» (стр. 31).

Так же по существу высказывается и Маршалл:

«Присутствие женщин в зоне огня оказывает положительное влияние на моральное состояние вооруженных сил... Сотрудничество между мужчинами и женщинами характеризуется духом товарищества и взаимной помощи, уважения к чувству собственного достоинства другого и общей благопристойности. Мужчины не протезируют женщинам и не относятся к ним покровительственно. Взаимоотношения между теми и другими носят естественный характер и лишены напряженности, как если бы это происходило в колледже» (Маршалл, стр. 241-242).

Заслуживают внимания и замечания Дэникера в этой связи о «боевом духе и человечности»:

«Человеческое тепло, которое излучает эта армия, оправдало себя в особенности в час победы. Не чувствуется никакой заносчивости, никакой навязчивости по отношению к населению. Нужно было видеть, как эта армия ведет себя в оккупированных областях без тени вызывающего отношения к населению; как тотчас по окончании боев она оказалась способной к установлению с местным населением нормальных отношений. Как это случилось, что эти солдаты, вчера еще так упорно и беззаветно воевавшие, непосредственно после окончания боев в такой мере считаются с противником? 'У нас нет ненависти к ним' — всегда слышишь в ответ. — Было время, когда израильским детям в школах пытались прививать ненависть к арабам, как это арабы и сейчас делают по отношению к израильтянам. Но большинство народа отвергло это. 'Мы знаем, что нам нужно жить с ними. И каждый знает это в армии так же хорошо, как любой политик или дипломат'...» (стр. 31-32).

Для выяснения настроений израильской армии во время войны у нас имеется сейчас еще один источник. В начале 1968 года в Израиле вышла книга, которая позволяет заглянуть в душу израильского солдата, пережившего войну, и лучше понять поведение его во время войны. Это «Сиах Лохамим» («Солдаты говорят»), записанные на ленту беседы кибуцников о пережитом во время войны, в которой они сами участвовали, частью в роли младших офицеров, и об их выводах из пережитого опы-

та. Правда, кибуцники это только небольшая часть населения Израиля — всего 4%, но роль их в войне была гораздо значительнее, чем можно судить по этой цифре. Это сказалось прежде всего в гораздо более высоком проценте кибуцников среди офицеров и унтерофицеров, что нашло свое выражение в очень большом проценте кибуцников среди убитых на войне — 24%!* — Книга эта первоначально имела в виду лишь читателей-кибуцников, но сразу по выходе в свет она привлекла к себе внимание и вскоре стала тем, что в США называется бестселлер. В ближайшее время она должна появиться и по английски; английский перевод одной ее главы появился в «Мидстрим», июнь-июль 1968 г., (стр. 16-32), что дает возможность и не владеющим иврит частично познакомиться с этой книгой.

Бросается прежде всего в глаза, что многие, принявшие участие в этих беседах, тяжело пережили во время войны необходимость убивать или, возможно, сейчас ретроспективно тяжело это переживают. И сейчас их тревожит вопрос: «Как избежать того, чтобы превратиться в милитариста? Как сохранить уважение к человеческой личности, не превратиться в завоевателя, не начать ненавидеть арабов?» (стр. 21). Беседующие с удовлетворением вспоминают случаи из своего военного опыта, когда в трудной обстановке войны они наблюдали проявления человечности. Почти каждый может вспомнить такого рода случаи. Гили рассказывает о взятии Наблуса:

«Израильтяне обошли Наблус и вошли в него с востока; население в первый момент приняло их за иракцев, пришедших им на помощь, и встретило их восторженно; в окружившей их толпе было много вооруженных. Я спросил батальонного командира, не нужно ли открыть огонь. Он ответил: 'Не стреляйте'. Если бы мы стреляли, город бы, вероятно, немедленно сдался и те, кто вскоре погибли, оставались бы в живых. Но мы шли вперед без выстрела. Батальонный командир обратился еще по полковому телефону к моей роте: 'Не трогайте гражданского населения. Я предостерегаю вас, чтобы кровь не пала на

---

* Обе цифры приводятся в редакционном предисловии к главе из «Солдаты говорят» в «Мидстрим», стр. 16.

ваши головы 'Дамчем бе-рошем' (это библейское выражение несколько переиначенное применительно к современному иврит)... Но арабы очень скоро заметили свою ошибку, разбежались и начали с крыш обстреливать нас. Стрельба в городе продолжалась до 6 часов вечера и были жертвы».

Но рассказывающий, вспоминая это, не упрекает батальонного командира, а почти восхищается им: «Это было поразительно, вы этого не увидели бы ни в какой другой армии» (стр. 21-22).

Другой (Эли) рассказывает о своих наблюдениях в Синае. «Убивать было тяжелой необходимостью; 90 процентов это так и понимали и, может быть, десять процентов убивали охотно. Случай, о котором рассказал Гили, мог бы произойти и у нас: старший офицер приложил бы много усилий, чтобы не допустить до убийств. В конечном счете и наш батальон вел себя так же» (стр. 25-26).

Третий (Нахман) рассказывает о том, как был занят Иенин. «В тот самый день, когда мы видели, как многие из наших друзей пали рядом с нами, мы натолкнулись на колонну беженцев, которые брели за своими повозками. Наши люди отдали им свою воду и продовольствие, свой боевой паек» (стр. 27). — Кибуцники, как крестьяне, оказывались часто восприимчивы еще и к другому: «Я видел опустевшие деревни, страшную картину, когда все брошено посреди работы; опустевшие сады, пустые амбары, скот бродит вокруг и ужасно мычит и блеет, мучимый жаждой» (там же).

Это, конечно, не были всеобщие настроения, но по всем данным они не были и редки и там, где они возникли, они встречали очень широкий отклик и как бы естественно вырастали из общего душевного строя армии.

Армия, в которой это было возможно, не могла стать носителем массовых актов жестокости и варварства.

VII. НЕСКОЛЬКО ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

Война формально была окончена 12 июня 1967 года, но фактически в каком-то приглушенном виде война продолжается и опасность возобновления ее и формально становится реальной. После долгих усилий Совет Безопасности принял 22 ноября 1967 года резолюцию, которая могла бы стать основой мира. Но со времени принятия этой резолюции прошло более полутора года, а со времени окончания войны два года, а от мира еще и сейчас далеко, может быть, даже дальше, чем было, когда Совет Безопасности принимал свою резолюцию.

Решающим препятствием для достижения мира является принципиально непримиримая позиция арабских стран в основном вопросе — в вопросе о праве Израиля на существование: Израиль — «узурпатор», «вторженец», самый факт возникновения Израиля это «акт агрессии». Если это верно, то мирного выхода из создавшегося чрезвычайно напряженного и опасного положения вообще нет.

Но нет более тяжелой ошибки. Вопрос о праве Израиля на существование не должен вызывать сомнений. И не потому, что Объединенные Нации приняли решение о создании государства Израиль. Государство может возникнуть и таким путем — путем авторитетного решения организации объединенных государств мира, т.е. Объединенных Наций; такое решение может при определенных условиях иметь правотворческий характер и новое государство может возникнуть так сказать на пустом месте. Но с Израилем вопрос стоит иначе. Израиль возник в силу **исторического права** евреев на государство в Палестине и признание его Объединенными Нациями это лишь заключительный акт многовекового исторического процесса.

Об историческом праве евреев на Палестину

Историческое право евреев на государство в Палестине это право, возникшее из исторического факта. Еврейское государство первоначально возникло в Палестине так, как во второй половине Второго тысячелетия до нашей эры возникали государства в этой части мира: путем развития на определенной территории кочевого племени в оседлое и упрочения его, как постоянного общественного коллектива, среди окружающих его кочевых, полuosедлых и оседлых племен. Зачаточное государство развивалось, испытывая на себе влияния более развитых государств: ассирийского и вавилонского на востоке и египетского на западе, и на пороге первого тысячелетия до нашей эры в нем уже сложилась относительно прочная государственная структура с наследственным царем во главе и с сильными элементами теократического государства, внешним выражением чего был исключительный авторитет монументального храма в Иерусалиме. Правда, молодое государство не выдержало внутренних напряжений и вскоре разделилось на два еврейских государства — Израиль с Самарией к северу и Иудею с Иерусалимом к югу, — и Израиль уже в VIII веке до нашей эры был покорен Ассирией (падение Самарии в 720 г.), значительная часть населения его была уведена в плен, заменена на месте переселенцами из других покоренных Ассирией племен, которые, смешавшись с остатками израильтян, создали новое племя самаритян, развивавшееся в дальнейшем — и с государственной, и с религиозной стороны — как племя, уже чуждое, а то и прямо враждебное иудеям. Но южное еврейское государство — Иудея — продержалось еще почти полтора столетия, было покорено Вавилоном в 586 году до нашей эры, храм в Иерусалиме был разрушен и значительная часть населения уведена в вавилонский плен. Но уже при этом первом крушении Иудеи очень скоро обнаружилось, что процесс образования еврейской нации зашел в Иудее настолько далеко, что приобрел почти необратимый характер. Дубнов пишет об этом:

«Не в разоренной Невухадрецом [мое поколение знало его, как Навуходоносора] Иудее, где осталось пре-

имущественно бедное сельское население, а в 'стране пленна' — Вавилонии, где очутилась умственная и родовая аристократия народа, совершился на первых порах тот процесс духовного обновления, который спас **нацию** после крушения **государства**. Оторванные от родины и все же объединенные общими чувствами, верованиями, обычаями и надеждами на будущее, иудейские изгнанники впервые постигли глубокую идею своих пророков: что главная сила нации не в оружии, государстве и даже территории, а в духовном единении. Они жили на берегах Евфрата тесной семьей, не смешиваясь с туземцами и ревностно оберегая свою самобытную культуру. На чужбине инстинкт национального самосохранения усилился, и среди пленников Вавилонии царило большее единодушие, чем раньше среди свободных жителей Иерусалима» (С. М. Дубнов «Всемирная история еврейского народа», т. I, 3-ье изд., Берлин, 1924 г., стр. 306-307).*

Это в вавилонском плену, в середине VI века до н.э., были написаны знаменательные строки:

«Пусть отсохнет рука моя,
Если я забуду тебя, Иерусалим» (Псалмы, 137).

Счастлирое стечение обстоятельств — разгром Вавилона в войне с Персией — позволило иудеям через полвека (в 537 году) вернуться на родину и восстановить свою государственность, правда, уже только в виде персидской провинции, но с широкой духовной и в какой-то мере и политической автономией.

Два века жила Иудея под сравнительно сдержанным персидским владычеством, оставлявшим широкие рамки для национального развития. В IV веке опять перевернулась страница истории. Начали быстро закатываться восточные монархии — Ассирия, Вавилон, Персия, Египет, — не выдержавшие натиска Запада, сначала греческого мира с Александром Македонским во главе, еще через два века всепобеждающего Рима. Евреи в очень

---

* 1-ым и 2-ым томами «Всеобщей истории еврейского народа» С. Дубнова я пользовался в русском издании. Русского издания 3-го тома в моем распоряжении при составлении этой работы не было и я пользовался немецким изданием в превосходном переводе А. З. Штейнберга.

напряженной и драматической обстановке закончили первое тысячелетие своего исторического существования.

Молниеносное завоевание Александром Македонским Передней Азии и Египта началось в 332 году до н.э. и в том же году он вступил в Иерусалим, сдавшийся ему без боя и сохранивший свою автономию. Но в 323 году Александр внезапно умер в Вавилоне и его империя стала предметом борьбы между его военачальниками. Основным итогом этой борьбы было создание двух больших империй — греко-египетской империи Птолемеев с центром в Александрии и греко-сирийской империи Селевкидов с центром в Антиохии. Палестина сначала стала достоянием Птолемеев, с 198 года до н.э. перешла под власть Селевкидов. И те, и другие проявляли сначала известную терпимость к Иудее и иудаизму, позже — в особенности при Антиохе IV Эпифане (175-164) — Иудея подверглась жестокой эллинизации и принудительному введению эллинского многобожия. Эта политика вызывала возмущение значительной части иудеев, постоянно прорывавшееся восстаниями, из которых восстание, возникшее в 167 году под руководством священника Маттатия из рода Хасмонеев и его пяти сыновей, с третьим сыном Иудой Маккавеем во главе, приобрело очень широкий и длительный характер и, прерываясь годами полу-мира, завершилось в 140 году до нашей эры окончательной победой восставших (отчасти благодаря династическим раздорам в среде Селевкидов) и восстановлением полной независимости Иудеи. Последний из оставшихся в живых братьев Маккавеев (все они, по Иуде, начала называться Маккавеями) — Симон Хасмоней — был избран первосвященником и князем и положил начало династии Хасмонеев, в течение почти 80 лет правившей независимой Иудеей. За эти годы Иудея значительно раздвинула свои границы, добившись включения в ее состав Самарии, Галилеи, Трансиордании, Идумеи и части колонизированной греческими переселенцами присредиземноморской полосы, ассимилировав их разноплеменное семитское население, кроме эллинизированной его части и кроме сохранивших свою не так давно приобретенную национальную индивидуальность самаритян.

Рим за эти годы стал властелином мира. В 65 году до Р. Х. Помпей выступил на завоевание Передней Азии и Египта. Под его ударами рухнули империи Селевкидов и Птолемеев. В 63 году он занял и Иерусалим, и Иудея опять должна была подчиниться иностранному протекторату, идущему уже гораздо дальше, чем шла власть Птолемеев и Селевкидов. Но в ней все еще сохранялась относительно значительная автономия религиозной власти с объединением в одном лице первосвященника и князя (уже не царя а «этнарха»). Это сделало возможным продолжение еще на короткий период национальной династии Хасмонеев. В 37 году до Р. Х. и это кончилось, и римским сенатом был утвержден царем Иудеи Ирод первый, полу-иудей, выходец из иудаизированного племени эдомитов (населения бывшей Идумии), положивший начало новой династии. Но хотя Ирод и его преемники стремились верно служить Риму, все же даже и при этой династии Иудея еще в какой-то мере сохранялась, как еврейское государство.

В 6 году нашей эры положение еще ухудшилось. Иудея непосредственно была подчинена власти римских наместников (прокураторов). Отношения между народом и римской властью принимали все более обостренный характер, в значительной мере на почве борьбы против попыток римских наместников включить в еврейский религиозный обиход поклонение римским богам, а вскоре и обожествление римских императоров. Растущее недовольство прорывалось опять то тут, то там попытками восстания, жестоко подавлявшимися римлянами. В 66 году началась уже подлинная война с Римом в собственно Иудее и Галилее. Война началась изгнанием римского гарнизона из Иерусалима, затянулась на несколько лет, приняла очень упорный характер и закончилась в 70 году взятием и сожжением Иерусалима, разрушением храма и частью уводом в рабство, частью бегством почти всего населения Иерусалима. Несколько укрепленных пунктов еще продолжали сопротивление. Последней пала — в 73 году — крепость Массادا в горах над Мертвым морем: когда после продолжительной осады дальнейшая защита крепости из-за усиливающегося голода стала невозмож-

ной, осажденные бойцы — около 1.000 человек — сначала убили своих жен и детей, последовавших за ними, когда они ушли в крепость, а затем все покончили с собой. В живых остались только две женщины и пятеро детей, спрятавшиеся в пещере. Это была последняя героическая страница многовековой и бурной истории Иудеи. Иудея, как государство, сошла с исторической сцены.

Но гибель государства далеко еще не означала конца нации.

Не только национальности, но и нации. Это гораздо больше, чем национальность. Национальность в основном понятие социологическое и социально-психологическое, нация понятие политическое и правовое. Национальность это исторически сложившееся единство, далеко выходящее за рамки племени, из которого оно возникло, часто в своем большинстве связанное с определенной территорией и стремящееся стать, а то и становящееся нацией. В этом последнем случае национальность и нация могут совпадать. Евреи в США, Франции, Советском Союзе, Англии — всюду входят соответственно в состав американской, французской, советской, английской нации и все вместе — вместе с евреями в Израиле и в других странах — составляют еврейскую национальность. Но только еврей-израильские граждане составляют еврейскую, вернее, израильскую нацию, точнее: израильскую нацию составляют израильские евреи вместе с не-евреями, являющимися гражданами Израиля.*

---

* Проблематике нация-национальность посвящена моя статья «Нация и национальность» в сборнике № 2 «Социалистического Вестника» (1964 г., октябрь, стр. 24-38). Сложность этой проблематики показана здесь на нескольких современных примерах: Кипра, Палестины, черной Африки и Советского Союза.

Изложенное выше понимание терминов нация и национальность далеко не общепризнано, что часто приводит к путанице понятий. В краткой истории арабов Бернарда Льюиса, в целом замечательной книге, сирийцы и ливанцы, иракцы и иорданцы, сауди-арабы и иемниты, ливийцы и суданцы и тунисцы и другие всё это лица, принадлежащие каждый к своей национальности и только арабы могли бы стать нацией, если бы они стали «национальностью в юридическом смысле», т.е. если бы они образовали «единое арабское государство, в котором каждый араб был бы его гражданином» (Bernard Lewis "The Arabs in History", 4th edition, 1966, London, p. 9). Фактически

Но вернемся к нашему краткому историческому анализу. Гибель Иудеи в 70 году была гибелью еврейского государства, но еще долго евреи сохранялись, как нация, — не только как национальность, национальностью они никогда не переставали быть, но как нация. На этом необходимо остановиться.

Иудея представляет, кажется, единственный пример в истории, когда нация, сложившаяся в тесной связи с определенной территорией, очень рано далеко вышла за ее пределы, всюду в какой-то мере оставаясь нацией, т.е. в сознании людей — и принадлежащих, и не принадлежащих к ней — оставаясь формально связанной с территорией, на которой она возникла. В этом и было своеобразие еврейской диаспоры.³³

В древности диаспора была распространенным явлением: почти всюду вокруг Средиземного моря — и часто далеко от него — создавались греческие и финикийские поселения, составившие греческую и финикийскую диаспору. Но греческие и финикийские «колонии», оставаясь культурно связанными с «метрополией», не чувствовали себя частями одного с нею целого и жили, как самостоятельные политические единицы, организованные обычно на олигархических или демократических началах. А разбросанная чрезвычайно широко еврейская диаспора оставалась и формально своеобразно связанной с Иудеей и с Иерусалимом. И не только самим евреям в диаспоре это казалось само собой понятным: евреи в диаспоре не только совершали к большим праздникам паломничество в Иерусалим — и многие считали для себя обязательным проводить праздники в Иерусалиме,³⁴ но и считали себя обязанными уплачивать — и уплачивали — ежегодный налог (диадрахму, шекел) в пользу иерусалимского храма. И что еще поразительнее, — римские власти в странах диаспоры считали все это нормальным и иногда обеспечивали законом сбор евреями специального налога в пользу храма и сурово карали, как святотатство, всякое

это словоупотребление упраздняет понятие нации, заменяя его понятием «национальности в юридическом смысле». Ну, а пока нет арабов, как «национальности в юридическом смысле», что же арабы нация или национальность?

посягательство на эти «священные деньги». (Барон, т. 1, стр. 215, 245, 393 пр. 7).

Разрушение иерусалимского храма и уничтожение Иерусалима положили конец паломничеству в Иерусалим и изменили принципиальный характер сбора диадрахмы. Римские власти пытались сохранить этот специальный еврейский налог, придав ему другое назначение: вместо иерусалимского храма он теперь должен был поступать в пользу храма Юпитера Капитолийского в Риме (Шюрер, т. 2, стр. 315, Дубнов, т. 3, стр. 20-21). Попытка сохранить этот налог в такой оскорбительной форме имела лишь временный и ограниченный успех и придала пережитой евреями национальной катастрофе особенно болезненный характер.

С Иерусалимом на долгий период было покончено, но сознание национального единства, несмотря ни на что, было спасено. Еще незадолго до падения Иерусалима, когда неизбежность падения Иудеи стала очевидной, в Явно (греческой Явнии) близ Яффы, собралась небольшая группа вероучителей с Иохананом бен Сакки во главе, последним пережившим падение Иерусалима членом Иерусалимского синедриона и последним уцелевшим учеником Гилеля. Иоханан создал в Явно своеобразный суррогат синедриона и добился от римлян полутерпимого к нему отношения. Преемник его Гамалиель II, внук Гамалиеля I, последнего иерусалимского первосвященника из рода Гилеля, добился того, что Рим признал его патриархом — не Иудеи и не Палестины, а патриархом евреев (иудеев) вообще в римской империи — с сохранением патриаршества в качестве наследственной власти в династии Гилеля, что дало ей возможность сохраниться до начала пятого века (формально до 425 года).

Со времени падения Иудеи начался особенно тяжелый период в истории еврейства.* Евреи, единственный

---

* Для того, чтобы убить в зародыше мысль о восстановлении еврейского государства, вскоре после разрушения храма был издан приказ разыскать и уничтожить всех потомков царя Давида, и в конце века — при Домициане — это распоряжение было повторено и строго проводилось в жизнь. См. Дубнов, т. 3, стр. 24, Жюстер, т. 2, стр. 392-393, прим. 4. — В это же время из римских документов

народ в Передний Азии отвергавший многобожие и в его римской и греческой формах, особенно чувствительно относившийся к стеснению его религиозной свободы, с трудом мирились с создавшейся обстановкой. Народное недовольство прорывалось многочисленными восстаниями, сначала в Египте и Киренаике — еще в конце первого века при Домициане — затем и в других частях диаспоры и в самой Палестине, с особенным размахом при Траяне и его преемнике Адриане. Началось еще в 114/115 годах при Траяне и приняло в Египте, Киренаике и на Кипре характер подлинной войны, отличавшейся чрезвычайной напряженностью со множеством жертв с обеих сторон. Перекинувшееся в Палестину, движение все расширялось и в 132 году превратилось во всенародную войну с Римом с народными вождями Бар-Кохбой и Рабби Акибой во главе, закончившуюся в 135 году полным разгромом повстанцев. Чтобы вытравить самую память о Иерусалиме, на перепаханной иерусалимской почве решено было создать новый город римского образца, *Aelia Capitolina*, и заселить его римскими ветеранами с запрещением евреям под страхом смертной казни появляться в бывшем районе Иерусалима.*

В годы открытой иудейско-римской войны роль патриарха, как национального центра, свелась почти на нет. Но после восстановления какого-то приглушенного мира около 140 года на совещании в Уше в Галилее патриархат был восстановлен с Симоном, сыном Гамалиэля Второго, во главе. Резиденция патриарха была позже перенесена в Тиверию, где и оставалась до конца.

Самое существование патриархата содействовало исчезло название Иудея и оно было заменено новым: *Syria Palaestina* (Дубнов, т. 3, стр. 115), т.е. филистимская Сирия.

* См. Дубнов, т. 3, стр. 62. При преемнике Адриана Антонине Пие анти-еврейское законодательство Адриана было смягчено, но строгий запрет евреям появляться в Иерусалиме — под страхом смертной казни — оставался в силе (Дубнов, т. 3, стр. 116). Прошло еще почти столетие, пока местные власти начали проявлять в этом вопросе проблески мягкости. Во второй половине третьего века власти иногда смотрели сквозь пальцы на приезд в Иерусалим еврейских паломников и к концу этого века, по некоторым данным, даже создалась в Иерусалиме небольшая еврейская колония (Дубнов, т. 3, стр. 147).

хранению еврейского национального сознания. Но это не могло удержать патриархат в последние полтора века его существования от постепенного заката. Его политическая роль, роль его как центра еврейской нации, уже в начале четвертого века нашей эры свелась почти к нулю и за ним оставалась в основном лишь роль религиозного центра.

Численность евреев в Палестине при разгроме Иудеи резко сократилась, но все же евреи еще в течение веков оставались в Палестине значительным меньшинством, в Галилее даже большинством. Каким тяжелым гнетом ни ложилось на евреев в Палестине римское и позже византийское господство, евреи долго цепко держались за палестинскую землю. В сирийской биографии монаха Барзаума, относящейся к первой половине V века, когда мусульманства еще не существовало, а языческое население Палестины в подавляющем большинстве приняло христианство (в разных его вариантах), мы читаем:

«Христиане были (в это время) немногочисленны в этих странах (Палестине, Финикии и Аравии); евреи и самаритяне господствовали в этом районе» (Цитировано в "Three Historical Memoranda" of The General Council (Vaad Leumi) of the Jewish Community of Palestine to the UN Special Committee on Palestine (UNSCOP), 1947, p. 22). — (Здесь приводится еще ряд аналогичных высказываний христианских авторов этого периода).

В середине IV века (в 351 г.) опять было восстание евреев в Тиверии, Лидде и Сопфорис, подавленное оставшей традиционной жестокостью. В V и VI веках восстания участвовали, особенно восстания самаритян, которым христианская Византия настойчиво напоминала об их еврействе. С 484 до 556 был целый ряд таких самаритянских восстаний, особенно упорное в 529 году, когда самаритяне потеряли около 20.000 убитыми и столько же уведенными в рабство.*

В 614 году, при войне Византии с Персией, во время вторжения персов в Палестину, евреи значительной части

---

* См. *James Parkes* "A History of Palestine from 135 A.D. to Modern Times", Oxford University Press. New York, 1949, 79-80. — "Three Historical Memoranda", p. 23.

Палестины восстали и присоединились к персам. Численность палестинских евреев в персидских войсках определяется в исторических источниках того времени в 20-26 тысяч, что приводит историков к заключению, что евреев в тогдашней Палестине было не менее 200-250 тысяч (Паркес, стр. 65). Как ни спорны все эти цифры, самый факт, что палестинские евреи в большом числе приняли участие в войне на стороне персов, говорит о наличии еще в Палестине в этот период значительных масс евреев и о готовности их бороться против византийского угнетения.

Но персидский интервал продолжался лишь 13 лет. Вернулись византийцы, вытеснили персов и жестоко расправились с евреями. К тому времени, когда через десятилетие — в 637 году — началось арабское завоевание, численность евреев в Палестине опять резко сократилась.

Может быть, потому, что этот период нового византийского господства был очень короток, последствия его для евреев не были так опустошительны, как это могло бы быть. Говоря о положении евреев в Палестине ко времени арабского завоевания новейший историк пишет: «Евреи продолжали жить во всех частях страны в городах и деревнях, занимаясь сельским хозяйством и разными ремеслами. В течение VII и VIII веков Тиверия оставалось их центром, но вскоре после арабского завоевания евреи начали возвращаться в Иерусалим... Значительные еврейские общины были в таких городах, как Аскалон, Цезаря и прежде всего Газа, которая для евреев южной части Палестины стала как бы столицей, пока для них оставался закрытым доступ в Иерусалим» (Паркес, стр. 94).

VII и VIII века были периодом значительного экономического и культурного подъема в странах халифата. Подъем в Палестине захватил и евреев. Их духовная и религиозная жизнь прошла период нового относительного расцвета, и глава раввинской академии в Тиверии («гаон») получил широкое и частью и официальное признание (Там же, стр. 95). Но в IX веке, еще задолго до прихода крестоносцев, развитие это было прервано благодаря раздорам в руководящих арабских кругах (распад един-

ства халифата) и растущей угрозе со стороны турок, и за X и XI столетия продолжало ухудшаться. В конце XI века произошло событие, тяжело сказавшееся на судьбе евреев: в 1098 г. Палестина была завоевана крестоносцами с их резкой враждебностью к евреям, особенно бурно сказавшейся в первые десятилетия их власти. О численности евреев в Палестине во второй половине XII века, к концу первого столетия господства крестоносцев сохранилось свидетельство образованного путешественника, испанского еврея Веньямина из Туделы, посетившего в 1165-1173 года ряд стран Южной Европы, Азии и Африки, всюду подробно знакомясь с положением евреев. Большие еврейские общины сохранились к этому времени в Азии только в странах с мусульманской властью. Напротив, в Палестине, по его подсчетам, во всей стране было лишь около 1.100 еврейских семейств, почти в три раза меньше, чем в оставшемся под арабской властью Дамаском. Еще через столетие — в 1267 году — переселившийся в Палестину ученый испанский еврей Нахманидес (или Нахмани) обнаружил в Иерусалиме около 2.000 мусульман, около 300 христиан и только одну или две еврейских семьи (См. G. Hoelscher "Die Geschichte der Juden in Palestina seit dem Jahre 70 nach Chr.", Leipzig, 1909, SS. 41-44).

Но власть крестоносцев оказалась недолговечной. Уже к концу первого столетия их господства — в 1187 году — им был нанесен тяжелый удар. Египетско-сирийские войска под командой курда Саладина разбили крестоносцев и вытеснили их из большей части Палестины, так что крестоносцы временно сохраняли власть только в части приморской полосы, пока в 1291 году не пала и Акра, последний оплот крестоносцев в Палестине.

Но власть халифов уже клонилась к упадку. Саладин, которому победа над крестоносцами создала исключительный авторитет, сумел на время задержать этот процесс. Но когда в 1193 году Саладин умер и власть перешла к созданной им династии Аюбидов, династия эта сумела продержаться лишь до середины XIII века, когда ее вытеснили мамелюкские султаны, правившие Египтом, Палестиной и Сирией, опираясь на армию, состоявшую из

специально с юных лет воспитанных для войны и для власти рабов («мамелюков»),* часто поднимавших на трон и свергавших султанов; и за 267 лет господства мамелюков число султанов достигло 47. О характере власти мамелюков говорит уже тот факт, что за два с половиной века их господства население Египта, Палестины и Сирии сократилось на две трети. Но они сумели остановить нашествие монголов и — это поразительный исторический парадокс — превратили Каир в один из самых великолепных в средние века городов в мире (Паркес, стр. 139).

Но в 1517 году мамелюкская империя рухнула под ударами османских турок, которые после этого с переменным успехом владели огромной территорией восточного Средиземноморья — до конца Первой мировой войны.

Период господства крестоносцев в Палестине совпал с началом жестоких гонений на евреев в христианской Европе, породивших в широких кругах в еврейской диаспоре тягу к переселению в Палестину, — несмотря на страх, который им внушали крестоносцы. Со стороны европейских правительств это не встречало благоприятного к себе отношения, а в XV веке папа даже прямо запретил переселение в Палестину (Гэльшер, стр. 47). Осуществление переселения часто оказывалось возможным лишь сухим путем, трудным и дорогим, вдоль североафриканского берега Средиземного моря. Трудно даже представить себе, чтобы переселение в этих условиях могло осуществляться в массовых масштабах. Правда, переселение иногда облегчалось положительным отношением к нему мусульманских правительств. В Палестине Саладин (может быть под влиянием своего врача — Маймонида) после победы над крестоносцами прямо поощрял ре-эмиграцию евреев в Палестину.** Этой политики придерживались и его преемники и позже османские тур-

---

* Мамелюки составляли господствующую касту, но самое слово мамелюк означало раб, вернее «составляющий собственность» (в отличие от просто рабов, самого низшего слоя тогдашнего общества). См. Паркес, стр. 155. Льюис, стр. 146.

** См. "The Historical Connection of the Jewish People with Palestine", report of the Jewish Agency of Palestine to the UNSCOP ("Submissions", vol. IV), p. 22.

ки, особенно после занятия ими в 1453 году Константинополя (Там же, стр. 24). Турецкие султаны твердо держались этой политики до последней четверти XVI века, до вступления на султанский престол Мурада III, первого турецкого султана, резко враждебного евреям (Гэльшер, стр. 56). Но решающим все же оставалось отрицательное отношение к еврейской ре-эмиграции в Палестину европейских правителей, которые как-то умудрялись сочетать эту политику с политикой изгнания евреев из европейских стран.

Первое сохранившееся сообщение о значительной группе евреев, иммигрировавших в Палестину, относится к 1211 году, когда около 300 раввинов из Франции и Англии (конечно, с семьями, хотя об этом не упоминается) высадились в Акре (Гэльшер, стр. 43, Паркес, стр. 147). В XIII же веке началась и светская эмиграция из ряда немецких, главным образом прирейнских, городов (Гэльшер, там же), и на этот раз как отголосок гонений на евреев, принявших в средней и западной Европе очень широкий характер. С конца XV и особенно в начале XVI века происходил значительный приток в Палестину сефардских евреев, в связи с изгнанием евреев из Испании (в 1492 г.) и Португалии (в 1496 г.), что сказалось быстрым ростом еврейских общин. Характерны в этом отношении данные о Иерусалиме. Выше мы видели, что к концу XIII века еврейское население Иерусалима дошло почти до нуля. В 1488 году здесь было уже 70 еврейских семейств, в 1495 году 200, в 1521 году 1.500 семейств (Гэльшер, стр. 51). Это по тому времени была уже большая община. Еще значительнее был рост еврейских общин в Дамаске и Сафед. В Дамаске, наряду со старой еврейской общиной, в конце XV века образовалась сефардская община в составе 500 семейств и рост еврейского населения был так стремителен, что она вскоре должна была разделиться на несколько общин-землячеств. В Сафед в 1500 году было 300 еврейских семейств, но очень скоро Сафед вышел на первое место среди всех городов Палестины (Гэльшер, там же, Паркес, стр. 167).

Эти сведения, кстати, наводят на мысль, что наши сведения о процессах иммиграции в Палестину очень не-

полны, что эта иммиграция в XIV и, вероятно, и в XV и XVI веках была значительнее, чем это представляется по дошедшим до нас данным. В XVII веке изменилась уже и география еврейской эмиграции в Палестину. Ее исходные пункты передвинулись на восток, главным образом в Польшу, особенно после погромов, связанных с именем Богдана Хмельницкого (1648-1649). Но для восточно-европейского еврейства, располагавшего гораздо меньшими средствами, чем западные евреи, эмиграция в Палестину была особенно трудна при отдаленности для них пути в Палестину по Средиземному морю и полной невозможности пробираться в Палестину сухим путем вдоль северо-африканского побережья. С другой стороны, естественный путь для них в Палестину через Балканский полуостров и Малую Азию или морем — по Черному морю и через проливы — во второй половине XVI века стал особенно трудным благодаря резкому изменению турецкой политики по отношению к евреям (см. выше). Все это привело к концу XVII и в XVIII веке к значительному ослаблению еврейской эмиграции в Палестину. В довершение бедствия в самой Палестине, вследствие вырождения турецкой администрации, общее экономическое и политическое положение заметно ухудшилось. К началу XIX века численность евреев в Палестине опять опустилась до очень низкого уровня и только со второй четверти века начала медленно, потом быстрее возрастать.

Первые надежные сведения о числе евреев в Палестине в XIX веке сообщил в своем докладе английский консул в Иерусалиме вскоре после решения английского правительства назначить в Палестину консула. Решение это, об этом стоит вспомнить, было вызвано желанием Англии «защищать» (“to protect”) евреев в Палестине, и английский консул оставался здесь долго единственным представителем западной державы (Паркес, стр. 263-264). В докладе его сообщалось, что еврейское население Иерусалима достигло в 1839 году 5.000 человек; за Иерусалимом следовал Сафед, после ряда ограблений его бедуинами и друзьями и после других бедствий (чума в 1812 году, значительное землетрясение в 1837) сошедший

почти на нет, но в 1839 году опять насчитывавший уже 1.500 человек. Еврейское население Хеброна достигало 750, Тиверии 600, Наблуса 150 человек, трех приморских городов — Акры 200, Хайфы 150, Яффы 60 человек и в деревнях в общей сложности жило около 400 человек. В целом несколько меньше 10.000. (Паркес, стр. 261).

В «Трех исторических меморандумах» приводится таблица (стр. 76), составленная на основании большого числа источников, более осторожно определяющая численность евреев в Палестине 30-ых годов и сообщающая данные о дальнейшем развитии до начала Первой мировой войны. Привожу из нее важнейшие данные:

Численность еврейского населения в Палестине в XIX веке

	В т.ч.			Всего
	Городское	в Иерусалиме	Сельское	
В 30-40-х гг.	7.200	4.000	160	7.360
В 50-х гг.	15.000	10.000	110	16.000
В 70-80-х гг.	22.000	14.000	3.130	25.000
В 90-х гг.	44.000	27.000	4.540	48.500
В 1914 году	88.000	50.000	12.105	100.000

Подведем итоги. Еврейское государство и еврейская нация как бы органически сформировались в XIII или XII веке до нашей эры, когда в этом уголке Азии формирование государств еще только начиналось. Еврейское государство развивалось и крепло, но и не раз оказывалось жертвой более сильных государств, завоевательным стремлениям которых евреи обычно оказывали упорное сопротивление и против которых, покоренные, они не раз подымали знамя восстания. В течение около тысячелетия — с VIII века до Р.Х. до II века после Р.Х. — еврейское государство гибло и возрождалось и вновь гибло, пока эта упорная борьба за национальную независимость, по своему упорству и продолжительности не имеющая прецедента в истории, не завершилась во втором веке нашей эры окончательной гибелью еврейского государства с полным изгнанием евреев из Иерусалима и уводом значительной части их в рабство. С той поры прошло

более тысячи лет, но мечта о возвращении на старую родину никогда в еврействе не умирала.*

Не раз мечта эта прорывалась ручейками, а то и потоками эмиграции из стран диаспоры, и еврейское население Палестины быстро увеличивалось, чтобы через какой-то промежуток времени опять дойти до очень низкого уровня. Причины этих вновь и вновь повторявшихся спадов и судьба исчезнувших евреев не во всех случаях достаточно выяснены. Но характерно, что после каждого резкого спада и нередко очень скоро начинался новый приток еврейских иммигрантов в Палестину. И так в течение более тысячелетия. Это ли не наглядное свидетельство живой, неумирающей связи евреев с Палестиной?

Такова в основных чертах охватывающая период более трех тысячелетий полная драматических событий история взаимоотношений евреев и Палестины. Связь евреев с Палестиной никогда не прерывалась, но в последнее тысячелетие она в основном носила эмоциональный и духовный характер. Первая мировая война впервые открыла перспективу материализации этой связи, перспективу создания в Палестине реального еврейского национального дома.

Но в течение веков в Палестине многое произошло. Римляне, ее завоевавшие, разрушившие еврейское государство, давно сошли с исторической сцены, и население Палестины уже в течение многих веков не могло рассматриваться, как прямые преемники первоначальных завоевателей, в какой-то мере несущие ответственность за совершенное над еврейским народом насилие. Коренным населением Палестины давно уже стали арабы. И когда проблема возвращения евреев в Палестину приобрела реальный характер, естественно встал вопрос о взаимоотношениях евреев и арабов и о праве тех и других на Палестину.

---

* Укреплению центральной роли Палестины в еврейском национальном сознании в какой-то степени содействовал и окончательный текст обязательной ежедневной молитвы «Шмоне эсрре», установленный в начале II века нашей эры Гамалиелем Вторым, со включением в него моления о восстановлении Иерусалима и о «сборе рассеянных» в земле Израильской (Дубнов, т. 3, стр. 37).

Об историческом праве арабов на Палестину

Полу-кочевые арабские племена еще в библейские времена появлялись на востоке и юго-востоке Палестины, то воюя, то поддерживая дружеские отношения с евреями. Национальная индивидуальность их не была отчетливо выражена, эта была одна из семитских ветвей в населении передней Азии, и когда в первом веке нашей эры в восточной части Средиземноморья началось идейное наступление христианства, начиная с четвертого века, после признания христианства Римом и Византией, принявшее особенно решительный характер, большинство населения Передней Азии приняло христианство, кроме евреев, упорно боровшихся за сохранение своей религиозно-национальной индивидуальности. Результатом этого развития явилось, что в значительной части Передней Азии, в частности в Палестине, население начало в основном делиться на христиан и евреев. Только в седьмом веке, с возникновением в теперешней Саудовской Аравии мусульманства, как воинствующей религии арабов, это положение изменилось и вскоре после смерти Магомета (в 632 г.), при первых халифах, сначала в Передней Азии и Египте, а затем все дальше на восток и на запад арабы начали быстрое успешное наступление (Иерусалим был занят войсками халифа уже в 640 г.). В Палестину войска халифа пришли, как завоеватели, может быть, даже не отдавая себе отчета в том, что среди населения Палестины было немало их родичей. Только с этого времени, со времени блестящих первых походов халифов, и ведет свое начало арабизм населения восточного Средиземноморья. В частности в Палестине арабские завоеватели быстро достигли ассимиляции огромного большинства населения, кроме большинства евреев, и на этот раз сохранивших свою религиозно-национальную индивидуальность. Но характерно, что прошло более полу-столетия, пока, на пороге восьмого века предписано было пользоваться в официальных документах не греческим языком, а арабским (Паркес, стр. 91).

Приходили новые завоеватели. В течение XII и XIII веков в Палестине властвовали крестоносцы. Их вытесни-

ли войска вырождающегося халифата, которым на смену пришли — уже в XVI веке — османские турки, на четыре века установившие свое господство. Но и крестоносцы, и османские турки создали в стране в основном лишь правящий слой и арабизированная в первые века халифата народная толща оставалась в массе своей арабской. Это развитие, в целом продолжавшееся более двенадцати столетий, создало на огромной территории восточного Средиземноморья, небольшую часть которого составляла Палестина, такую прочную связь арабского народа с территорией этого района, что она заставляет забыть возникновение ее из арабского завоевания при первых халифах и позволяет говорить об историческом праве арабов на эту территорию, в частности о приобретении арабами какого-то права и на территорию Палестины.

От арабских идеологов, конечно, не ускользнуло, что признание арабской преемственности в Палестине лишь начиная с седьмого века делает трудным защиту тезиса об исключительном праве арабов на Палестину. Поэтому в литературе и документации давно уже создан миф об **изначальном** арабском характере Палестины. В декларации о палестинской проблеме, представленной в марте 1946 года Арабским Бюро в Иерусалиме Англо-Американскому Комитету, созданному в ноябре 1945 года для обсуждения вопроса о судьбе евреев стран, оккупированных во время войны Германией и ее союзниками, мы читаем:

«Арабы в Палестине являются потомками коренных жителей страны, занимавших ее с начала истории; они не могут признать правомерным подчинение коренного населения против его воли чуждым иммигрантам, притязания которых основываются на исторической связи, переставшей быть действительной много веков назад» (“The Israel-Arab Reader”. A documentary history of the Middle East conflict. Edited by Walter Laqueur. Bantam books, New York-Toronto-London, 1969, p. 94).

Тезис об арабах в Палестине «с начала истории» в сочетании с тезисом об утрате евреями «исторической связи» с Палестиной (Значит в далеком прошлом эта

«связь» существовала? А ведь это ставит под сомнение арабское «с начала истории») должен придать притязанию арабов на Палестину характер исключительного права. Но несостоятельность тезиса, будто арабы являются коренным населением Палестины «с начала истории» очевидна. И неубедителен и тезис, будто «историческая связь» евреев с Палестиной «перестала быть действительной» много веков назад. Что непосредственная связь евреев с Палестиной — непосредственная массовая связь — оборвалась давно, — верно. Но оборвалась она насильственно при чрезвычайно упорном сопротивлении еврейского народа, который понес при этом громадные жертвы и никогда с этим насилием не примирился, пронеся через века идею верности Палестине и тем самым укрепляя свое историческое право на нее.

Историческое право евреев и историческое право арабов на Палестину это явления разного происхождения и частью разного порядка. Но и то, и другое исторически обоснованы и требуют при своей реализации какого-то согласования.

Во время Первой мировой войны вопросы эти неожиданно приобрели актуальное значение. Перспектива крушения Османской Турции заставила Англию, бывшую в это время фактическим хозяином большей части арабских районов восточного Средиземноморья, сделать и арабам, и евреям далеко идущие и недостаточно согласованные обещания относительно будущего этого района после окончательной победы над Турцией. Обещания эти явились источником острых споров между евреями и арабами и теми и другими и Англией и до сих болезненно сказываются на взаимоотношениях евреев и арабов. Но каковы бы ни были обещания англичан, это были лишь обещания колониальной державы народам, заинтересованным в территории, находящейся под колониальным господством. Эти обещания могут быть аргументом лишь для претензий этих народов к Англии, но они не могут влиять на исторические права спорящих сторон на бывшей колониальной территории. К тому же за последнюю четверть века произошло столько бурных событий в этом районе, что эти английские обещания давно утратили свое реальное значение в споре о Палестине

между арабами и евреями и споры эти должны решаться на основе исторических прав обеих сторон и путем согласования их жизненных интересов с обеспечением мира и социального, политического и культурного прогресса всего этого района.

О пути к миру

Эта тема требует гораздо больше места, чем может быть уделено ей в рамках этой работы. Ей можно посвящать здесь лишь ряд кратко сформулированных положений, намечающих направление, в котором нужно искать разрешения вопроса о прочом мире между евреями и арабами.

1) Из признания, что и евреи, и арабы имеют исторические права на Палестину, вытекает, что разрешение вопроса о мире, прочно обеспечивающем сосуществование арабов и евреев на Ближнем Востоке, требует компромисса, принимающего во внимание законные интересы тех и других. Но к тому времени когда вопрос встал практически, сознание о необходимости этого компромисса находилось лишь в зачаточном состоянии с еврейской стороны и почти совершенно отсутствовало с арабской стороны.

Палестина была в это время еще малонаселенной страной: общее количество населения исторической Палестины без Трансиордании достигало в 1919 году всего 700 тысяч, из них 58 тысяч евреев и 642 тысячи не-евреев (в том числе арабов-мусульман 568 и арабов-христиан 74 тысячи). При таком незначительном населении Палестины размещение в ней новых и новых сотен тысяч иммигрантов-евреев, вероятно, могло бы протекать в основном безболезненно. Но тут возникло неожиданное осложнение. Энергичная политика еврейских общественных кругов, направленная к усилению еврейской иммиграции в Палестину и экономическому подъему страны, — и та, и другая задача успешно осуществлялись, — привели к резкому увеличению не только еврейского, но и арабского населения вызванному не только высоким естественным приростом населения у арабов, но и возникновением и

быстрым ростом иммиграции из арабских стран в Палестину. При увеличении еврейского населения Палестины с 1919 по 1946 год с 58 до 608 тысяч, на 550 тысяч, не-еврейское население Палестины возросло с 642 до 1.273 тысяч, т.е. на 631 тысяч, абсолютно даже больше, чем возрасло еврейское население (Все цифры заимствованы из таблиц, приведенных у Хури, стр. 377).

Разрешение вопроса о дальнейшей широкой еврейской иммиграции в Палестину требовало не только остановки этого потока арабских иммигрантов, но, может быть, и соглашения о трансфере значительной части арабского населения из Палестины в арабские страны и большей части, если не всего, еврейского населения арабских стран в Палестину. Но этот вопрос даже и не подымался, и не потому, что о нем никто не думал, а потому, что евреи опасались самой постановкой этого вопроса еще более обострить отношения с арабами и вызвать настроенное отношение в мировом общественном мнении к идее создания еврейского государства в Палестине, а арабы и не были заинтересованы в поднятии вопроса о трансфере населения. История сыграла злую шутку и с евреями, и с арабами, полу-разрешив проблему обмена населением бегством из Израиля (в очень тяжелых условиях) огромного большинства его арабского населения и массовым полу-организованным бегством в Израиль почти всего еврейского населения арабских стран (и тоже часто в очень тяжелых условиях).*

---

* Громадный приток в Израиль евреев из арабских стран в значительной степени изменил самый облик еврейского населения Израиля: из общего числа евреев-иммигрантов 1.136.878, переселившихся в Израиль за 1948-1963 года 55,4 процента составляли выходцы из стран Азии и Африки и только 46,4 процента из стран Европы и Америки. Из общего числа евреев в Израиле 2.344.500 к концу 1966 года (не-евреев 312.300), на родившихся в самом Израиле приходилось уже 40,0 процентов (сабры), на родившихся в Азии и Африке 28,7 процента и на родившихся в Европе и Америке 31,7 процента ("American Jewish Yearbook, 1967" vol. 68, p. 433). Этот последний показатель обнаруживает тенденцию к постепенному дальнейшему понижению не столько даже из-за притока иммигрантов евреев из стран Азии и Африки (резервы еврейского населения в этих странах уже почти исчерпаны), сколько из-за увеличения процента родившихся в Израиле.

Это развитие создало сохраняющую до сих пор болезненный характер проблему палестинских беженцев, требующую своего срочного разрешения в соответствии с началами мирного сосуществования и социальной справедливости. При добром желании и готовности к компромиссу с обеих сторон разрешение этого вопроса не представляло бы непреодолимых трудностей.

2) Многовековое сосуществование евреев и арабов в районе восточного — в течение продолжительного периода времени и западного — Средиземноморья, казалось, должно было подготовить почву для обеспечения прочного мира между ними, когда в новейшее время встал разделявший их вопрос о Палестине. История знает продолжительные периоды болезненных ограничений для евреев в арабских странах, но для этих ограничений всюду была характерна одна черта: это были ограничения для «неверных», общие для евреев и христиан и не сопровождавшиеся чувствами острой враждебности и ненависти к евреям (и христианам), характерными для христианской Европы. Заслуживает внимания, что периоды наибольшего расцвета арабов в XI и XII веках были и периодами наибольшего культурного и общественного подъема евреев в арабском мире, тесного культурного сотрудничества евреев и арабов и плодотворного взаимного их влияния.*

Враждебность арабов к евреям новейшего происхождения и частью создана искусственно. Враждебности евреев к арабам вообще никогда не существовало и ростки ее в новейшее время это отголосок сложившейся в последние пол-века напряженности арабско-еврейских отношений на почве вопроса о Палестине.

3) Если бы вопрос о Палестине был разрешен на основе широкого еврейско-арабского соглашения, включающего и соглашение о трансфере населения, в Палести-

---

* И об ограничениях для евреев в арабском мире, и об их культурном расцвете см. у Гойтейна «Евреи и арабы» (S. D. Goitein "Jews and Arabs. Their Contacts Through the Ages." Schocken Books, New York, 1964) об ограничениях в гл. V, о расцвете в гл. VII (Профессор Гойтейн глава школы ориенталистики Иерусалимского университета).

не — в зависимости от масштабов этого трансфера — образовалось бы либо демократическое би-национальное еврейско-арабское государство, либо еврейское государство со значительным арабским меньшинством, пользующимся гарантированными правами меньшинства в форме арабской национально-культурной автономии.

Такое решение вопроса было бы возможно в обстановке мира между арабами и евреями и готовности обеих сторон идти на уступки в интересах упрочения этого мира. После всего, что произошло в последние десятилетия, это решение непосредственно стало невозможным, но лежащая в основе его мысль и сейчас сохраняет свое значение и должна в какой-то мере облегчить поиски мирного разрешения чрезвычайно запутанного вопроса.

4) Общая установка израильского правительства в вопросе об отношении к арабам в еврейской Палестине с самого начала носила отчетливо гуманитарный и прогрессивный характер. Выше в главе II уже приводились высказывания Бен-Гуриона по вопросу о взаимоотношениях евреев и арабов. В дневнике полковника Киша, председателя экзекутивы Палестинской сионистской организации в 1923-1931 годах, «почти на каждой странице прорывается стремление обеспечить сотрудничество с арабами» (Паркес, стр. 303).* В декларации о независимости,

---

* Это была основная идея не только сионистского большинства, но и «ревизионистской» оппозиции в сионизме. Владимир Жаботинский в своей книге «Война и еврей» приводит из проекта программной декларации, выработанной в 1934 году специальной комиссией для экзекутивы «ревизионистской» партии, ту часть проекта, в которой намечается разрешение вопроса об отношениях евреев и арабов внутри еврейского государства. Рассчитана была эта программа на ранний период существования еврейского государства, которое должно было быть провозглашено, как только численность евреев в нем перешагнет за 50 процентов. Относительно организации правительства программа намечает, что если во главе правительства будет поставлен премьер-министр еврей, его заместителем должен быть араб, и наоборот: если премьер-министром будет араб (значит и это возможно!), заместителем его должен быть еврей. В парламенте, в муниципальных представительных органах, среди государственных служащих каждая национальность должна быть представлена пропорционально своей численности. Оба языка должны быть совершенно равноправны; обе национальные группы — и евреи, и ара-

единогласно принятой Временным Государственным Советом Израиля 14 мая 1948 года, торжественно заявлялось:

«Государство Израиль будет основано на принципах свободы, справедливости и мира, будет поддерживать полное социальное и политическое равенство всех его граждан без различия расы, религии или пола, гарантирует свободу религии, свободу совести, воспитания и культур, будет оберегать Святые места всех религий и лояльно соблюдать принципы Хартии Объединенных Наций.

...Мы призываем арабских жителей государства Израиль сохранять мир и выполнить свою долю в развитии государства на основе полных и равных гражданских прав и надлежащего представительства во всех государственных органах и учреждениях, временных и постоянных.

В духе мира и добрососедских отношений мы протягиваем руку всем соседним государствам и их народам и призываем их сотрудничать с независимой еврейской нацией во имя общего блага. Государство Израиль готово внести свою долю в дело прогресса Среднего Востока, как целого...»

Это была многообещающая декларация. Осуществление ее началось немедленно, но в обстановке чрезвычайного напряжения арабо-еврейских отношений наталки-

---

бы — должны сохранять автономию в вопросах культуры, каждая должна иметь свое национальное собрание и быть представлена специальным министром в правительстве страны.

Эти идеи должны быть проведены и в земельной политике. Для руководства земельным делом создается специальный орган в составе еврейских и арабских судей и сельско-хозяйственных специалистов; орган этот должен сосредоточить в своих руках заведывание всей пустующей землей и земель, неудовлетворительно обрабатываемой (последняя реквизируется по справедливой оценке). Земля эта составляет государственный земельный резерв, подвергается мелиорации за государственный счет и после этого на льготных условиях, разделенная на участки, распределяется между земледельцами, индивидуальными и коллективными, евреями и арабами, без дискриминации (См. Vladimir Jabotinsky "The War and the Jews", New York, The Dial Press, 1942, pp. 215-218). — Правда, Жаботинский отмечает, что это был только проект и что он сам не со всеми его пунктами согласен (стр. 214).

валось в первые годы существования Израиля на большие трудности. К началу 60-ых годов положение значительно улучшилось. При неизменной, может быть, даже усилившейся напряженности между Израилем и арабскими странами, арабо-еврейские отношения внутри страны значительно смягчились и израильское правительство получило возможность более активно проводить свою примирительную внутреннюю политику. Общий характер арабской политики израильского правительства нашел в это время свое особенно отчетливое выражение в программе правительства Эшколя, опубликованной после выборов в Кнессет в ноябре 1965 года. Стоит привести эту часть программы полностью:

Правительство Израиля:

«1. будет стремиться к полной интеграции арабского меньшинства во всех секторах государства, сохраняя уважение к религиозной и культурной индивидуальности арабов;

2. обеспечит услуги правительства и местной власти в области образования, здравоохранения, экономического развития и социального обеспечения всем гражданам без различия;

3. будет продолжать содействовать развитию местного самоуправления;

4. будет содействовать развитию меньшинственных (т.е. арабских) деревень путем строительства дорог, водоснабжения, снабжения электрической энергией и т.п.;

5. обеспечит равную оплату труда для членов меньшинственных групп;

6. подымет уровень профессионального образования;

7. будет развивать школы на арабском, как и на еврейском языке разрешит пользование арабским языком в сношениях с правительством;

8. предоставит стипендии для получения образования выдающимся арабским, как и еврейским студентам;

9. прибегнет к специальным усилиям к вовлечению арабских интеллигентов в государственные и общественные учреждения и принятию ими на себя доли государственной ответственности;

10. будет поощрять развитие общих еврейско-арабских предприятий;

11. будет стремиться обеспечить мусульманам возможность паломничества в Мекку» (См. Ernest Stock "From Conflict to Understanding. Relations between Jews and Arabs in Israel since 1948". Institute of Human Relations Press, New York, 1968, pp. 39-40).

5) На этом пути уже удалось достичь очень значительных успехов. Культурный и материальный уровень арабского населения заметно поднялся и сейчас значительно выше, чем в соседних арабских странах, хотя еще далеко отстает от культурного и материального уровня, достигнутого израильскими евреями. Это хорошо известно и на этом можно подробно не останавливаться. Достаточно привести лишь несколько примеров.

Начальную школу посещали в 1948/49 лишь 11.213 арабских детей (до 13 лет); в 1965/66 году уже 72.096. В мандатные времена лишь ничтожное число арабских девочек посещали школу (главным образом из семей арабов-христиан); в 1963/64 году среди арабских девочек в возрасте от 6 до 13 лет уже 705 на тысячу посещали школу (среди арабских мальчиков того же возраста 893, среди еврейских детей обоего пола 979). Подростки в возрасте от 14 до 17 лет посещали школу (среднюю и профессиональную) в 1965/66 году — арабские подростки мужского пола 181 на тысячу, женского пола 93 на тысячу, у евреев соответственная цифра достигала для подростков обоего пола 499.

Орошаемое земледелие достигало у арабов в 1950/51 лишь 1,5 процента эксплуатируемой сельско-хозяйственной площади, в 1965/66 4,2 процента; у евреев соответственно 14 и 46 процентов. — Ценность с-х. продукции на дунам достигала в 1964/65 году у евреев 375 изр. фунтов, у арабов менее 100 изр. фунтов.

Еще в начале 50-ых годов процент арабок, рожавших в госпиталях, достигал лишь 4; в 1966 году он поднялся до 60.*

---

* Все данные заимствованы у Штока и Terence Prittie "Israel Miracle in the Desert", Pinguin books, 1968, где читатель найдет по этому вопросу еще немало данных.

Известных успехов удалось достичь и в области привлечения арабов к управлению, главным образом путем развития самоуправления в арабской деревне. Но на высших ступенях администрации все почти остается без перемен. Приведенный выше п. 9 программы арабской политики министерства Эшколя от ноября 1965 года, почти остался мертвой буквой. Во многих министерствах существуют отделы, ведающие вопросами, касающимися арабов. Но отделы эти неизменно возглавляются евреями и нигде нет араба, занимающего должность заместителя главного работника. И так, начиная с должности советника по арабским делам при премьер-министре. Должность эту еще со времени образования в 1953 году первого правительства Эшколя занимает Шмуель Толедано, человек с широким кругозором, дружелюбно относящийся к арабам и свободный от тени предубежденности против них. Но и он не привлек никого из арабов в непосредственные свои помощники. Или еще пример. В министерстве по жилищным делам есть отдел, посвященный вопросу о жилищных нуждах «меньшинств», т.е. арабов. Но без арабов! В середине 60-ых годов в министерстве был образован комитет для разработки вопросов, связанных с миграцией рабочих. Это главным образом вопрос о нуждах арабских рабочих-отходников. Но ни один араб не был включен в состав комитета (Шток, стр. 58). — Даже в арабском отделе Информационного Центра (т.е. министерства информации) во главе стоит еврей и весь штат состоит из евреев и только в качестве лекторов привлекаются иногда не состоящие в штате отдела арабы (Шток, стр. 41).

Это — **патернализм**, красной нитью проходящий через всю политику израильского правительства в вопросах, касающихся арабов. Все это отнюдь не из враждебности к арабам, а при добрых по отношению к ним намерениях. Конечно, так работать легче; меньше трений, меньше споров. Поднятие культурного и материального уровня израильских арабов может быть достигнуто и на этом пути. Но вторая не менее важная задача арабской политики израильского правительства — развитие у из-

раильских арабов чувства своей связи с Израилем, чувства, что это и их страна, что они ее полноправные граждане, — эта задача на путях патерналистской политики разрешена быть не может.

6) Речь идет, конечно, не просто о назначении нескольких арабов на видные должности в израильской администрации, а о гораздо большем. Речь идет о развитии у израильских арабов сознания, что Израиль это *и их государство*. Это требует и у евреев развития сознания, что Израиль это не просто еврейское государство, а что-то более сложное. Выше уже была выдвинута мысль, что евреи это одно, а израильтяне другое. Евреи это национальность, охватывающая евреев-израильтян и евреев-граждан других стран. Израильтяне — совокупность граждан государства Израиль, в своем огромном большинстве евреев; но израильтянами являются и граждане Израйля не-евреи и прежде всего израильские арабы. И можно быть полноправным гражданином государства Израиль и даже патриотом Израйля, не переставая быть арабом. Израильских арабов нужно освободить от гнета мысли, будто, чувствуя привязанность к Израйлю, они изменяют арабству. Израиль сам должен облегчить израильским арабам психологическую возможность чувствовать себя верными сынами Израйля, оставаясь в то же время арабами. Для этого арабы не только должны привлекаться на общем основании в администрацию, но и заведывание арабскими делами должно по преимуществу сосредотачиваться в руках арабов и руководство ими должно строиться на принципе не *патернализма*, а *автономизма*. Это сложный путь. Все это должно развиваться постепенно и планомерно с перспективой завершения этого процесса созданием арабской национально-культурной автономии в рамках Израйля.

В перспективе это означает и какое-то изменение характера государства Израиль. В основе идеи государства Израиль, как она была формулирована в 1948 году, лежала мысль, что Израиль это в чистом виде еврейское государство. Полное примирение с израильскими арабами и создание арабской национально-культурной автономии

потребуется внесения и некоторых коррективов в израильское законодательство. «Гатиква», например не может быть национальным гимном и для израильских арабов, но она, может быть, сможет остаться им для израильских евреев и Израиль должен будет принять новый уже бесспорно общегосударственный гимн. Но, например, не явится безусловно необходимой отмена принципа открытых дверей для всех евреев. Сохранение этого принципа потребует, правда, некоторого напряжения мысли от израильских юристов. Но задача эта не непреодолима.

7) Это и есть путь к миру между Израилем и арабскими странами и, может быть, единственный возможный путь. Только когда Израиль окончательно замирится со своими арабами, будет расчищен путь к созданию прочной основы для мира на Ближнем Востоке. Почти полмиллиона быстро поднимающихся культурно и экономически арабов, не подавляемых, а свободно развивающихся, пользуясь всеми гарантиями демократической государственности, это неотразимый аргумент в пользу мира между Израилем и арабскими странами, и аргумент этот взорвет все бастионы непримиримого арабского национализма. И не пройдет и десяти лет, как самая память о войнах между Израилем и арабскими странами отойдет в далекое прошлое.

8) Ориентировка на такое развитие — через мир с израильскими арабами к миру с арабскими странами — должна оказывать решающее влияние и на отношение израильского правительства к арабам в оккупированных Израилем арабских областях. Уже достаточно труден был и остается вопрос о палестинских арабских беженцах. Но в оккупированных областях мы имеем дело уже не с беженцами из Израиля. Вместе с этими областями почти миллион коренных жителей этих областей (часть их это старые беженцы) оказались фактически под властью израильского правительства. Израиль не может аннектировать эти области, не вводя в состав населения Израиля еще миллион арабов. Этот миллион нельзя превратить в полноправных граждан Израиля, не открывая перспективы создания в Израиле в близком будущем арабского

большинства. Но Израиль не выдержит и создания в государстве около миллиона полу-граждан. И, с другой стороны, о выселении этого миллиона, т.е. о создании нового миллиона арабских беженцев, невозможно даже и думать.

Из этого неизбежно следует, что почти миллион арабов должны будут оставаться под властью израильского правительства в течение неопределенного периода времени, — вплоть до установления действительного мира. В рамках этой работы невозможно обсудить все встающие при этом проблемы. Но одной из проблем, близкой к проблеме замирения израильских арабов, необходимо коснуться. Что будет с Западным берегом и его коренным арабским населением? Будет ли Западный берег просто возвращен Иордании, чего его население, может быть, даже не хочет? Будет ли он превращен в самостоятельную государственную единицу, связанную или не связанную с Израилем, и если связанную, то лишь договорной или в какой-то форме государственной связью? Все это будет предметом будущих переговоров, но для Израиля важно, чтобы население Западного берега сознавало, что Израиль не навязет ему решения этого вопроса, что он будет добиваться его решения в какой-то степени на основе самоопределения населения. Но это значит, что уже сейчас оккупационные власти должны ориентироваться на максимально возможное в обстановке оккупации применение принципа автономизма и развивать самоуправление населения, должны готовить таким образом почву для развития в будущем добрососедских отношений с ним.

9) Это медленный и трудный путь к миру, когда противник хочет и в значительной мере и может вести *войну на истощение*. Эту возможность создает арабским странам широкая военная и экономическая поддержка со стороны Советского Союза. Если бы Советский Союз стремился к прочному миру на Ближнем Востоке, он легко мог бы этого достигнуть при полной зависимости арабских стран от его всесторонней помощи — и при неизменной готовности израильского правительства к серьезным переговорам о мире, ведущим к далеко идущему соглашению между Израилем и арабскими странами, ши-

роко обеспечивающему интересы обеих сторон и открывающему эру прочного мира и процветания на Ближнем Востоке. Но советское правительство считает, что интересам Советского Союза в максимальной степени отвечает такое положение на Ближнем Востоке, когда сохраняется крайняя напряженность отношений между арабскими странами и Израилем, но прямая война не ведется. Прямой войны на Ближнем Востоке Советский Союз не хочет, так как опасается, что он сам может быть вовлечен в эту войну, и он готов платить высокую цену, чтобы этой опасности избежать. А теперешняя напряженность укрепляет влияние Советского Союза на Ближнем Востоке и обеспечивает ему фактическое господство в этом районе. Настоящая война могла бы легко поставить это господство под угрозу.

Поэтому Советский Союз и стремится к сохранению теперешнего напряженного положения, которое можно охарактеризовать формулой: не война, но и не мир. И поскольку это будет зависеть от Советского Союза, такое положение еще долго будет сохраняться, если какое-либо непредвиденное событие не оборвет это развитие.

Долго, но не без конца. Если Израилю удастся решить полностью задачу примирения с израильскими арабами, непреклонная враждебность к Израилю в арабских странах неизбежно начнет выветриваться. Начнется неотвратимый процесс *эрозии ненависти*. Перед народами Ближнего Востока опять замаячит перспектива мира и социального, экономического и культурного прогресса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В брошюре В. Б. Луцкого «Палестинская проблема» (М., 1946 г.; это стенограмма лекции, прочитанной автором в Москве 9-го августа 1946 года) мы читаем: «В свое время 'Сионистская организация', располагавшая значительным влиянием в разных странах, не вела активной борьбы против фашизма, не мобилизовала еврейские массы на борьбу, не поддержала Советский Союз и другие силы демократии, стремившиеся помешать фашизму развязать вторую мировую войну... Вместо этого сионисты содействовали гитлеровским планам изгнания евреев из Еврепы и заключили даже соглашение с гитлеровским правительством об эмиграции евреев из Германии в Палестину на условиях, чрезвычайно выгодных для Германии» (стр. 28). — К этой чудовищной аргументации о кооперации евреев и в особенности «сионистской организации» с Гитлером коммунистическая пропаганда прибегала не раз уже с первого года гитлеровского господства в Германии. Выступая против идеи экономического бойкота Германии, выдвинутой в демократических странах Запада после прихода Гитлера к власти, коммунистический «Импрекюр» писал: «Через несколько дней мы убедимся, что все эти большие еврейские магазины продолжают торговать, что еврейские банкиры, капиталисты и биржевики продолжают свою деятельность, что ни один еврейский фабрикант не потерпел никакого ущерба...». («Импрекюр» от 21-го апреля 1933 г., стр. 396). Все данные говорят за то, что наци и сионисты заключили мир и что антисемитизм наци «спокойно приглушен. Внешнеполитические соображения делают невозможным для Третьего Райха допускать в течение сколько-нибудь продолжительного срока антиеврейскую истерику». И отсюда вывод: «Германские евреи могут с надеждой смотреть в будущее, — если только у них есть деньги» («Импрекюр» от 15-го сентября 1933 года). (См. *Walter Z. Laqueur "The Soviet Union and the Middle East", New York, 1959, p. 104*). — Дело зашло так далеко, что «Революционный Восток» в 1934 году иронически предложил избрать Гитлера почетным президентом сионистского движения (Там же, стр. 103).

² См. об этом в моей книге «Евреи в Советском Союзе с начала 2-ой мировой войны (1939-1965)». Нью Йорк, 1966 г., стр. 312-321.

³ См. сообщение «пресс-бюро 'Известий'» в газете от 26 февраля со ссылкой на багдадское радио вечером 25 февраля. Информация «Известий» в первые дни после переворота вообще значительнее

того, что сообщалось в «Правде». Особенно богато подробностями о бурных событиях в Сирии в дни переворота сообщение из Дамаска-Бейрута от 26 февраля: «Выстрелы на рассвете», за подписями спец. корреспондента «Известий» К. Вишневецкого и соб. кор. ТАСС Л. Медведко. Но и это сообщение заканчивается успокоительным замечанием, что «события 23 февраля не повлекут за собой переосмотра внутренней и внешней политики Сирийской Арабской Республики».

По сообщению «Известий» при осаде резиденции президента были убиты два его сына. В тексте выше это исправлено: в действительности двое малолетних детей президента были ранены, что вызвало возмущение в широких кругах столицы. См. сообщение Томаса Ф. Брэди от 1 марта в «Нью Йорк Таймс» от 2 марта.

4 Цитируется в статье Теодора Дрэпера «Израиль и мировая политика» в «Комментэри», август 1966 г., стр. 26-27. — Обширная статья Дрэпера (30 страниц большого формата в 2 колонки) по полноте изложения и субъективной беспристрастности автора — лучшая из статей, что я читал об этих событиях. Единственным серьезным пробелом ее кажется мне недостаточное использование автором советских источников.

Статья Дрэпера с незначительными исправлениями и многочисленными дополнениями вышла в 1968 году в виде книги "Israel and World Politics. Roots of the Third Arab-Israeli War," New York, The Viking Press. В предисловии автор оговаривает: «К сожалению, было невозможно цитировать источники личного характера. Могу уверить читателя, что этими источниками каждый раз были руководящие лица, имевшие возможность сообщить сведения из первых рук, опираясь на документы, которые еще не могут быть опубликованы полностью» (стр. VII-VIII). В подавляющем большинстве случаев это израильские государственные деятели и официальные источники, действительно сообщающие большое число оставшихся до сих пор неизвестными фактов. Многое я цитирую или излагаю, каждый раз, конечно, ссылаясь на Дрэпера.

Кроме дополнений в тексте книга Дрэпера содержит большее число документов, приводимых текстуально (стр. 137-265), которые и до сих пор были известны, но в полном виде были трудно доступны.

Ссылаясь на книгу Дрэпера, я пишу: Дрэпер, стр....; ссылаясь на его статью: Дрэпер, «Комментэри», стр...

Говоря о субъективной беспристрастности Дрэпера, я отдаю себе отчет в том, что «субъективный» означает ограничение. События слишком трагичны и в то же время слишком сложны и свежи, чтобы можно было от какого-либо автора ожидать действительной полной беспристрастности изложения. Но необходимо, чтобы автор стремился строго контролировать свои высказывания и не поддаваться при изложении и анализе событий своим субъективным настроениям. Это и есть субъективная беспристрастность, присущая на этот раз многим авторам (это тоже признак серьезности положения). В осо-

бенности мне хотелось бы рекомендовать вниманию читателей, кроме работы Дрэпера, статьи: *Walter Laquer* "Israel, the Arabs, and World Opinion," "Commentary," 1967, August, *Ben Halpern*, "The Origin of the Crisis," "Midstream," 1967, June-July, *Morris U. Schappes*, "The Middle East Explosion — on the Eve," "Jewish Currents," 1967, July-August.

Позже вышла очень богатая содержанием книга **Вальтера Лакэра** "The Road to Jerusalem. The Origins of the Arab-Israeli Conflict, 1967" (Macmillan, New York). Она тоже содержит тексты большого числа документов, несколько меньше, чем у Дрэпера, но частью других. Большим достоинством книги Лакэра является и то, что автор имел возможность широко использовать арабскую периодическую печать и сообщения арабских радиостанций.

⁵ О колебаниях в среде советского руководства и об отсутствии в это время ясности в отношении его к ближневосточным событиям наглядно свидетельствует следующий факт. В конце марта и в первую неделю апреля состоялся XXIII съезд КПСС. В прочитанном Брежневым многочасовом отчетном докладе ЦК первый раздел был посвящен «международному положению СССР» и «внешнеполитической деятельности КПСС» («XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет», т. 1, стр. 20-47); но как это ни кажется неожиданным, ближневосточной политики и вообще событий на Ближнем Востоке доклад не касается ни одним словом, кроме упоминания почти мимоходом ОАР и Алжира в числе стран, в которых «осуществлены серьезные социальные преобразования» (т. 1, стр. 37). Не было ни слова о ближневосточных делах и тем более о Палестине и Израиле и в речи президента Подгорного (т. 1, стр. 233-247), и в речи министра иностранных дел Громыко (т. 1, 446-457), и в обширной резолюции съезда по докладу ЦК (т. 2, стр. 299-317).

Нелегко было положение на съезде делегатов «братских» партий из арабских стран. Почти все арабские страны прислали своих делегатов для участия в съезде в качестве гостей. Делегатам Объединенной Арабской Республики (ОАР была представлена делегацией не компартии, а Социалистического Союза ОАР, Высший исполнительный комитет которого, как подчеркнул на съезде его представитель, возглавляется Насером), Сирии, Иордании, Ливана, Ирака, Марокко, Туниса было предоставлено слово для приветствия; от Судана было принято приветствие в письменной форме (не было — и это осталось загадочным — приветствия от Алжира, хотя Брежнев в своей вступительной речи упомянул в числе присутствующих и приветствовал «и представителей алжирских коммунистов», т. 1, стр. 7). В большинстве этих приветствий — а каждое приветствие это речь, занимающая обычно в стенографическом отчете 2-3 страницы и больше, — нет ни слова о больном вопросе, вызывавшем еще какие-то разногласия с советским руководством. И только делегаты Сирии и Иордании решились заговорить о том, что волновало всех арабских делегатов. Сириец упомянул в числе «важнейших политических задач, стоящих перед Сирией» — «восстановление законных прав арабов в Палестине, срыв сионистских планов экспан-

сии и агрессии, поддерживаемых империализмом» (т. 2, стр. 161). Делегат Иордании выступил «за восстановление узурпированных прав арабского народа в Палестине» и протестовал против того, что Иордания стала «объектом самых коварных заговоров со стороны империализма, сионизма и реакции» и что Израиль превратился в «военный арсенал, базу для шантажа и агрессии против движения за национальное и социальное освобождение арабских народов» (т. 2, стр. 195).

Полноты ради стоит упомянуть, что на съезде присутствовала и делегация израильских коммунистов. Она была названа среди присутствующих «братских» делегаций, но слова для приветствия ей предоставлено не было (в отличие от того, что происходило на трех предыдущих съездах КПСС) и от нее было принято приветствие в письменной форме. В нем она — может быть, с некоторым напряжением и с плохо скрытой горечью — заявила:

«Мы черпаем вдохновение в солидарности вашей партии с нашей борьбой за изменение израильской политики в направлении мира, независимости от империализма, нейтралитета, за дружбу с Советским Союзом, в направлении демократии и социального прогресса.

В Израиле растут силы, выступающие за лучшие отношения с Советским Союзом» (т. 2, стр. 661).

Может быть, небезынтересно отметить, что вылетевший из Москвы в Дамаск на следующий день после правительственного кризиса 21 декабря 1965 года специальный корреспондент «Нового Времени» Николай Шimmel в своей статье «События в Сирии» в № 6 «Нового Времени», 1966 г., толково рассказав о внутренней борьбе в «Баас», приведшей к уходу с поста премьера Зуэйна и возвышению Битара, с явной симпатией отнесся к Битару. Повидимому, до переворота 23 февраля московское коммунистическое руководство симпатизировало традиционному руководству «Баас».

⁶ Вероятно, своеобразным отражением каких-то внутренних напряжений в московском политическом руководстве в связи с ближневосточной политикой был и следующий несколько странный рассказ в «Новом Времени» о пребывании сирийской делегации в Москве:

«Премьер Зуэйн и лидеры Арабской Социалистической Партии Возрождения имели дружескую и откровенную дискуссию с Л. И. Брежневым, генеральным секретарем ЦК КПСС. Делегация была также принята президентом Н. В. Подгорным. Переговоры велись Косыгиным и другими советскими правительственными вождями». Н. Паклин «Советский Союз и Сирия», «Новое Время», 1966, № 18, стр. 17.

Словом, к Подгорному «протокольный» визит, с Косыгиным и другими членами правительства деловые переговоры, закончившиеся экономическим соглашением. Политическая «дискуссия» с Брежневым.

7 «В январе 1964 года Насер созвал первую арабскую конференцию 'на самом высоком уровне' для обсуждения сирийского требования о немедленной акции против Израиля. Сирийцы настаивали на отводе воды в верховьях реки Иордана, чтобы не допустить осуществления Израилем его доли проекта использования вод Иордана, выработанного Эриком Джонстоном по инициативе администрации Эйзенхауера. Сирийцы знали, что Израиль рассматривал такой отвод, как казус белли, как и блокаду Эйлата, но они требовали всеобщей поддержки их арабами, даже с риском немедленно вызвать войну с Израилем. Насер занял на этой конференции позицию, что арабские страны не подготовлены к немедленной войне с Израилем и должны еще готовиться к ней путем создания объединенного арабского военного командования и боевой организации палестинских беженцев. Объединенное командование номинально было создано на конференции с египетским генералом Абдель Хаким Америком во главе, а Палестинская Организация Освобождения (PLO), с бывшим представителем Сауди Аравии в ООН Ахмедом Шукерти во главе, была утверждена на второй конференции 'на самом высоком уровне' в сентябре того же года» (Дрэпер, стр. 31-32).

8 Выдержки из речей главнокомандующего и военного министра приводятся по «Нир Ист Рипорт» (1967, стр. В-9). — О речи Атаси имеется сообщение в «Мид-Ист Миррор» от 28 мая. Но часть его, относящаяся к «народной войне за освобождение» приведена здесь в каком-то беспорядочном виде и, следуя примеру Дрэпера (стр. 35), я привожу ее по «Нир Ист Рипорт» от 31 мая 1966 г., стр. 42. Замечания Атаси о том, что армия рвется в бой, приводятся в точности по «Нир Ист Рипорт».

9 Правда, о речи Атаси 22 мая перед офицерами пограничных войск появилось сообщение ТАСС в телеграмме из Дамаска от 23 мая. Но как изложена здесь речь президента: «Сирия переживает период обостренной борьбы с реакцией, подымающей голову в связи с усилением активности мирового империализма и его монополий. В этой обстановке особенно остро встает вопрос о взаимном сближении всех прогрессивных сил в арабском мире». — Это все: О заострении в речи Атаси вопроса о Палестине ни слова.

Но даже и это сообщение ТАСС не было напечатано ни в «Правде», ни в «Известиях» и мы узнали о нем из Тбилисской газеты «Заря Востока» от 25 мая (перепечатано в сборнике «Евреи и еврейский народ», т. 24, стр. 165).

10 В арабских странах, конечно, сразу обратили внимание на это «заявление» и высоко его оценили; и «Мидист Миррор» в № от 28 мая подчеркнул, что это самое решительное (ти стронгест) заявление советского правительства со времени Суэцкой кампании 1956 года.

11 Письмо к председателю Совета Безопасности от 25 мая 1966 г. (документ С. Б., S/7320) цитируется в речи Томэ в Совете Безопасности 25 июля того же года (S/PV, 1288, стр. 67).

12 Там же, стр. 71. — На следующий день ту же мысль повторил в Совете Безопасности Эль-Фарра: «...это не изолированный слу-

чай; это проявление хорошо планированной и постоянной политики, основанной на агрессии и дальнейшей экспансии, политики, которую израильские власти не раз объявляли своей политикой и которая имманентна самой идеологии политического сионизма» (S/PV, 1289, стр. 27).

¹³ S/PV, 1288, стр. 112-113. Соответственные страницы в «Ежегоднике» 320-321.

¹⁴ S/PV, 1289, стр. 11.

¹⁵ "Ben-Gurion Looks Back in talks with Moshe Pearlman," New York, Simon and Schuster, 1965.

¹⁶ Абдулла был не единственной жертвой непримиримого арабского национализма среди арабских вождей. Представитель Саудии Аравии Баруди говорил об этом в Совете Безопасности 2 ноября 1966 года:

«С того времени, как была создана израильская энклава, не менее тринадцати арабских вождей были убиты — и никем другими, как арабами, — и я знал большую часть их, — убиты только потому, что ходили слухи, будто они поддерживают мысль о возможности достичь мира и при продолжении существования Израиля в этом районе. Я могу сказать, что все они были невиновны. Один из них — король — был убит в мечети. Я знал четырех первых министров. Их застрелили, как птичек. Я знал их лично. Я с сожалением говорю это, так как я хотел бы не знать их. Они были арабы до глубины души, как любой другой араб, заявляющий себя патриотом» (S/PV, 1314, стр. 52).

¹⁷ У критически настроенного читателя естественно может возникнуть мысль, не лежит ли на приведенных высказываниях Бен-Гуриона печать умудренного опытом государственного деятеля, который в 78 лет и свое собственное прошлое видит иначе, чем оно в действительности было четверть века назад. Стоит поэтому напомнить, что писал Бен-Гурион на заре существования Израиля, в докладе Государственному Совету Израиля 22 июля 1948 года, посвященном вопросам государственной обороны:

«Мы должны пользоваться каждой представляющейся нам возможностью, чтобы добиться непосредственного соглашения с арабскими народами. Это соглашение не должно строиться на наших правах, целях и завоеваниях. Оно должно строиться на великих возможностях, имманентных для двух семитских народов. Если евреи и арабы смогут действовать сообща как свободные, независимые народы, работая совместно как равные и союзники на благо той части мира, которую история предоставила им обоим, они смогут внести свою лепту и в дело обеспечения благосостояния и мира всего мира.

Только заключив договор с израильским народом и государством Израиль, арабский мир окажется способным освободиться от открытой и замаскированной зависимости от экс-

плоатирующих его внешних сил. Только сотрудничая с нашими соседями в окружающих нас странах, мы с своей стороны сможем укрепить мир нашего собственного государства. Значение мира так велико, что на достижение его стоит затратить не меньше усилий, чем мы сделали (создав государство Израиль) и, если будет необходимо, сделаем вновь, продолжая войну.

Я не знаю, наступило ли уже для этого время и готовы ли арабы к еврейско-арабскому сотрудничеству на основе равенства. Но я знаю, что эта кооперация является исторической необходимостью. Мы показали нашу силу на полях сражения, не оставляя на этот счет никаких сомнений ни у наших друзей, ни у наших врагов. Мы не можем пропустить ни одной возможности — прямыми сношениями с арабскими народами, если это возможно, — заложить фундамент для арабско-еврейского сотрудничества и сотрудничества между арабскими и еврейским государствами».

Доклад Бен-Гуриона напечатан полностью в т. 4 «Палестинского Ежегодника», посвященного событиям 1947 и 1948 годов, вышедшем уже под новым названием: "The Palestine Year Book and Israeli Annual" (англ. издание выпущено Сионистской организацией Америки и Палестинским фондом «Керен Хаесод» в Нью Йорке). Приведенный выше отрывок составлял заключительную часть доклада (в английском издании стр. 122-123) и имеет в докладе и собственный заголовок: «Арабско-Еврейское Сотрудничество».

¹⁸ Интервью с Даяном в «Ле Монд» было напечатано в английском переводе в нью-йоркском журнале «Атлас», 1966 г., август, но не привлекло к себе внимания, которого оно заслуживало. Кажется, впервые только «Джужи Коррентс» в мае 1967 г. в статье Луи Харапа о Даяне вспомнили о нем и его процитировали.

¹⁹ Подробное сообщение о попытке государственного переворота 8 сентября 1966 года — конечно, в духе сирийского руководства партии «Баас» — см. в статье Е. Примакова «Уроки одного заговора» в «Правде» от 13 октября.

²⁰ Эта речь в больших отрывках напечатана в книге Дрэпера, стр. 238-244. Цитированный отрывок см. на стр. 238.

²¹ Доклад генерального секретаря ООН от 19 мая целиком напечатан в книге Дрэпера, стр. 160-165. Цитированное место см. на стр. 251.

²² Речь Эшколя в израильском парламенте 22 мая полностью напечатана в книге Дрэпера, стр. 248-254. Цитированное место см. на стр. 248.

²³ Там же, стр. 245.

²⁴ Fred J. Hourii, "The Arab-Israeli Dilemma," Syracuse University Press, 1968, pp. 244-245.

²⁵ См. подробно об этой речи Насера у Лакера, стр. 61-64.

²⁶ О событиях ближайших дней, начиная с 16 мая, имеется цен-

ный и точно изложенный материал в четырех докладах секретаря ОН от 18, 19 и 26 мая и 27 июня, особенно подробный в последнем; на нем и базируется дальнейшее изложение. Все четыре доклада напечатаны полностью у Дрэпера (стр. 148-172 и 175-213), последний также у Лакера (стр. 261-289).

²⁷ Четыре важнейших относящихся к этому периоду речи Насера полностью или почти полностью напечатаны у Дрэпера (стр. 214-234) и у Лакера (стр. 291-305 и 312-319). Это речи в полевом штабе авиационных войск 22 мая, в Совете Международной Конфедерации Арабских профсоюзов 26 мая, на пресс-конференции 28 мая и в Национальном Собрании 29 мая.

²⁸ См. Дрэпер, стр. 22. Речь Лоджа в Общем Собрании ОН напечатана в "American Foreign Policy. Current Documents. 1957," документ № 257, стр. 940-944.

²⁹ Письмо Эйзенхауера к Бен-Гуриону напечатано у Дрэпера, стр. 140 и в "American Foreign Policy," document No. 259, pp. 945-946.

³⁰ Michael Howard and Robert Hunter, "Israel and the Arab World: The Crisis of 1967," Adelphi Papers, No. 41, October 1967, The Institute for Strategic Studies, London, p. 22.

³¹ Конечно, о ночных визитах советских послов и о речи Гречко советская печать ничего не сообщила. О речи Гречко стало известно лишь из передачи ее по каирскому радио (уже 28 мая в пять часов вечера), которую цитировал Эбан в Общем Собрании ОН 19 июня. Речь Эбана полностью напечатана у Лакера, стр. 336-356; цитированное место см. на стр. 351.

³² Речь Насера 23 июля приводится в двух не вполне совпадающих переводах у Дрэпера, стр. 238-244, и у Лакера, стр. 325-335. У Лакера она приведена немного полнее и я пользовался лакеровским текстом. Но конец последней фразы в приведенной цитате явно как-то искажен у Лакера (может быть, при переписке) и я заменил эту часть фразы Дрэперовским текстом. Цитированное место у Лакера на стр. 330-331, у Дрэпера на стр. 242-243.

³³ Образование еврейской диаспоры началось еще в VIII веке до нашей эры, когда Ассирия покорила Израиль и увела в плен и в рабство значительную часть его населения. В VI веке то же повторилось с Иудеей, значительная часть населения которой была уведена в Вавилонию. Здесь евреи пустили глубокие корни и когда вскоре явилась возможность вернуться в Иудею, заметная часть их осталась в Вавилонии; с тех пор еврейские общины здесь получили значительное дальнейшее развитие и Вавилон, наряду с Александрией в Египте, основанной Александром Македонским и с самого начала насчитывавшей в своем населении большой процент евреев, стал на продолжительный исторический период одним из важнейших центров еврейской диаспоры.

Очень скоро после возрождения Иудеи после вавилонского плена начался новый процесс еврейской эмиграции из Палестины, частью добровольной, но в очень значительной части вынужденной: это был массовый увод в плен и в рабство — персами, Птоломеями, Се-

левкидами, римлянами — после каждого обострения положения, сопровождавшегося обычно военными действиями. В начале нашей эры количество евреев в диаспоре уже значительно превышало численностью населения Иудеи. По подсчетам Барона, население Палестины, т.е. значительно расширившейся к этому времени Иудеи, достигало перед иудео-римской войной в первом веке нашей эры около двух с половиной миллионов, включая пол-миллиона самаритян, «греков» и набаттеев (*Salo Wittmayer Baron*, "A Social and Religious History of the Jews", 2nd ed., Vol. I, N.Y., 1952, p. 168). Белох к тому же времени принимает населения Палестины равным двум миллионам (*Julius Beloch*, "Die Bevoelkerung der griechisch-romischen Welt", Leipzig, 1886, S. 248). Эдуард Мейер (может быть, для несколько меньшей территории) принимает число в полтора миллиона (*Eduard Meyer*, "Die Bevoelkerung des Altertums", Handwoerterbuch der Staatswissenschaften", 3te Auflage, Bd. 2, 1909, S. 904). Но вне Палестины в римской империи в первом веке нашей эры жило уже более 4 миллионов евреев, плюс в Вавилонии и в других странах еврейского рассеяния, не подчиненных Риму, более миллиона, так что общее число евреев в Палестине и в диаспоре достигало в это время около 8 миллионов (Барон, т. I, стр. 170).

Иудео-римская война привела к резкому сокращению численности евреев в Палестине, но не коснулась их в диаспоре. Но в результате кровавых событий в первой половине второго века нашей эры — при Траяне и Адриане — очень резко уменьшилась численность евреев и в римской диаспоре и прошло не менее двух веков, пока она, может быть, вновь относительно приблизилась к прежнему уровню.

Чрезвычайное развитие еврейской диаспоры особенно подробно прослежено в монументальном труде Шюрера (*Emil Schuerer*, "Geschichte des juedischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi", vol. 3, 4-te Auflage, Leipzig, 1909, SS 2-187). Быстрый рост еврейского населения диаспоры Шюрер объясняет, наряду с высоким естественным приростом и с притоком новых выходцев из Палестины и новых тысяч военнопленных и рабов, успешной религиозной пропагандой евреев (Шюрер, т. 3, стр. 3 и 150).

Заслуживает внимания обширный список пунктов еврейского рассеяния вне Палестины в первые века нашей эры, составленный французским исследователем Жюстером. В этом списке указаны 124 названия в Европе, 165 в Азии и 56 в Африке, всего 345 названий. По каждому названию даются указания, где о нем упоминается (*Jean Juster*, "Les Juifs dans l'Empire Romain", t. I, Paris, 1914, pp. 179-209). — Здесь же подробно о прозелитизме (pp. 253-290). О том же у Шюрера т. 3, стр. 150-188).

³⁴ См. Барон, т. 1, стр. 212-213, Шюрер, т. 3, стр. 148-149. — Историки постоянно ссылаются на свидетельства современников — историка Иосифа Флавия и философа Филона Александрийского (оба евреи). Последний рассказывает и о своем личном участии в паломничестве в Иерусалим.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
I. Палестинская проблема в системе советской внешней политики	5
II. Формирование новой советской антиизраильской политики	15
Совет Безопасности, 25 июля — 3 августа 1966 г.	33
Совет Безопасности, 14 октября — 4 ноября 1966 года	44
III. Арабы готовятся к войне	51
IV. Легенда о подготовке израильской агрессии против Сирии	63
V. Предвоенный кризис обостряется	74
Поворот в арабском мире	74
Два роковых шага	78
В ОАР напряженность возрастает	80
Сирия, Иордания, Ирак	85
Израиль перед решением	88
Активность Советского Союза	96
VI. «Шестидневная война»	110
Как началась война?	111
Совет Безопасности и прекращение огня	114
Москва подводит итоги	122
Об «агрессии» «неожиданной» и «вероломной»	126
Миф об участии США и Англии в военных операциях	133
Миф об израильских кознях против Дамаска	137
Миф об актах жестокости и варварства	143
Парадокс в организации израильской национальной обороны	163
VII. Несколько заключительных замечаний	173
Об историческом праве евреев на Палестину	174
Об историческом праве арабов на Палестину	190
О пути к миру	193
Примечания	205

Цена 2.00 долл.